

Н.П.Лобачева

**Формирование  
НОВОЙ  
обрядности  
узбеков**



АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Н. П. Лобачева

**Формирование  
НОВОЙ  
обрядности  
узбеков**



---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

## Введение

Книга, написанная на основе полевых материалов автора, собранных в различных областях Узбекистана, посвящена формированию новой обрядности у узбеков в советский период. Автор исследует в основном обряды, ритуалы и праздники, связанные с событиями семейной жизни.

Критический анализ традиционной обрядности, определяемой социально-экономическим и семейно-бытовым укладом прошлого, позволяет автору прийти к выводу, что в новых, социалистических условиях процесс складывания современных форм обрядности у узбеков предопределен исторически и характеризуется теми же чертами, что и у других народов СССР.

Новый обряд, гармонически сочетающий общесоветские и творчески переработанные традиционные элементы, отражает содержание культуры и быта узбекского народа советского времени.

Ответственный редактор

И. А. КРЫВЕЛЕВ

В процессе социалистического строительства в нашей стране, осуществляемого под руководством Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, возникла и продолжает развиваться новая историческая общность людей — советский народ<sup>1</sup>. В обстановке творческой активности масс формируется и совершенствуется его культура. Каждый народ, каждая нация, являясь частью единого многонационального советского народа, участвуют в развитии его культуры, социалистической по содержанию, многообразной по своим национальным формам и интернационалистской по своему духу и характеру, — культуры, представляющей собой органический сплав создаваемых всеми народами СССР духовных ценностей<sup>2</sup>.

Процесс развития культуры советского народа — это расцвет национальных культур, происходящий в условиях сближения и взаимообогащения культур социалистических наций и народностей<sup>3</sup>.

Социалистические национальные культуры формируются на основе синтеза прогрессивных элементов старой традиционной культуры данного народа и новых интернациональных форм, рожденных социалистической эпохой. Эти последние включают, помимо вновь возникших черт, также и интегрированные элементы культуры других народов Советского Союза<sup>4</sup>.

Отбор прогрессивных элементов традиционной культуры и становление новых традиций в процессе развития национальных

<sup>1</sup> См. Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 135.

<sup>2</sup> Э. Баграмов. Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. «Коммунист», 1973, № 4, стр. 47.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, стр. 248.

культур народов Советского Союза — явление сложное, достаточно длительное и непрямолинейное.

Все явления, связанные с формированием культуры советского народа, прослеживаются и в процессе формирования новой, советской обрядности, в частности обрядности узбеков. Обрядность, как понимает это автор, — система обычаев и обрядов, составляющих определенные циклы, связанные с событиями общественной и семейной жизни. Они возникают на основе общественных потребностей и интересов определенных социальных групп населения и представляют собой исторически сложившиеся сравнительно устойчивые формы общения между людьми. Обрядность — составная часть народной культуры, элемент народного быта.

Обычаи и обряды — это выраженное в действии своеобразное, проявляющееся часто не в прямой, а в образной или символической форме отражение в человеческом сознании существующей действительности, этнических, социально-правовых, семейно-брачных, мировоззренческих, эстетических и т. п. представлений, сложившихся в процессе формирования культуры данного общества, данного народа. Поэтому важные изменения, происходящие в окружающей жизни, неизбежно сказываются на обрядности, поддерживая или, наоборот, деформируя, искажая ее, наполняя старое новым содержанием или ведя к созданию новой обрядности. Связь обрядности с действительностью двусторонняя. С одной стороны, обрядность порождена материальными условиями и практикой жизни людей, с другой — она оказывает на них и на все области общественной жизни формирующее влияние, воздействуя определенным образом на сознание и поведение людей. Таким образом обрядность обладает воспитательными функциями.

С возникновением религиозных верований и представлений появилась религиозная обрядность. В классовом обществе религия становится орудием социального гнета, защищая интересы господствующего класса. Эту задачу выполняла и религиозная обрядность, ставшая составным элементом традиционных правил поведения людей, их праздников и ритуалов.

Традиционная обрядность в силу устойчивости и консервативности долго сохраняет реликты социального и идеологического порядка, унаследованные от предшествующих эпох; эти пережитки в новых условиях жизни могут оказаться тормозом в дальнейшем развитии и отрицательно влиять на сознание и поведение людей.

В то же время в обрядности отражены ценные элементы традиционной культуры, созданной и создаваемой народом, она — средоточие и хранилище многих прогрессивных народных

традиций, народной мудрости, народного творчества. В. И. Ленин учил отбирать и беречь наиболее ценные и подлинно народные традиции и обычаи и внедрять их в современный быт. «Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»<sup>5</sup>.

Коммунистическая партия видела в создании новой, безрелигиозной обрядности одно из средств коммунистического воспитания масс. Вопрос о том, нужна ли обрядность в социалистическом обществе и если нужна, то какой она должна быть, возник сразу после окончания гражданской войны. Еще в 20-х годах газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Рабочая Москва» провели на своих страницах дискуссии о роли гражданских обрядов в формировании коммунистической идеологии, об их месте в советском обществе. Важную роль праздников и обрядов в коммунистическом воспитании наших людей, в совершенствовании их быта подчеркивали в своих выступлениях Н. К. Крупская, А. М. Горький, А. В. Луначарский, Е. Ярославский. Одним из энтузиастов новых традиций в 20-е годы стал писатель В. В. Вересаев, которому принадлежит первая попытка научной разработки психологии и методики безрелигиозных обрядов<sup>6</sup>. Многие его наблюдения и практические советы не потеряли своей ценности до настоящего времени. В. В. Вересаев придавал огромное значение эстетической функции обрядовой церемонии: художественному оформлению, сопровождающей музыке, самой символике обряда. Однако его идеи в те времена встречали сочувствие не у всех. В лагере противников новых гражданских обрядов часто оказывались не только приверженцы старых традиций, но и убежденные атеисты. Одни искренне считали, что эстетика — это пережиток прошлого. Другие видели в новых обрядах непоколебимую роскошь, доступную трудящимся только в отдаленном будущем. Третьи полагали, что любой обряд — это пережиток прошлого, в них нуждаются только суеверные люди, а гражданственность обряда якобы не изменяла его смысла.

Эти взгляды, однако, опровергла сама жизнь. Потребность в содержательном, красивом, эмоциональном обряде всегда существует. Широкое распространение по всей стране новых ритуалов и праздников подтверждает это положение<sup>7</sup>.

<sup>5</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 462.

<sup>6</sup> В. В. Вересаев. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1930.

<sup>7</sup> Информация о новых обрядах и праздниках у народов СССР содержится в приведенной ниже литературе.

Вопрос о необходимости существования гражданской обрядности сегодня можно считать решенным. Ясны цели и задачи новой обрядности: воспитание морально-этических норм поведения советского человека, удовлетворение его эстетических потребностей и окончательное вытеснение религиозных пережитков. Социалистическая новая обрядность создается на основе достижений современной социалистической культуры в сочетании с прогрессивными народными традициями.

Все эти положения неоднократно рассматривались в работах, посвященных изучению процесса формирования новой обрядности в стране. Правда, публикации, как правило, небольшие; преобладают статьи информационно-описательного характера, а обобщающих и теоретических работ сравнительно немного. Среди последних назовем работы В. И. Брудного<sup>8</sup>, Г. И. Геродника<sup>9</sup>, В. М. Иванова<sup>10</sup>, П. П. Кампарса и Н. М. Заковича<sup>11</sup>, Э. И. Лисавцева<sup>12</sup>, В. А. Руднева<sup>13</sup> и т. д. Эти авторы разрабатывали вопросы новой обрядности в основном на материалах Прибалтийских республик, РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. Вопросы новой обрядности в республиках Средней Азии и Кавказа нашли отражение в работах Г. Наджимова<sup>14</sup>, Н. С. Сарсенбаева<sup>15</sup>, А. Чотонова<sup>16</sup>, А. А. Алиева<sup>17</sup>, Б. Х. Цавкилова<sup>18</sup> и др., посвященных более широкой, но непосредственно соприкасающейся с вопросами преобразования быта проблеме — роли народных традиций в современной культуре. Мы не ставили себе целью дать историографический очерк литературы по данной теме, поэтому ограничились указанием на некоторые работы, дающие представление о состоянии разработки проблемы в различных республиках нашей страны<sup>19</sup>.

<sup>8</sup> В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня. М., 1968.

<sup>9</sup> Г. И. Геродник. Дорогами новых традиций. М., 1969.

<sup>10</sup> В. М. Иванов. Жизнь рождает новые обряды. Минск, 1964.

<sup>11</sup> П. П. Кампарс, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность. М., 1967.

<sup>12</sup> Э. И. Лисавцев. Новые советские традиции. М., 1966.

<sup>13</sup> В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды. Л., 1974.

<sup>14</sup> Г. Наджимов. Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, 1965.

<sup>15</sup> Н. С. Сарсенбаев. Обычаи и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965.

<sup>16</sup> А. Чотонов. О национальных традициях народов Средней Азии. Фрунзе, 1964.

<sup>17</sup> А. Алиев. Новая жизнь — новые традиции. Махачкала, 1966; *он же*. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968.

<sup>18</sup> Б. Х. Цавкилов. О традициях и обычаях. Нальчик, 1961.

<sup>19</sup> Большая часть указанных работ по новой обрядности имеет библиографию вопроса. Критический обзор публикаций 60-х годов по данной теме есть в статье: Л. М. Сабурова. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. «Советская этнография», 1967, № 5.

Каждый народ в силу исторических причин социально-экономического развития имеет свои особенности в культуре, приемах хозяйствования, семейном укладе, которые оказали влияние и на современное состояние обрядности, на процесс ее преобразования.

Правильное разрешение многих вопросов новой обрядности невозможно без глубокого знания деталей, подробностей традиционно-бытовой культуры народа, характеризующей его этническую специфику, изучение которой в целом составляет предмет этнографической науки. Эти подробности, выясняемые при непосредственном наблюдении жизни народа, во время бесед с его представителями, дают возможность устанавливать генезис тех или иных явлений и на этом основании прогнозировать их дальнейшее развитие. Поэтому в анализе состояния современной обрядности очень велика роль этнографов; по характеру и методам своих исследований они лучше других специалистов осведомлены в вопросах современного быта народов и знают конкретный материал.

У этнографов накопилось много интересных наблюдений в области трансформации традиционной обрядности, часть из них нашла отражение в публикациях, посвященных исследованию современной культуры и быта. Ведется и целенаправленное изучение процесса формирования новой обрядности, результаты которого частично уже увидели свет<sup>20</sup>. Эти исследования могут иметь большое практическое значение в работе, проводимой Коммунистической партией и Советским государством по формированию новой обрядности.

Роль этнографов особенно значительна при изучении традиционной обрядности, рождающихся новых форм обрядов и праздников, соответствия новых обрядов национальным вкусам широких масс населения на данном этапе развития социалистического общества.

Предлагаемая работа основана на этнографическом материале, большей частью собранном автором лично в Узбекистане<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> См., например: И. А. Кривелев. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР. «Советская этнография», 1963, № 6; Л. М. Сабурова. Некоторые вопросы изучения новой обрядности. «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири», вып. II. Улан-Удэ, 1969; Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР. (Опыт этнографического обобщения). «Советская этнография», 1973, № 4; Л. Н. Терентьева. Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии. «Советская этнография», 1961, № 2.

<sup>21</sup> Полевые исследования проводились автором с 1965 по 1968 г. в городах и сельских местностях Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Кашкардарьинской, Андижанской, Наманганской, Ферганской и Хорезмской областей Уз. ССР среди узбекского населения.

Автор пытался на примере семейных праздников проследить, как протекает в современных условиях процесс преобразования старой и рождения новой обрядности узбекского народа под воздействием радикальных изменений, происшедших за годы Советской власти в его производственной деятельности, социальной структуре, в духовной культуре и семейно-бытовом укладе. Эти социалистические преобразования способствовали появлению у народа сознательного, критического отношения к своему наследию. В области обрядности это выразилось в постепенном переосмыслении или в отказе от тех старых обычаев и обрядов, которые не соответствовали новым условиям жизни, сознанию советского человека, в замене их новыми, рождающимися в ходе социалистического переустройства быта.

Автор попытался также выявить влияние на формирование новой обрядности творческой инициативы партийной и советской общественности, культурно-просветительных учреждений, способствующих ее созданию и распространению; выяснить значение взаимодействия различных факторов в процессе складывания новых ритуалов и праздников.

Свою работу автор рассматривает как опыт изучения этих сложных вопросов в этнографическом аспекте, методом полевых этнографических наблюдений. Для более глубокой и всесторонней их разработки необходима постановка широких комплексных этносоциологических исследований, привлечение коллективов различных специалистов. Актуальность такого рода комплексных исследований, уже начатых в Узбекистане<sup>22</sup>, не вызывает сомнений — изучение проблемы соотношения традиций и инноваций в быту народов СССР на материале их обрядности соответствует научно-практической задаче, выдвинутой перед работниками общественных наук директивами XXIV съезда КПСС: комплексное исследование современных процессов развития общества в интересах содействия решению задач коммунистического строительства<sup>23</sup>.

Социалистическое переустройство быта народов Средней Азии имело специфические трудности. Помимо экономической, социальной и культурной отсталости, характерных для дореволюционного прошлого народов Средней Азии, формированию нового быта мешало сильное влияние ислама, реакционность мусульманского духовенства. Установления шариата в течение многих веков регулировали общественную жизнь, семейные отношения, определяли нормы поведения каждого мусульманина.

<sup>22</sup> И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, стр. 185 и др.

<sup>23</sup> См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 245.

В. И. Ленин, подчеркивая необходимость внимательного учета местных особенностей быта народов бывших отсталых окраин России при проведении национальной политики партии и Советского государства, отмечал реакционную роль влияния мусульманского духовенства на все сферы жизни народов Средней Азии; «они всецело в подчинении у своих мулл»<sup>24</sup>, говорил об этих народах В. И. Ленин в 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Уже в первые годы Советской власти благодаря осуществлению ленинской национальной политики были созданы возможности для преодоления противодействия этих старых традиций.

В процессе индустриализации, проведения аграрной революции и коллективизации в Узбекистане происходило коренное изменение социальной структуры общества, что приводило к постепенному освобождению трудящихся от влияния остатков феодально-патриархальных и родо-племенных традиций, служивших серьезным тормозом в социалистическом преобразовании быта и культуры местного населения. Уже аграрная революция 20-х годов подорвала экономическую основу, стимулировавшую ранние браки, многоженство, калым, затворничество и другие вредные семейно-бытовые традиции, освященные идеологией ислама.

На преобразование основ быта и духовной культуры народов был направлен ряд декретов Советской власти, положивших начало культурной революции: «Декларация прав народов России», декреты об организации народного просвещения, декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также работа по ликвидации неграмотности и раскрепощению женщины. Для формирования нового быта и обрядности имел большое значение закон о регистрации и расторжении браков и т. д.

В Узбекистане первые шаги на пути формирования новой обрядности связаны с политикой партии и правительства по раскрепощению женщины Востока — политикой, проводившейся с первых лет установления Советской власти и направленной на обеспечение не только законодательного, но и фактического равенства ее с мужчиной. Государственные мероприятия в этом направлении сводились к тому, чтобы экономически и политически раскрепостить женщину, приобщить ее к новому быту, к активному участию в общественно полезном труде, в политической и культурной жизни<sup>25</sup>. Для этого использовались различные формы

<sup>24</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 159.

<sup>25</sup> Ш. Р. Рашидов. Ленинизм — знамя освобождения и прогресса народов. Доклад на Международной научной конференции «Опыт социалистических преобразований в СССР и его международное значение», посвященной 50-летию образования СССР. Ташкент, 1972, стр. 50.

воспитательной работы — делегатские собрания, женские клубы, школы, дома дехкан и т. п.

Среди передовой части узбекского населения в 1923—1925 гг. (сначала в городах — Ташкенте, Андижане, а в 1925—1927 гг. — и в сельской местности — Наманганской области)<sup>26</sup> начали создаваться так называемые семейные кружки — *оилави тугарак*, целью которых было приобщить женщину к активному участию в общественной жизни, вывести ее из затворничества, поднять ее культурный уровень, приучить мужчин и женщин к совместному времяпрепровождению в общественных местах. Члены этих кружков проводили вместе время досуга, учились, начали по-новому отмечать свадьбы и другие семейные торжества. Однако многочисленные семейные кружки распались, так как в 20-х годах еще не было устойчивой социальной и культурно-бытовой базы для того, чтобы такие нововведения имели широкий и глубокий резонанс. Но тем не менее именно в них впервые были резко нарушены вековые традиции и зародились новые формы обрядности.

В конце 50-х — начале 60-х годов в масштабах всей страны вопрос о новой гражданской обрядности был выделен особо среди задач по социалистическому переустройству быта и воспитанию материалистического мировоззрения советского человека. И в Узбекистане эти годы оказались весьма плодотворными в создании и внедрении советской обрядности.

Борьба за новый быт, за советские ритуалы стала важной частью работы партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, научных и культурно-просветительных учреждений по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Направление этой работы в Узбекистане было определено в докладе Ш. Р. Рашидова на XIII пленуме ЦК КП Узбекистана в 1964 г., посвященном вопросам культуры быта. В нем говорилось: «Повышение культуры быта неразрывно связано с настойчивой борьбой за внедрение в жизнь народа новых обычаев, новых гражданских ритуалов. А это в свою очередь требует решительного преодоления прежде всего религиозных пережитков, на которых, собственно, и держатся многие старые обычаи и нравы. Следовательно, нам нужно всемерно улучшить антирелигиозную работу, научно-атеистическое воспитание трудящихся... Предметом нашей неустанной заботы должно быть создание и внедрение в быт людей новых традиций, обрядов, праздников — таких, которые, сохранив в себе подлинную народность, были бы по духу своему коммунистическими. Нам надо активно поддер-

живать новое, прогрессивное, которое проникает в быт народа в результате социалистического преобразования нашего общества, тесного интернационального общения советских народов, взаимобогащения и взаимовлияния братских культур. Необходимо прежде всего повышать значение революционных праздников и совершенствовать их проведение. Вместе с тем надо восстановить и развить старые прогрессивные народные праздники, наполнив их новым коммунистическим содержанием»<sup>27</sup>.

Положения доклада Ш. Р. Рашидова нашли отражение в специальном постановлении пленума. О создании новой обрядности в нем, в частности, говорилось: «Изучить родившиеся в народе новые социалистические обряды и праздники и на их основе разработать предложения по внедрению в быт людей новых обрядов и гражданских ритуалов. Для разработки рекомендаций по проведению новых праздников, семейных торжеств привлечь ученых — историков, этнографов, философов, деятелей литературы, искусства, представителей советских, профсоюзных, комсомольских и юридических организаций»<sup>28</sup>.

В последующие годы эти вопросы не сходили с повестки дня работы партийных организаций. Вопросам культуры быта уделено большое внимание XIV пленум ЦК КП Узбекистана (1966 г.). В сентябре 1971 г. в Ташкенте был проведен республиканский семинар-совещание, созданный ЦК КП Узбекистана, на котором обсуждалась роль обычаев, обрядов и ритуалов в идеологической работе, оценивалось их значение в деле коммунистического воспитания трудящихся<sup>29</sup>.

В это время в газетах и журналах советских республик Средней Азии появляется значительная литература о новых праздниках и ритуалах на узбекском и русском языках<sup>30</sup>. Часть этих работ можно характеризовать как информационно-описательные, фиксирующие появление того или иного нового праздника и отмечающие его преимущества по сравнению со старым обрядом или праздником; авторы подчеркивают большие материальные затраты на традиционно-религиозных торжествах, но при этом часто оставляют без внимания вред их идейного содержания. В тех же случаях, когда религиозное содержание обрядов рас-

<sup>27</sup> Ш. Р. Рашидов. Повышение культуры быта, преодоление пережитков прошлого — важное условие коммунистического воспитания трудящихся. «Правда Востока», 6 июня 1964 г.

<sup>28</sup> «Правда Востока», 17 июня 1964 г.

<sup>29</sup> Информация о работе семинара: Д. Ганиев, Ш. Яхъяев. Новая жизнь обрядов, праздников, традиций. «Наука и религия», 1972, № 2.

<sup>30</sup> См., например: А. Евстифеев. Торжественно, памятно. Ташкент, 1970. В книге рассказывается об опыте работы по новой обрядности в Кировском районе Ташкента.

<sup>26</sup> М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959, стр. 47—49.

крывается, главное внимание авторов сосредоточено обычно на чисто мусульманских ритуалах, а масса пережитков домусульманских верований, которыми пропитана традиционная семейная обрядность, остается иногда вне поля их зрения.

В научной литературе о новой обрядности в Узбекистане ряд серьезных работ принадлежит философам. В них акцентируется внимание на теоретических вопросах этой проблемы, разрабатываемой на фоне более широкой темы о роли национальных традиций в современной культуре, закономерностях сближения быта и традиций социалистических наций<sup>31</sup>. Библиография о новой обрядности в Узбекистане содержит и исследования этнографов<sup>32</sup>.

Первая глава настоящей работы посвящена анализу процесса трансформации традиционных семейных обрядов и праздников, ему уделено основное внимание в работе. Все описываемые здесь ритуалы имели сложную социальную и религиозную базу, они

<sup>31</sup> См., например: *Г. Нахжмов*. Указ соч.; *он же*. К вопросу о национальных традициях. «Коммунист Узбекистана», 1961, № 9; *он же*. Новые традиции и обряды — в жизнь. «До ума и сердца каждого. (Из опыта массово-политической работы партийных организаций Узбекистана по месту жительства трудящихся)». Ташкент, 1968; *он же*. Социализм и народные традиции. «Правда Востока», 23 сентября 1971 г.; *И. М. Муминов*. Новым, лучшим традициям — простор широкий. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 8, 9; *О. П. Умурзакова*. Диалектическое единство национальных и интернациональных традиций. «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 12; *она же*. Закономерности сближения быта и традиций социалистических наций. Ташкент, 1971; *Ф. Султанова*. К вопросу о национальных традициях. «Общественные науки в Узбекистане», 1972, № 1; и др.

<sup>32</sup> Серия работ принадлежит узбекскому ученому И. Джаббарову, посвятившему свои исследования проблеме быта и его соотношению с религией в условиях социалистических преобразований советского периода в Узбекистане. Вопросы новой обрядности, разрабатываемые им на базе этнографического и конкретно-социологического исследований, нашли отражение в следующих публикациях: *И. Джаббаров*. Вера, традиция, нравы (на узб. яз.). Ташкент, 1967; *он же*. Социологические исследования религиозно-бытовых пережитков и атеистическое воспитание масс. «Коммунист Узбекистана», 1967, № 5; *он же*. Борьба идет за человека. «До ума и сердца каждого». Ташкент, 1968; *он же*. Важный участок идеологической работы. «Коммунист Узбекистана», 1969, № 5; *он же*. Новые обряды и ритуалы — в быт трудящихся. «Коммунист Узбекистана», 1971, № 6; *он же*. За новые традиции и обряды (на узб. яз.). «Фан ва турмуш», 1972, № 1; *он же*. «Святые места», быт и традиции (на узб. яз.). «Фан ва турмуш», 1972, № 7; *он же*. Социальный прогресс и преодоление пережитков ислама в быту. Автореферат докт. дисс. М., 1972; *он же*. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973.

Материалы о преобразовании традиционной обрядности и появлении новых обрядов и праздников есть в этнографических работах, посвященных исследованию современной культуры и быта узбекского городского и сельского населения. Например: *Ш. Музапаров*. О быте рабочих-нефтяников Ферганы. «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 2; «Этнографиче-

прошли длительный путь развития, имеют богатую историю. Это дает возможность проследить их изменение от дореволюционного периода по сегодняшний день. В этой же главе рассматриваются новые обряды, ритуалы и праздники, возникшие на традиционной основе и являющиеся результатом трансформации старого обряда в новых социальных условиях, а также рожденные социалистической эпохой новые ритуалы, имеющие смысловой прототип в традиционной народной обрядности.

Большая часть первой главы посвящена свадебной обрядности, занимающей центральное место в цикле семейных обрядов и праздников<sup>33</sup>.

Вторая глава посвящена совершенно новым для Узбекистана праздникам и обрядам, не имеющим прототипов в дореволюционном прошлом и формирующимся в системе общесоветских традиций. Возникновение и распространение этих праздников, сочетающих национальные и интернациональные черты, связано с процессом сближения и взаимовлияния наций в нашей стране, с формированием общесоветской культуры, интернациональных черт советского быта; в создании этой серии новых ритуалов играет большую роль творческая инициатива широких кругов общественности.

М., 1969. Особо надо отметить здесь главу этой коллективной монографии, написанную Л. Ф. Моногаровой, о семье и семейном быте узбеков Пастдаргомского района Самаркандской области Уз. ССР (см. стр. 222—243), в которой большое место занимает описание современных семейных праздников в сравнении с прежними, подмечены некоторые особенности процесса преобразования старой и формирования новой обрядности.

В брошюре Х. Исмаилова и К. Кубакова. «Туй ва туй маросимлари» (Ташкент, 1973; на узб. яз.) описываются узбекская свадьба и свадебная обрядность, рассказывается об изменениях, происшедших за годы Советской власти в обрядности, о новых традициях и обрядах. См. также: *Ф. Орипов*. Металлургия турмуши ва маданияти. «Фан», Ташкент, 1970, стр. 40 и сл. Теме новой обрядности посвящен также ряд статей автора: *Н. П. Лобачева*. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана. «Советская этнография», 1967, № 2; *она же*. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана). Там же, 1972, № 1.

<sup>33</sup> Узбекские термины даются в русском произношении, в скобках указывается написание на узбекском языке.



## Трансформация традиционных семейных праздников и обрядов

### Узбекская семья в советский период

Семейная обрядность<sup>1</sup> — одна из сторон жизни семьи. Поэтому, прежде чем говорить о ней, остановимся на характеристике некоторых черт узбекской семьи в прошлом и настоящем; это необходимо для понимания особенностей формирования новой обрядности в общем процессе преобразования быта в советский период.

В дореволюционное время у узбеков, равно как и у других среднеазиатских народов, существовали две формы семьи<sup>2</sup>: малая и так называемая неразделенная, живущая по принципам большой патриархальной семьи. Малая семья состояла из супружеской пары и ее еще не вступивших в брак детей. Неразделенная семья включала в свой состав несколько малых семей: семью родителей и семьи их женатых сыновей или же только семьи нескольких братьев. Неразделенная семья могла состоять из трех и более поколений. И в малой, и в большой семьях все ее члены были в экономическом и правовом отношении зависимы от главы семьи — владельца всей ее собственности и хранителя ее устоев. В малой семье это был отец, в неразделенной — отец или старший из братьев. Взаимоотношения членов семьи жестко регулировались множеством правил патриархально-феодалного

<sup>1</sup> Термин «семейная обрядность», которым мы пользуемся, в достаточной степени условен. Такие события семейной жизни, как свадьба, похороны, в прошлом были предметом забот общины, рода, членом которых была семья, поэтому обряды свадебного, частично детского и похоронно-поминального циклов не являлись узкосемейным делом. В целях систематизации и классификации обрядности в применении к той ее части, которая непосредственно относится к жизни семьи, в этнографической литературе принят термин «семейная обрядность».

<sup>2</sup> «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айқыран. Ташкент, 1955; М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959; «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969; и др.

быта, пронизанного установлениями мусульманской религии<sup>3</sup> и пережитками домусульманских верований. Наиболее зависимое положение было у младших членов семьи и у женщин, особенно младших невесток.

В настоящее время сохранились обе формы узбекской семьи, но численно преобладает малая. Однако изменения, происшедшие за годы Советской власти в строе семьи и внутрисемейных отношениях, особенно видны на примере неразделенной семьи.

Преобразование быта и семейных отношений, создание нового, социалистического типа семьи было неотъемлемой частью программы социалистического строительства в нашей стране. Коммунистическая партия и Советское государство всегда придавали первостепенное значение созданию нового гражданского брачно-семейного законодательства, обеспечению фактического равноправия женщин с мужчинами, преодолению меркантильной мотивации при вступлении в брак, замене патриархальных и авторитарных основ семейной жизни отношениями равенства и взаимного уважения, постоянно проявляли заботу о женщине-матери, о детях, об укреплении советской семьи.

В советский период изменилась экономическая основа семьи, что положило начало изживанию норм обычного права и шариата, определявших взаимоотношения членов семьи в прошлом.

В дореволюционном Узбекистане в силу патриархальности бытового уклада всей жизнью семьи руководило старшее поколение, а конкретно — ее глава, независимо от того, вносил ли он фактически свою долю труда для обеспечения материального благосостояния семьи. Такое положение определялось тем, что все движимое и недвижимое имущество, приобретенное трудом всей семьи, принадлежало ему — главе семьи. Лишь он мог распоряжаться семейными доходами.

В условиях советской действительности само понятие «глава семьи» изменило свое содержание. Теперь речь может идти преимущественно о моральном «главенстве» того члена семьи, который обладает наибольшим авторитетом в глазах остальных, чье решение семейных проблем наиболее весомо, и т. д.

Теперь все взрослые члены семьи, в том числе и женщины, работая на производстве или в колхозе, участвуют в распределе-

<sup>3</sup> Надо отметить, что городская семья в Узбекистане, как и в Таджикистане, в дореволюционное время, в силу большего распространения ортодоксального ислама в городах, испытывала большее влияние мусульманской идеологии, чем сельская семья. Кроме того, жизнь семьи направлялась общественным мнением членов общины или родовой группы (у узбеков, сохранивших родовые деления). Безусловно, община и род в условиях феодальной, с элементами капиталистических отношений, Средней Азии представляли собой реликтовые формы этих институтов.

нии общего заработка членов семьи. Главой семьи поэтому бывает не обязательно старший по возрасту, а тот, кто зарекомендовал себя как хороший хозяин, пользующийся определенным весом в обществе, часто это — наиболее образованный член семьи. Главой семьи в зависимости от сложившихся обстоятельств может быть и женщина.

Наметилась такая тенденция: старшие по возрасту члены семьи (родители) большей частью ведут домашнее хозяйство (особенно женщины), а молодые работают на производстве или в колхозе. Это относится и к молодым женщинам, жизнь которых прежде замыкалась стенами дома. Если раньше молодые невестки не смели даже разговаривать со старшей родней мужа, особенно со свекром, до рождения двух-трех детей и находились в подчинении у жены главы семьи, возлагавшей на них почти все работы по дому, то в наши дни молодые женщины, как правило, трудятся на производстве, а бабушки сидят дома, ухаживая за детьми и выполняя некоторые работы по дому. Благодаря социальным преобразованиям и мероприятиям Коммунистической партии по раскрепощению женщины Востока положение женщины в семье и обществе коренным образом изменилось. С момента рождения жизнь девочки, потом женщины стала иной. Прежде рождение дочери проходило незаметно, рождение же сына торжественно отмечалось. Теперь рождение и дочери, и сына воспринимается одинаково: это радость, настоящий семейный праздник. Девочки учатся в школах наравне с мальчиками. По достижении совершеннолетия девушки, подобно юношам, продолжают учебу в высших или специальных средних учебных заведениях, работают на производстве.

Молодые люди, юноши и девушки, сами решают вопрос о вступлении в брак. А раньше, по старому обычаю, их судьба целиком зависела от воли родителей и старших родственников, от решения членов своей общины или рода. Представители общины, рода участвовали во всех совещаниях относительно вступления в брак и в свадебных церемониях.

Иным стало положение младшей невестки в семье. Одним из свидетельств этого является постепенное исчезновение обычая избегания и запретов, которыми определялись взаимоотношения невестки с родней мужа.

Несмотря на то, что в жизни узбекской семьи произошли огромные перемены — изменились экономические отношения внутри семьи, стали новыми взаимоотношения между старшим и младшим поколениями, ликвидировано бесправие женщин, исчезли многие старые обычаи и традиции и т. д., обрядность, связанная с семейным бытом, долго сохраняла прежние формы. Это явно приходило в противоречие с новыми отношениями в семье.

Для наглядности приведем такой пример: в Узбекистане изжито разделение дома на *ичкари* и *ташкари*, т. е. на мужскую и женскую половины. В семье, на производстве мужчины и женщины не обособляются друг от друга. Однако традиционные праздники семейного цикла долго протекали согласно старому обычаю: угощения для мужчин и женщин устраивались отдельно. Так же не соответствовал новым отношениям в семье обычай отделять невесту от гостей обрядовой занавеской во время свадьбы. Женщины Узбекистана давно сняли паранджу, чачван<sup>4</sup> и другие накладки, которыми прежде прикрывали лицо при встрече с мужчинами на улице или дома перед старшей, особенно мужской родней мужа. Но невеста на справляемой по старым традициям свадьбе и в наши дни должна была сидеть в комнате за специальной занавеской, закрытая обрядовым покрывалом или даже бабушкиной паранджой, которую снимали только на заключительных церемониях свадьбы — во время обряда «смотрения лица» (узб. *юз очди*; тадж. *рубинон*), происходящего уже в доме новобрачного, после переезда невесты из дома родителей.

Однако постепенно, под влиянием новых условий жизни семейная обрядность менялась и продолжает меняться. Перемены в первую очередь коснулись содержания отдельных звеньев обряда, а форма в большинстве случаев сохранялась старая. Так, как уже говорилось, вопрос о браке детей раньше решали родители и старшие родственники. Они советовались с представителями общины или рода (там, где сохранились пережитки родо-племенного деления), подыскивали подходящую партию. Завершались эти хлопоты церемонией сватовства и дальнейшими переговорами об условиях брака. Теперь молодые люди сами договариваются о вступлении в брак и ставят в известность об этом родных, которые встречаются, чтобы познакомиться и решить все вопросы предстоящей свадьбы. Таким образом, функция данного этапа свадебных церемоний изменилась; акт договора сторон о браке стал актом знакомства родителей жениха и невесты и объявления о браке. Тем не менее в традиционном варианте свадьбы соблюдались все полагающиеся по старому обычаю церемонии, связанные раньше со сватовством и дальнейшими переговорами о возможности породниться.

<sup>4</sup> Паранджа — специфическая одежда среднеазиатской женщины-мусульманки, распространенная в прошлом преимущественно в городских центрах Узбекистана и Таджикистана. Представляет собой длинный халат, набрасываемый по выходе из дома поверх головного убора. Рукава его утерали утилитарное назначение, превратившись в декоративную деталь. В городах паранджу носили с черной из конского волоса сеткой, закрывавшей лицо женщины и называвшейся *чачван*, *чаиман*, *чиммет* (от перс.-тадж. *чаим-банд* — «лицевая занавеска»).

В последнее время процесс трансформации обрядности, будучи результатом изменения всех норм общественной и семейной жизни, вступил в ту фазу, когда активно изменяется сама форма обряда. Большую роль в этом играет целенаправленная деятельность общественности и культурно-просветительных учреждений по созданию новой обрядности. Под влиянием новых форм обрядности, возникших в ходе деятельности общественности, ускоряется процесс трансформации традиционной обрядности в среде народа, что стало возможным в результате изменения психологии и мировоззрения широких масс населения. Надо заметить, что при создании новой формы в обрядах изменяются лишь те элементы, которые содержат что-либо несоответствующее новому содержанию. Там, где противоречий не встречается, сохраняется прежняя традиция.

Преобразующиеся обряды включают наряду с национальными элементами общесоветской культуры, общесоветские ритуалы. В качестве примера здесь можно привести церемониал современной свадьбы, носящей в народе название *кызыл-той* (узб. *кизил-тўй* — «красная свадьба»).

Процесс трансформации традиционной обрядности протекает значительно медленнее по сравнению с преобразованиями в жизненном укладе народов Узбекистана. Отсюда вытекала необходимость в ускорении этого процесса путем специальной деятельности по созданию новых обрядов, ритуалов и праздников и их широкой популяризации.

Работа по созданию новых праздников и обрядов для семьи требует большого такта, глубокого знания всех сторон жизни данного народа и, конечно, изучения его традиционной обрядности. Семейная обрядность связана с интимными сторонами жизни семьи, где больше всего сохранилось пережитков древних верований и институтов, относящихся к социальной жизни, где сильнее всего сказывалось влияние религии. Однако больше всего исламских ритуалов — в похоронно-поминальном цикле обрядов. В обрядах, посвященных рождению и воспитанию детей, они ограничивались молитвой при наречении имени ребенку и операцией обрезания.

В свадебных церемониях, состоявших из разветвленного цикла обрядов, мусульманский ритуал лишь один: это обряд бракосочетания — *никох*. Мусульманской молитвой скреплялся также и договор о вступлении в брак на церемонии помолвки. Все остальное — реликты древних домусульманских верований, против которых ислам обычно не протестовал.

Религиозная обрядность связана с той системой мифов и догматов, которая составляет вероучение данной религии. Однако обычно обрядность, бытующая в той или иной этно-конфессио-

нальной группе, является выражением синкретической религиозности, сложившейся в результате смешения верований различного происхождения и разных исторических эпох. Нередко выполнение обрядов вообще не связывается в сознании людей с определенными религиозными верованиями, а является лишь данью консервативной бытовой традиции. Так, в семейной обрядности очень много элементов, уже потерявших связь с какими бы то ни было религиозными представлениями, но очень красочных и, конечно, любимых местным населением. Для примера укажем на всевозможные *тамоша* (развлечения-зрелища), составной частью которых были соревнования в остроловии (*аския*), сопровождавшие каждый *той* (пиршество).

Планомерная работа по совершенствованию культуры быта, в частности по созданию новой обрядности, особенно активизировалась в связи с решениями июньского пленума ЦК КП Узбекистана (1964), посвященными этим вопросам. В творческих поисках наилучших форм новых советских ритуалов участвуют партийные, комсомольские, профсоюзные организации, научные и культурно-просветительные учреждения, художественные коллективы. Программы (часто называемые «сценариями») ритуалов, связанных с актами гражданской регистрации, разрабатывались Министерством культуры Узбекской ССР совместно с республиканским советом профсоюзов, культурно-просветительными учреждениями, особенно домами народного творчества, комиссиями, созданными при исполкомах советов. Так, в результате отбора всех предложений создан современный ритуал торжественной регистрации брака и торжественной регистрации новорожденных, которые можно провести в любых условиях — в городе и сельской местности, во дворце бракосочетаний, дворце культуры и сельском клубе или поселковом совете. Координировал эту работу республиканский методический совет по обобщению и внедрению в быт новой гражданской обрядности при республиканском отделении общества «Знание», куда вошли партийно-комсомольские и профсоюзные активисты, ученые и творческие работники. Созданные таким образом «сценарии» ритуалов рассылались на места — в загсы, дворцы бракосочетания, дома культуры и т. д. На местах эти программы очень часто перерабатывались работниками культуры. Окончательные коррективы, однако, вносит народ — неудачные программы не используются, не входят в быт.

Обмен опытом по вопросам новой обрядности не раз происходил на республиканских, областных и районных совещаниях-семинарах, на которых не только заслушивались доклады по отдельным темам этой сложной проблемы, но и демонстрировались новые ритуалы.

В 1971 г. при ЦК КП Узбекистана был создан республиканский совет по пропаганде и внедрению новых обрядов и ритуалов в быт трудящихся. Такие же советы созданы при обкомах, горкомах, райкомах партии, в крупных первичных организациях для планомерного организованного решения вопросов новой обрядности, отвечающей духу времени, возросшим возможностям страны.

В настоящее время уже вошел в жизнь ряд новых ритуалов, обрядов и праздников, в преобразовании или создании которых принимала активное участие общественность; на первом месте по распространению следует назвать гражданский ритуал торжественной регистрации брака. Первоначально он распространился в городах. Теперь и в сельской местности не бывает свадеб без гражданской регистрации брака, происходящей, как правило, в торжественной обстановке. Для Средней Азии — и, в частности, для Узбекистана — это является значительным достижением. В первые годы Советской власти, несмотря на законодательное установление о гражданской регистрации брака, брак регистрировали много времени спустя после свадьбы и даже после появления в семье нескольких детей. В то время благодаря сохранению пережиточных форм общинной организации с ее институтом подавления личности и господством религиозных норм быта главным считался религиозный обряд бракосочетания.

Глубокое оживление в быт нового ритуала торжественной регистрации брака, как и других новых ритуалов и праздников, имеющих отношение к жизни семьи, свидетельствует о больших переменах в сознании, психологии и мировоззрении широких слоев населения. Оно говорит о разрушении тех косных традиций, которые мешали развитию нового быта узбекской семьи, труднее и медленнее воспринимавшей прогрессивные формы обрядов и обычаев, чем производственные коллективы<sup>5</sup>.

Разработан и принят новый ритуал торжественной регистрации новорожденных, распространившийся как в городах, так и в сельской местности. В семьях утверждается новая для Узбекистана традиция отмечать дни рождения детей. В школах также отмечаются дни рождения учеников. Эти торжества проводятся не обязательно в стенах школы и даже предпочтительнее не в них, а в районных домах культуры, клубах<sup>6</sup>.

Устанавливаются новые для Средней Азии формы празднования новоселья, проведения досуга семьи и т. д. Одни из названных торжеств совершаются в домашних условиях, другие —

<sup>5</sup> И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, стр. 181.

<sup>6</sup> Полевые записи автора, 1965 г. Самарканд. Архив Института этнографии АН СССР.

в домах культуры, клубах, «домах счастья», развернувших свою работу и в городе, и в деревне.

«Дом счастья» (бахт ўйи) — это новый очаг культуры, предназначенный для проведения торжеств семейного характера. Впервые «дома» появились в 1964 г. в Бухарской области, в настоящее время распространились по всему Узбекистану, особенно в сельской местности. Теперь почти в каждом районе имеется свой «дом счастья»<sup>7</sup>. В Бухарской области определен круг ритуалов, совершаемых в «домах счастья»: торжественная регистрация брака, торжественная регистрация новорожденных, награждение многодетных матерей, вручение первого паспорта, проводы в Советскую Армию, проводы на пенсию и т. п. Здесь же впервые вошел в быт и атрибут распорядителей торжественных церемониалов — лента, надеваемая на грудь через плечо, расцветка ее как на флаге Узбекской ССР.

При всех домах счастья имеются советы содействия, члены которых — активисты данного района — на общественных началах ведут работу с населением: разъясняют вредные стороны старых обычаев и обрядов, популяризуют новые, в частности ратуют за веселые и проводимые без больших затрат семейные праздники. В дни торжественных церемоний в домах счастья звучит музыка, продаются сувениры. Почти при каждом доме счастья есть «парк счастья», где после завершения ритуала обычно сажают «дерево счастья»<sup>8</sup>.

На 1 февраля 1965 г. в 10 открывшихся к этому сроку домах счастья в Бухарской области было зарегистрировано 150 браков, выдано 465 паспортов, 736 свидетельств о рождении<sup>9</sup>. А к июлю 1966 г. в области функционировало уже 20 домов счастья, в них было проведено 1670 регистраций брака, торжественно вручено 5736 свидетельств о рождении, 965 паспортов, 286 медалей многодетным матерям, совершено 19 проводов на пенсию и «посвящений в хлопкоробы» во время «праздника поколений», 18 проводов в Советскую Армию<sup>10</sup>. Опыт работы домов счастья Бухарской области послужил образцом для других областей республики.

Таким образом, в ходе социалистического переустройства быта отчетливо выявилась потребность в созвучном современному уровню общественного развития оформлении различных событий семейной и общественной жизни. Это вызвало активиза-

<sup>7</sup> В республике в 1970 г. насчитывалось 243 дома счастья — см.: И. Джаббаров. Указ. соч., стр. 196.

<sup>8</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухара.

<sup>9</sup> В. Фадеева, А. Мирфайзов. Новая жизнь, новые обряды. «Правда Востока», 9 марта 1965 г.

<sup>10</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухара.

цию общественной деятельности по ускорению начавшегося в среде самого народа процесса формирования новой обрядности, вылившуюся в специальную работу в этом направлении партийно-комсомольских, советских, научно-исследовательских и культурно-просветительных организаций и учреждений. Эта целенаправленная деятельность в Узбекистане благотворно сказалась на ускорении преобразовательного процесса традиционной народной обрядности; в результате этой работы были созданы новые для Узбекистана ритуалы и праздники и внедрены в быт широких масс населения. Новые ритуалы и праздники, носящие интернациональный характер, слагались из рожденных новой действительностью элементов культуры, общих для всех народов СССР, и интегрированных элементов культуры других народов Советского Союза.

Следующий аспект целенаправленной деятельности общественности по созданию новой обрядности заключался в возрождении на новой социальной основе ряда народных праздников, утративших в послереволюционный период свою массовость. Это относится в основном к области общественной обрядности и поэтому не входит в наше подробное рассмотрение.

Таким образом, процесс формирования новой безрелигиозной обрядности слагался из двух моментов: творческой инициативы масс по преобразованию, трансформации устаревших, не соответствующих новым отношениям в семье и обществе обычаев, обрядов и традиций, с одной стороны, и целенаправленной деятельности общественности по созданию и популяризации новых ритуалов и праздников, регулирующей и направляющей преобразовательный процесс в среде народа, — с другой.

Последующее наше изложение в первую очередь будет посвящено трансформации традиционной обрядности и рождению на ее основе новых обычаев, обрядов и праздников.

### Свадебная обрядность

Свадьба — это символический акт рождения новой ячейки общества — семьи. Знаменательные события в жизни семьи оформляются последующими обрядами и ритуалами семейного цикла. К свадебной обрядности в первую очередь мы обращаемся еще и потому, что из традиционных обрядов этого цикла свадебный церемониал подвергся, пожалуй, наибольшему изменению в процессе социалистического переустройства быта в нашей стране. Свадебный цикл — самый разветвленный, состоит из ряда сменяющих друг друга церемоний. Каждая из них претерпевает изменения, сумма которых позволяет определить общие тенденции развития.

В настоящее время в Узбекистане распространены два вида свадеб: традиционная и новая. Последняя имеет две разновидности: свадьба, празднуемая в домашних условиях и празднуемая в коллективах, где работают или учатся вступающие в брак, во дворах культуры, в домах счастья, в клубах и т. д. В противоположность традиционной, именуемой *эски-той* (узб. *эски-тўй* — «старая свадьба»), свадьбы без соблюдения старых обычаев называются *янги-той* (узб. *янги-тўй* — «новая свадьба»), *янгича-той* (узб. *янгича-тўй* — «свадьба по-новому»), *ёшлар-той* (узб. *ёшлар-тўй* — «молодежная свадьба»), *комсомол-той* (узб. *комсомол-тўй* — «комсомольская свадьба»). Пользуются и термином *кызыл-той* (узб. *кизил-тўй* — «красная свадьба»), появившимся в 20-е годы XX в., к которым относятся первые опыты формирования новой обрядности в Средней Азии.

Прежде чем говорить об изменениях в традиционном свадебном обряде в наши дни, о новом свадебном обряде, остановимся на характеристике старого традиционного обряда, бытовавшего среди узбекского населения в самом начале XX в., так как это облегчит понимание происходящих в нем перемен.

### Традиционный свадебный обряд (начало XX в.)

В основу описания свадебного обряда узбеков начала XX в. положены записи автора, собранные у старожилов Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Андижанской, Наманганской, Ферганской, Кашкадарьинской, Хорезмской областей Узб. ССР в период с 1965 по 1968 г. (хранятся в Архиве Института этнографии АН СССР). Использована также этнографическая литература дореволюционного и советского времени<sup>11</sup>.

<sup>11</sup> В. П. Наливкин, М. В. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; А. Н. Хорошихин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; А. Д. Гребенкин. Узбеки. «Русский Туркестан», вып. II. М., 1872; А. Шишов. Сарты, ч. I. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. XI. Ташкент, 1904; Н. Г. Борозна. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана. «Советская этнография», 1969, № 1; «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 193—243; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков. КСИЭ, вып. 34, 1960; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1948, стр. 396; Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; и др.

В литературе дореволюционного периода слабо освещена обрядовая сторона свадьбы. Советская этнографическая литература об узбекской свадьбе очень немногочисленна и рассматривает лишь отдельные группы узбекского населения.

Традиционный свадебный церемониал узбеков начала XX в., являясь очень сложным обрядовым институтом, состоял из обычаев и обрядов, отражавших социально-правовые и религиозные нормы узбекского общества, сохранявшие пережитки предшествующих стадий социального развития и религиозного мышления<sup>12</sup>.

Характер пережиточных явлений, в первую очередь социального порядка, встречающихся в традиционной свадебной обрядности, привел исследователей к мнению, что свадебный обряд как общественное явление сложился в эпоху разложения матриархальных порядков и перехода к следующей ступени общественного развития — патриархату<sup>13</sup>. В традиционном свадебном обряде узбеков начала XX в. сохранялись пережитки самых отдаленных эпох: многие пережитки магии, культа природы (ритуальное значение огня, воды, растений), культа предков, не утратили своего значения демонология и средства оберега от «злых» сил, особенно популярна была «профилактика» против «сглаза». Мусульманский ритуал при этом занимал второстепенное место.

Некоторые обряды, по происхождению связанные не с религией, а с областью социальных отношений, в свадебном церемониале приобрели также некий сакральный смысл<sup>14</sup>, сверхъестественное значение и воспринимаются вместе с чисто религиозно-магическими действиями как единое целое.

В свадебных обрядах различных групп узбекского населения наблюдались значительные отличия как в обычаях, отражавших общественное устройство прошлого, так и в обрядах, связанных с религиозными представлениями древности, особенно в последних. Объясняется это в значительной мере различным происхождением отдельных групп узбеков.

Как известно, в этногенезе узбеков участвовало в основном три компонента: 1) древнее земледельческое ираноязычное население Средней Азии и перешедшие под влиянием последнего к оседлому образу жизни и утратившие родо-племенное деление тюрки; 2) скотоводческо-земледельческие тюрко-монгольские племена среднеазиатского средневековья; 3) кочевые и полукочевые узбекские племена и народы дешти-кипчака, явившиеся последним пластом, вошедшим в состав узбекского народа, ос-

новное ядро которого сложилось еще в караханидское время (XI в.). Каждый этнический пласт, являясь носителем своей культуры и общественной организации, оставил след в современной культуре узбеков и в их свадебном обряде как составной ее части. Выделить особенности свадебного обряда, характерные для каждого из этнических пластов, участвовавших в этногенезе узбеков, в настоящее время достаточно трудно. Особенно затруднительно сделать это для двух последних пластов, поскольку в их культуре, формах хозяйства, образе жизни и, соответственно, идеологии и верованиях было, видимо, много общего. Уровень общественного развития у них был примерно один и тот же.

В свадебном обряде легче поддаются вычленению черты земледельческой (преимущественно у узбеков без родового деления) и скотоводческой (преимущественно у узбеков, сохранивших пережитки родовой организации) традиций в единой культуре узбекского народа. В старинном свадебном обряде узбеков эти две традиции, генетически связанные одна — с культурой древнего земледельческого населения Средней Азии, другая — с кругом в основном скотоводческих степных племен, прослеживаются достаточно ясно до настоящего времени, хотя в процессе многовекового взаимодействия произошло значительное стирание граней между ними и смешение их.

У разных групп узбеков в зависимости от их генетических связей в свадебном обряде преобладают (причем степень преобладания может быть различной) черты земледельческой или скотоводческой культурной традиции, соответственного миропонимания, религиозных представлений. Эти культурные традиции наиболее близкие аналогии встречаются: одна — в таджикском, персидском, другая — в казахском, каракалпакском, киргизском свадебных обрядах.

Таким образом, одна из основных причин разнообразия свадебных обрядов узбеков заключается в сложности происхождения узбекского народа. Другой причиной этого является процесс культурных взаимовлияний с окружающими народами, когда воспринимаются обычаи и обряды соседей.

Автор не ставил своей целью дать всесторонний анализ свадебной обрядности узбеков в историко-культурном и историко-социальном планах. Это — тема для специального исследования. Автор лишь намечает черты этнокультурных комплексов, связанных с различными традициями в культуре узбекского народа.

Для описания свадебной обрядности узбеков избрана форма простого перечисления обычаев и обрядов, сопутствующих отдельным этапам свадебного цикла, наблюдавшихся у различных групп узбеков, без выделения характерных черт для отдельных их групп.

<sup>12</sup> Ср. Л. Я. Штернберг. Новые материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, вып. I. Л., 1926, стр. 67; Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. «Труды Института этнографии», новая серия, т. XLIV. М.—Л., 1959, стр. 181; и др.

<sup>13</sup> М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 120; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 228; и др.

<sup>14</sup> См. Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 73—106.

Свадебный цикл узбеков — самый развитый во всей системе семейных обрядов. Обряды и обычаи свадебного церемониала включают в себя сватовство, сговор, помолвку, предсвадебные обычаи, собственно свадьбу — кульминационный момент всех свадебных церемоний, которая состояла из обряда мусульманского бракосочетания, обычаев и обрядов, совершаемых в доме невесты, во время ее переезда в дом мужа и в его доме. Цикл завершала система послесвадебных обрядов.

Свадьбы были чрезвычайно многолюдными. Это объясняется тем, что брак, а отсюда и свадьба, не являлся частным делом данной семьи. В них принимали участие многочисленные родственники, представители родовой или общинной организации. Родственники участвовали и в материальных затратах, связанных со свадьбой; помогали семье жениха в сборах средств на *калым* (узб. *калин*) — выкуп за невесту, сопровождавший брачный союз у народов, в общественном строе которых были сильные пережитки патриархальных отношений, породивших этот обычай<sup>15</sup>. Размеры калыма в различных местностях были различными: в одних он был сравнительно незначителен, в других очень высок. Более высокий калым известен у полукочевых в прошлом узбеков. В каждой местности, кроме того, размер калыма определялся социальной принадлежностью вступающих в брак.

Родня невесты вместе с ее родителями готовила приданое, преподносила подарки жениху и его родне. Основные затраты на свадьбу несла семья жениха. Надо было собрать средства на калым и на проведение сопровождавшихся обильным угощением свадебных церемоний, происходивших как в доме жениха, так и в доме невесты. Жених обязан был подносить многочисленные подарки невесте и ее родственникам со времени сговора. Особенно много подарков требовалось ко дню самой свадьбы.

Традиционная узбекская свадьба представляет собой как бы спектакль со многими действующими лицами, которым раз и навсегда определена линия поведения: здесь и сваты (*саучи*), и участники многочисленных совещаний по вопросам свадьбы (*яшулы*, *аксакалы*), и наставницы невесты и жениха (*янга*), посаженные мать и отец (*мурундук-эне*, *мурундук-ата*; *окуль-эне*, *окуль-ата*), друзья жениха (*джура*) и подруги невесты, исполнители религиозных церемоний, доверенные лица (*вакили*), распорядители и распорядительницы самого свадебного пиршества, чтицы свадебных текстов (*бехальфа*), и даже целиком община или род (в зависимости от того, какая это группа узбеков — утерявших или сохранивших родо-племенное деление; имеются в виду род и община периода глубокого разложения, когда уже

не существовало их классических форм в условиях феодального строя, господствовавшего у всех народов Средней Азии). Община или род участвовали в какой-то мере в организации и осуществлении брачного союза и присутствовали на свадебном пиршестве.

Таким образом, все участники свадебных церемоний весьма деятельны. И лишь центральные персонажи свадьбы — жених и невеста — абсолютно безынициативны, не они действуют, а над ними совершается некое «таинственное действо».

В прежнее время, когда в семье подрастал молодой человек, заранее начинали копить средства для предстоящей женитьбы и уплаты калыма. В некоторых местностях счет калыма велся девятками — *тўққиз*<sup>15а</sup>. И родители будущего жениха начинали готовить для невесты *бесик* (узб. *бесик*) — девять комплектов (каждый из которых включал девять предметов) одежды и прочих вещей. Потом подыскивали невесту, если не существовало сговора с младенческих лет.

#### Выбор невесты и сватовство

Обычно заботы по подысканию невесты ложились на плечи матери молодого человека, которая в сопровождении нескольких женщин, чаще всего родственниц, посещала дома, где имелись молодые девушки, приходя туда как бы в гости с *дастарханом* (узб. *дастурхон* — «скатерть»), наполненным лепешками и сладостями. Когда выбор останавливался на определенной девушке, что происходило после предварительных совещаний родственников, а иногда и с участием представителей общины или родовой группировки, родители молодого человека начинали сватовство.

Среди узбеков, не имевших родовых делений, особенно в городах, было принято обращаться по этому поводу к авторитетным людям данного селения, махалли (квартала), объединенного общинными отношениями, с просьбой пойти в дом девушки для сватовства. В таких случаях аксакалы из махалли молодого человека обращались к авторитетным людям из махалли девушки, сообщая о желании родителей такого-то породниться с семьей такой-то. Последние в свою очередь обращались к родителям девушки с предложением от такой-то семьи, переданным через уважаемых лиц махалли парня. Если родители и родственники девушки были согласны принять предложение о браке, начинались совещания аксакалов махалля обеих сторон, на которых решались вопросы, связанные со свадьбой. Таким обра-

<sup>15</sup> См. Н. А. Қисляков. Указ. соч., стр. 98; и др.

<sup>15а</sup> Число «девять» (узб. *тўққиз*) у тюркских народов Средней Азии и Казахстана имело сакральное значение.

зом, вся процедура сватовства осуществлялась через представителей общины<sup>16</sup>. Посещения семьи невесты сопровождались преподнесением подарков (среди них особые виды лепешек, сладости и т. п.) и угощением.

Другой вариант отличался тем, что церемония сватовства проводилась не представителями общины, а матерью жениха (или лицом, ее заменяющим, — старшей родственницей), несколько раз приходившей в дом девушки в сопровождении трех-четырёх родственников; все вместе они назывались *саучи*. В последнее свое посещение *саучи* обычно приносили достархан или даже девять достарханов с полагающимся в данной местности количеством разнообразных лепешек — *пати́р*, *катлама* (четным или нечетным их числом или с девятью лепешками) и т. п., различными видами сладостей и другими подарками. В одних местностях в знак согласия вести переговоры о браке родители девушки брали принесенный достархан, а в других — возвращали, завернув в него ответные подарки.

Мать молодого человека через мать девушки, которая предвительно советовалась с мужем и другими старшими родственниками, получала согласие на брак со стороны родственников отца девушки. Как знак окончания этого этапа свадебного цикла в некоторых местностях мать девушки дарила матери парня белый платок (узб. *оқлиқ*). В других районах белый материал приносили родственники жениха (узб. *оқлиқ-олди*)<sup>17</sup>. И только после этого инициатива переходила в руки пользовавшихся авторитетом мужчин данного селения, ведущих переговоры, касающиеся экономической стороны свадьбы<sup>18</sup>.

Среди некоторых групп узбекского населения переговоры о возможности породниться начинала мать жениха совместно с несколькими родственницами, посещавшими дом девушки четыре-пять раз. Если родственники девушки относились положительно к предлагаемому браку, женщинам говорили: «Пусть придут мужчины» — те и получали окончательный ответ, согласны ли родители девушки вести переговоры о свадьбе<sup>19</sup>.

Стать *саучи* кроме женщин могли и мужчины, отличающиеся красноречием.

<sup>16</sup> Полевые записи, 1968 г. Хива, Ханки.

<sup>17</sup> У некоторых групп узбеков существовал церемониал (*оқ-кийде* или *оқлиқ*), происходивший в доме у невесты или у жениха после того, как завершатся все переговоры о свадьбе, обычно перед *пати́я-тоем*. Здесь встречались родные со стороны жениха и невесты, устраивалось угощение; родственники невесты получали подарки: женщины — по отрезу, мужчины — по рубашке *ягтак*, поясу *чорси*, платку *румал*.

<sup>18</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент.

<sup>19</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

Самое характерное во всем этом то, что в соответствии с традицией молодые люди, о браке которых велась речь, не имели никакого права принимать участие в этих хлопотах. Ни их желания, ни их согласия на предполагаемый брак не положено было спрашивать. Сватовство, как и все последующие переговоры относительно закрепления достигнутой договоренности о браке, проходили без какого бы то ни было участия жениха и невесты.

#### Сговор

Получение согласия на брак, т. е. окончание этапа сватовства в свадебном цикле, в некоторых случаях завершалось обрядом преломления хлеба (узб. *нон синдириш*, *нон ушатъш*; тадж. *нон шиканон*). Однако его чаще выполняли позднее как завершение следующего этапа свадебного цикла — сговора, когда стороны жениха и невесты договаривались о размере калыма и о других средствах, необходимых для свадьбы. Как указывалось выше, в этих переговорах участвовали лишь мужчины — родственники обеих сторон, авторитетные люди махалли или селения жениха и невесты. После сговора родители молодых людей посещали друг друга, а парень и девушка считались уже женихом (*кўев*) и невестой (*бўйин отган қиз*). С этого момента вступал в силу обычай, известный в этнографической литературе под названием «обычай избегания». Жениху и невесте нельзя было встречаться друг с другом и с родственниками другой стороны. В некоторых местностях, особенно среди городских узбеков, уже после сговора семья невесты готовила подарки жениху.

#### Помолвка

Следующий этап свадебного цикла — *фотиха-той* (узб. *фотиха-тўй*, в различных областях произносится по-разному: *пати́я-той*, *паты́ха-той*) — помолвка, когда окончательно закреплялся договор относительно брака прочтением мусульманской молитвы *фотиха*. В ряде местностей к *фотиха-тою*, справлявшемуся с большой пышностью в доме невесты, куда съезжались гости обеих сторон, сторона жениха была обязана выплатить обычно половину калыма. В частности, родственники жениха должны были приготовить всю одежду для невесты и ткани на платье ко дню свадьбы, которые шились в доме девушки. Средства на проведение *фотиха-тоя* предоставляли родственники жениха; кроме того, они должны были приготовить подарки невесте, ее родителям и другим родственникам<sup>20</sup>.

<sup>20</sup> Молитву *фотиха* иногда читали по окончании сговора и таким образом объединяли два этапа свадебного цикла — сговор и помолвку, завершая все очень распространенным обрядом *нон синдириш*.



Период между фотиха-тоем и собственно свадьбой, который бывал иногда очень продолжительным из-за задержки с выплатой калыма (свадьбу играли только после полной его выплаты), был насыщен выполнением множества разнообразных действий, имеющих обрядовый характер. Одни из них относятся к области древних верований и связанных с ними обрядов, целью которых считалось обеспечение счастливой жизни молодой паре, другие являлись пережитком древних социально-правовых институтов.

У узбеков — как правило, тех, которые сохранили пережитки родо-племенной структуры, — после помолвки наступал период «тайных» свиданий жениха с невестой, происходивших в ее доме, якобы в тайне от ее семьи, но тайна эта была относительной: о посещениях знали, но делали вид, что ничего не замечают. Посвященными были лишь мать да янга — наставница и поверенная (обычно жена старшего брата или дяди) невесты, устраивавшие эти свидания. Обычай добрачной свободы общения, называемый в большинстве районов *каллик уйин*, или *гиолаш* (Хорезмская область), был распространен довольно широко, но в городах уже в XIX в. он не соблюдался<sup>21</sup>.

Обычай добрачной свободы общения очень интересен с точки зрения истории развития брачных отношений и свадебной обрядности. Он является живым свидетельством того, что брак некогда был матрилокальным или дислокальным, а свадебный обряд не был столь многоступенным, как позже, и кончался именно на данном этапе. В сочетании с этим обычаем у некоторых групп узбекского населения встречается другой, еще более архаичный обычай. Вот как описывает его Н. Г. Борозна, изучавшая быт узбеков-дурменов: «Накануне никох-тоя организуется угощение юношей — друзей жениха... Невеста в своем доме, из которого предварительно уходят родители, братья и сестры, печет вместе с подругами слоеные лепешки (жатлама). Подруги невесты кладут это угощение на двадцать деревянных блюд (табак) и несут в соседний дом, где находятся товарищи жениха. Юноши забирают лепешки, а опустевшие блюда наполняют подарками для девушек — кусками материи. Приняв блюда с подарками, девушки убегают и прячутся в другом доме, предпочтительно у дяди невесты по матери, куда уже привели невесту. Хозяин дома после получения подарка от юношей впускает их к девушкам. Здесь молодежь устраивает игры, веселится. Нередко в прошлом именно во время таких празднеств юноши и

<sup>21</sup> В. П. Наливкин, М. В. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 208.

девушки знакомились друг с другом, а иногда и выбирали себе друга по сердцу... В прошлом, по рассказам стариков, между юношами и девушками в это время допускалась свобода общения»<sup>22</sup>. Как видно из описания, здесь речь идет о пережитках предсвадебных совместных собраний молодежи — юношей и девушек брачующихся сторон. Обычай совместных вечеринок юношей и девушек разных родов был и у соблюдавших экзогамию каракалпаков<sup>23</sup>, но в литературе нет сведений о том, что на этих «*отырысна*» допускалась свобода общения: на вечеринку девушки приходили со своими *женге* (наставницами). По аналогии с другим обычаем каракалпаков, в котором несомненно пережитки групповых брачных отношений<sup>24</sup>, можно предположить, что и в описанных собраниях молодежи встречаемся с таким же пережитком, но в более стертых формах. Это в какой-то степени свидетельствует и об этнических контактах между узбеками дешти-кипчацкого происхождения (дурмены относятся к этой категории узбеков), каракалпаками и казахами, у которых также зафиксированы сходные обычаи.

У узбеков без родовых делений в предсвадебный период были распространены собрания молодежи другого характера — это девичник, происходивший в доме невесты, и собрание сверстников жениха — в его доме.

В период от фотиха-тоя до никох-тоя на каждый праздник от имени жениха невесте посылали подарок: что-нибудь из одежды — платок, отрез на платье, обувь — и обязательно сладости (считалось, что это делает жизнь супружеской пары сладкой и удачной). Сторона невесты от ее имени отправляла жениху ответные подарки, которые были значительно скромнее: лепешки, пирожки, вареные яйца, пророщенная пшеница для обрядового блюда *сумаяк*, генетически связанного с культом умирающей и воскресающей растительности<sup>25</sup>, и т. п. — все, что в прошлом символизировало плодородие и что по магическому ритуалу якобы должно было стимулировать продолжение рода. Эти церемонии назывались *базарлык*.

В домах жениха и невесты деятельно готовились к свадьбе. Сторона жениха подготавливала отправку оставшейся части калыма, привоз которого в дом невесты сопровождался также

<sup>22</sup> Н. Г. Борозна. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов..., стр. 84.

<sup>23</sup> А. Г. Бекмуратова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970, стр. 31—33.

<sup>24</sup> Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 106, 122.

<sup>25</sup> Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 213, 226 и др.

определенными обычаями и угощением, одариванием лиц, привозящих его. В местностях, где жили группы узбеков, которые были связаны происхождением со степными племенами, эта церемония носила название *токкуз-той* (*тўққиз-тўй* — «пиршество по поводу девятки», а все присылаемое — *тўққизлер*). В доме невесты происходила проверка того, что привезено, все ли соотвествовало уговору.

Родные невесты с ее участием готовили приданое: шили платья из тканей, полученных от жениха в счет калыма. В день свадьбы полагалось развесить их на общее обозрение сначала в доме невесты, потом в доме жениха, где заканчивался свадебный пир.

В этот же период в доме невесты готовили основной подарок для жениха — полный комплект костюма: халат, тюбетейку, пояс, обувь; подарки для его друзей — платки (до 100 штук.) Накануне свадьбы приготавливали обрядовые кушанья, в число которых входили вареные яйца, баранья грудинка, самса, катлама и т. д. В ряде местностей надо было приготовить 15 таких блюд. Незадолго до свадьбы все это переправляли к жениху. Подарки несла группа женщин. В некоторых районах подарки размещали в девяти достарханах (*тўққиз дастурхон*). По случаю получения подарка у жениха собирались его сверстники и для них всегда устраивалось угощение. В одних районах жених обязан был встречать гостей уже в новом костюме, в других пришедшие друзья под пение и музыку обряжали его в присланные невестой одежды, в третьих — переодевание жениха происходило гораздо позже — в определенные моменты церемонии свадебного пиршества<sup>26</sup>.

От жениха невесте также посылали подарок — платье и угощение. У невесты в свою очередь собирались ее подружки на *қиз-оши* — девичью трапезу. Здесь невесту одевали в новое платье, заплетали волосы в косички. Этими собраниями у жениха и невесты оканчивался предсвадебный период. Они устраивались или за несколько дней до собственно свадьбы, чаще накануне, или даже служили непосредственным прологом в ней, так как справлялись в первый день свадьбы. В последнем случае жених с самыми близкими друзьями прямо с *киёу нахори* (обед жениха) уходил в дом невесты на церемонию бракосочетания. У жениха эти собрания сопровождалось развлечениями молодежи; у невесты кроме развлечений выполнялись и некоторые обряды, например в некоторых районах окрашивали хной ногти рук невесты.

<sup>26</sup> Переодевание в новые одежды перед свадьбой или на самой свадьбе — символический акт перехода жениха и невесты в группу женатых мужчин и замужних женщин.

После свадьбы жених и невеста причислялись к другому возрастному классу и уже не могли быть в одной компании со своими неженатыми сверстниками.

Незадолго до свадьбы вновь собирался *маслахат* (или *кенгаш*) — совет из авторитетных людей сторон жениха и невесты, на котором окончательно устанавливался срок свадьбы, выяснялось, что нужно для предстоящего тоя, решалось, кого следует пригласить, где разместить, и т. д.

#### Никох-той (собственно свадьба)

Свадьба включала церемонии в доме невесты и в доме жениха. У одних групп узбеков главными считались торжества в доме невесты, у других — в доме жениха. Но в том и в другом варианте кульминационным моментом свадебных церемоний являлся обряд мусульманского бракосочетания (*никох*) — единственный чисто мусульманский ритуал всей свадебной обрядности, совершавшийся в большинстве случаев в доме невесты в первый день свадебного тоя. Заключался он в скреплении брачного союза мусульманской молитвой (*хутбані никох*). Ее читал мулла над пиалой с водой после получения согласия на брак невесты и жениха, которые сами очень часто на этой церемонии не присутствовали (особенно невеста). Ответы на вопросы исполнителя религиозного обряда за них давали доверенные лица — *вакили*. Бесправное положение девушки в решении вопроса о ее замужестве подчеркивалось тем, что невеста во время церемонии бракосочетания давала согласие не на брак с данным человеком, а на то, что такой-то человек будет ее доверенным, который и даст согласие на брак.

Совершение *никоха* сопровождалось выполнением всяческих предосторожностей, чтобы ничто не могло помешать его осуществлению. Этой цели служили «испытанные» средства магии. Так, в Хорезме место и время *никоха* окружалось тайной. Во время самой церемонии женщины из числа близких родственниц, держа в руках ножницы, «стригли» воздух, что якобы могло уничтожить «злые» силы и не дать им возможности повредить в такой ответственный момент жениху и невесте.

Церемония свадебного тоя называлась *қыз-той* (*қиз-тўй*), *никох-той* (*никох-тўй*), *уйланиш-той* (*уйланиш-тўй*). Среди узбеков преимущественно с родо-племенным делением пир в доме девушки носил название *ушатыш-той* — «провождение». Невеста в этот день в сопровождении своих сверстниц посещала дома односельчан, прощалась с ними.

Церемония свадебного тоя в домах жениха и невесты начиналась одновременно. В обрядах, совершаемых в доме невесты,

участвовали ее родственники и соседи (члены данной общины или рода), некоторые из них затем ехали вместе с невестой в дом жениха, где принимали участие в тех обрядах, которые совершались там. Подавляющее число гостей у жениха составляли его родственники. Группа родственников жениха приезжала в дом невесты на церемонию бракосочетания. В доме невесты принимали гостей с утра. Первыми приходили родственники невесты. Невесту, как правило, перед обрядом бракосочетания вводили к соседям, где ее наряжали в новые одежды. В других случаях переодевание невесты происходило после никоха. Приведя домой, ее сажали за обрядовый занавес — *чимиллик*, *чымылдык*. Невеста — в свадебном наряде, с паранджой или другой накидкой на голове (в зависимости от района), лицо закрыто белой кисеей.

Гости со стороны жениха приходили на церемонию бракосочетания в дом невесты в разное время (в некоторых районах в пять-шесть часов вечера). Это — пожилые уважаемые люди. Несколькими позже приходил и жених с небольшим числом своих друзей. С ним обычно шли музыканты — сурнайчи, карнайчи, сазчи и т. д. (в каждом районе пользовались своими излюбленными музыкальными инструментами). Процессия во главе с женихом двигалась обычно под музыку, пение, танцы. Очень часто жених бывал с головой укрыт чапаном (халатом), так как, по старым представлениям, считалось, что если не совершить этого, то его могли якобы «сглазить». Да и музыкальное сопровождение, и все наблюдательные посты, выставлявшиеся по пути следования жениха, также в прошлом считались магическим средством, способным якобы оградить от вреда. Впоследствии все это стало игровым развлекательным моментом, особенно, музыкально-вокально-танцевальное сопровождение.

В различных местностях проезд жениха и пребывание его в доме невесты сопровождалось своим особым ритуалом. Но всегда жених с друзьями сидели в отдельном от других гостей помещении. Невеста со своими подругами и опекавшими ее женщинами также были отделены от гостей. По старым представлениям, это должно было обезопасить жениха и невесту от плохого. А гостей в это время угощали, и веселье продолжалось. Жениху и его друзьям всегда подавали яичницу, баранью или петушину грудинку (в разных местах по-разному).

После совершения никоха новобрачный или сразу отправлялся домой, или ему устраивали свидание с новобрачной. Жених вместе со своими друзьями шел в комнату, где находилась невеста, сидящая за чимилликом. Под ноги ему расстилали белый материал (белый цвет ассоциируется с понятием чистоты, счастья) — *пойяндоз*, который несколько позднее друзья жениха

разрывали на мелкие кусочки; каждый старался заполучить клочок пойяндоза, веря в то, что это будет способствовать его скорейшей женитьбе. Когда жених направлялся к невесте, его осыпали монетами, сладостями — считалось, что это принесет счастье. Чтобы попасть за занавес к невесте, жениху приходилось платить выкуп женщинам, находящимся с ней. Затем его проводили за занавеску и ставили рядом с невестой. *Бехальфа* — чтица священных текстов — обводила вокруг головы жениха и невесты зеркалом и зажженными пучками трав, дабы отвлечь действие колдовских сил. Потом жених и невеста старались наступить друг другу на ногу. Присутствующие примечали, кто это проделал первым. Существовало мнение, что главенствовать в доме будет тот, кто первый наступил. После этого жених надевал на руки невесты кольца и браслеты. Затем их вновь «окуривали» и сбрасывали с лица невесты покрывало, давали зеркало — это якобы должно было принести счастье и безмятежность в семью. Затем им приносили пиалу с виноградным соком или медом, жених и невеста по очереди понемножку отпивали, а за ними — и присутствующие здесь женщины. Это символизировало пожелание сладкой и благополучной жизни. За этим следовало угощение, к которому жених лишь притрагивался. Когда жених уходил, остатки этого угощения клали ему за пазуху.

Описанный церемониал иногда выполнялся в несколько упрощенной и видоизмененной форме. Например, пришедшего к невесте жениха женщины, находящиеся с ней, встречали словами: *хозор аляйк* — «тысяча приветствий». Затем следовало соревнование между женихом и невестой в том, кто первый наступит на ногу другому. После этого приносили достархан со сладостями, вареными яйцами, гранатами, т. е. такими видами пищи, которые, по преданию, символизировали плодородие и с которыми связывалось представление о сладкой, обеспеченной жизни. Жених забирает этот достархан, ему за пазуху дополнительно клали еще яйца. Джура зорко следили за процедурой и, как только жених выходил от невесты, наиболее сильный из друзей отнимал этот достархан у жениха, а содержимое его делил между остальными джура.

В тех вариантах свадебного церемониала, когда жених уезжал из дома невесты сразу после совершения никоха, встреча жениха и невесты происходила уже в доме жениха, после переезда туда невесты.

В большинстве вариантов свадебных церемоний после совершения никоха новобрачная не оставалась дома, а переезжала в дом будущего мужа. Происходило это либо в ночное время, либо днем, в разных местностях по-разному. Невесту везли на арбе или сажали верхом на лошадь, которую присылала сторона же-

ниха. Ее сопровождали 10—15 женщин и 2—3 мужчины из родни жениха. Из числа родственников невесты с ней ехали янги, находящиеся непосредственно при невесте, и еще несколько человек, но никогда не бывало при этом ее родителей. Одновременно в свадебном «поезде» перевозили и все имущество — приданое, полученное от родителей, и все то, что прислал жених. Во время переезда невесту закрывали паранджой или другой накидкой. В одних районах при этом в руках у нее находились факел или лампа, чайник (иногда эти предметы держала янга), в других она везла зеркало и лепешку. Все это делалось для того, чтобы предотвратить возможность «сглаза», помешать нанести ей вред.

Переезд невесты сопровождался танцами, пением свадебной песни «ер-ер», местами факельным шествием, конной джигитовкой молодежи вокруг арбы, на которой она ехала. В одних местностях жених не выезжал встречать невесту, а ждал ее на крыше собственного дома, в других он со своими друзьями на конях выезжал навстречу свадебному поезду. По пути его следования начиналось нечто вроде конного соревнования. В награду победители получали платочки. Друзья жениха осыпали невесту и окружающих сладостями. В другом варианте свадьбы весь путь следования свадебного поезда сопровождался музыкой, танцами, пением, исполнители которых шли впереди. Часто у дома жениха свадебный поезд встречали звуками карная и сурная. На всем протяжении пути поезда следили, чтобы никто не пересек ему дорогу, ибо это грозило «порчей» для молодой. Около дома жениха обязательно разводили костер. Зажигала его посаженная мать молодых<sup>27</sup> или бехальфа. Арба, на которой находилась невеста, переезжала через этот костер или невесту трижды обводили вокруг него (или вокруг трех костров), что будто бы способствовало очищению от грехов. Это делали бехальфа, читавшая тексты «солом-нома», или посаженная мать, или сам жених. Иногда в это время пели «ер-ер». Невеста почти никогда, сходя с арбы, не становилась сразу на землю; в одних случаях ей под ноги подстилали постун (шубу — обычно отца жениха — или баранью шкуру, белый материал), в других — жених нес ее на руках до костра, обносил вокруг него, а потом нес ее до порога дома.

Страна жениха приветствовала невесту словами «хозор-аляйк» или красноречивая женщина из числа приехавших с не-

<sup>27</sup> У ряда групп узбеков существовал институт посаженных отца и матери, которым положено было заботиться о молодых до конца своей жизни и которым (особенно посаженной матери) отводилась особая роль в свадебных обрядах.

вестой произносила приветствие (салам) родственникам жениха поочередно. У порога дома невесту встречали родители жениха или посаженная мать, угощавшая ее молоком с сахаром. У некоторых групп узбекского населения невесту вели к домашнему очагу, где разжигали огонь и лили в него масло: считалось, что это приобщит ее к новому роду и умилюстит предков. После этих церемоний невесту вели в комнату, где ей предстояло жить, и сажали за чимиллик. С ней неотступно находились ее янги. А в доме народ в это время веселился: женщины — в комнате, где находилась новобрачная, мужчины — на мужской половине дома. Им подавали праздничное угощение, выступали артисты с пением и танцами.

Чаще всего на следующий день после приезда новобрачной в дом мужа устраивали *юз-очди, келин корер* («смотрение лица невесты»), в котором обычно участвовали лишь женщины. Открывали лицо ей мальчик, пожилая женщина или даже старик, после чего ее поздравляла мать жениха, за ней подходили другие родственники. Каждый целовал новобрачную и дарил ей что-либо, она в ответ кланялась. Вслед за обрядом смотрения лица на следующий или в этот же день за чимиллик приводили новобрачного, одетого в новый костюм, присланный невестой. Эта церемония сопровождалась пением «ер-ер» и осыпанием молодого сладостями, монетами и т. п. Кроме того, соблюдались и другие обряды: соревнование сторон новобрачных — кто кого перетянет (в одних местностях), развязывание пояса на молодом и снятие сапог с его ног янгой (в других). Все это происходило перед чимилликом. Также перед чимилликом происходило угощение *мурундук-ошем* (обедом, приготовленным посаженной матерью). Состояло оно из разрезанной на куски бараньей грудинки, преподносимой посаженной матерью, в то время как посаженный отец одаривал присутствующих подарками. Другие обряды совершались уже за чимилликом, где заранее была приготовлена брачная постель. В ряде мест в это время выполнялся комплекс обрядов, который в других районах совершался в доме невесты во время приезда жениха на церемонию бракосочетания (окуривание, соревнование в том, кто первый наступит на ногу другому, смотрение в зеркало, преподнесение угощений и т. п.). Во время этого свидания новобрачным подавали небольшое специальное угощение. В числе яств обязательными были такие, с которыми связывалось поверие о счастливой, безмятежной и богатой жизни в окружении многочисленного потомства. Молодые всегда пили горячий сладкий чай, в некоторых местах новобрачный угощал молодую фисташками. Молодым сажали на колени детей (особенно мальчиков) от многодетной матери, что якобы должно было способ-

ствовать появлению такого же числа детей; ставили *чирах*, могущий якобы оберечь молодую чету от колдовских сил. После этого молодоженов оставляли одних (в помещении по другую сторону чимиллика оставалась янга).

В некоторых районах на следующий день устраивали «испытание» хозяйственных навыков невесты. Этим завершалась церемония праздничного тоя.

Через некоторое время после свадьбы молодая жена с мужем в сопровождении его родни посещала дом своих родителей, где их ожидали угощение и подарки. Эта церемония называлась *чалляр*. После этого для супруга прекращалось избегание родни жены<sup>28</sup>. Молодая же еще в течение нескольких лет должна была избегать старшую родню мужа, часто живя с ней под одной крышей. Чалляр завершал все свадебные церемонии.

Вариации в соблюдении одних и тех же церемоний говорят, что свадебный обряд изменялся; направление его эволюции совершенно определено: поскольку давно победили патриархальные начала, патрилокальный брак и патрилокальное поселение, исполнение центральных моментов в ритуале свадьбы стало переноситься из дома невесты в дом жениха. Такая тенденция к перемещению все больше усложняла и отягощала свадебную обрядность, так как церемонии, осуществлявшиеся прежде в доме невесты, не утрачивались полностью.

Другая тенденция — это дальнейшее смешение и соединение в свадебном обряде комплексов обрядов, свойственных прежде разным этническим группам, вошедшим в состав узбекского народа.

Преобладающая схема традиционного свадебного обряда, сохранившаяся частично до настоящего времени, такова: подавляющее большинство предшествующих свадебному пиру обрядов и церемоний совершалось в доме невесты, собственно свадьба состояла из двух частей: одна происходила в доме невесты, другая — в доме жениха. Причем в одних местностях главными считались торжества в доме невесты, в других — в доме жениха. Религиозный обряд бракосочетания происходил в большинстве случаев в доме невесты, что подтверждает, что все брачные церемонии некогда происходили также в доме невесты, хотя известно, что в некоторых районах Хорезма встречались свадьбы, в которых никох совершался уже в доме жениха<sup>29</sup>. Даже в на-

стоящее время существуют еще в отдельных местностях и такие варианты свадьбы, когда все церемонии, сопровождающие вступление в брак, совершаются в доме невесты. Сохраняется даже, хотя и в пережиточной форме, обычай матрилокального поселения мужа. С таким вариантом свадебного обряда мы столкнулись в Коканде<sup>30</sup>. О. А. Сухарева кратко описала его для района Исфары<sup>31</sup>. Очень похож на него свадебный обряд узбеков-карлуков<sup>32</sup> и узбеков Пастдаргомского района Самаркандской области, среди которых преобладают узбеки-найманы<sup>33</sup> ( правда, эти обряды значительно подверглись таджикскому влиянию). К отмеченным выше в известной мере примыкает и свадебный обряд узбеков-карлуков, но он содержит много оригинальных черт<sup>34</sup>. Эти варианты обрядов имели наибольшее распространение среди полукочевых и кочевых в прошлом, сохранявших пережитки родо-племенных делений узбеков, хотя наблюдались и среди, казалось бы, давно оседлого городского населения, ка-

<sup>30</sup> Вот как происходит там свадьба. За несколько дней до свадебного пира невеста переходит жить к подруге. В день тоя в домах жениха и невесты устраивают угощение. В доме невесты готовятся к приезду жениха, а в доме жениха отправляют к невесте все, что приготовлено в счет калыма. Вечером жених, одетый в белую рубаху и накрытый с головой чапаном, в сопровождении друзей, поющих «ер-ер», идет в дом невесты. По пояндозу, который потом разрывают на кусочки его друзья, он входит в комнату. Все присутствующие усиленно приглашают его сесть. Он делает это только после слов родителей невесты: «Все наше имущество мы передаем тебе». Перед женихом ставят блюдо с бараниной, следует угощение, выступления певцов и танцоров. Совершается обряд бракосочетания. Ночью подружки и родственницы невесты несут ее на ковре в дом, закрывая занавеской, и сажают на чымылдык. Невесту осыпают деньгами. Она также одета в белое платье, атласные штаны, сверху укрыта паранджой. Играет музыка, девушки поют. В комнату, где находится невеста, складывают постели и невесты, и жениха. Здесь сидят две янги. Янга невесты готовит брачную постель. Девушек одаривают кольцами, деньгами, после чего они уходят. За чымылдык приводят жениха, им дают зеркало, приносят достархан с угощением, приготовленным соседями, и оставляют одних на три дня. Затем друзья жениха увозят его домой. Через некоторое время молодая уезжает в дом мужа и перевозит туда свое имущество. Муж встречает ее, снимает с арбы, ставит на землю. Под пение «ер-ер» они обходят вокруг костра. У двери дома келин встречает *окуль-эне* (посаженная мать), угощая ее молоком с сахаром. Келин приглашают сесть, она отказывается, но затем садится. Следует угощение женщин. К утру бывает *юз-очар* («смотрины молодой»). После этого старая женщина ведет новобрачную к очагу, где зажигают огонь и в него льют масло. Ей дают муку (символ благополучия и достатка). В заключение келин дают *чарх* (прялку) для проверки умения работать.

<sup>31</sup> О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. «Советская этнография», III, 1940, стр. 174.

<sup>32</sup> Н. Г. Борзена. Указ. соч.

<sup>33</sup> «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969.

<sup>34</sup> К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, стр. 141—152.

<sup>28</sup> В отдельных местностях сохранялся самостоятельный обряд *кией-корер* — «смотрение жениха», предшествующий чалляр.

<sup>29</sup> Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 63; Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков, стр. 42.

ким является население г. Коканда. Объяснение этому надо искать, очевидно, в том, что до середины XIX в. вокруг Коканда, согласно полевой информации, жили узбеки-кипчаки, оказавшие влияние на свадебный обряд городского населения.

К сказанному надо добавить, что более архаические черты свадебной обрядности больше сохранились в сельской местности. Так, например, упоминавшийся нами обычай добрачного общения — одно из свидетельств дислокальности или матрилокальности брака в прошлом — уже в XIX в. среди городского населения был в стадии изживания, а в сельской местности встречался и в недавнее время.

Завершая сжатую характеристику традиционного свадебного обряда узбеков начала XX в., мы хотели бы остановиться на выделении различных этнокультурных обрядовых комплексов в свадебном церемониале узбеков. Мы уже отмечали значительную общность свадебных обрядов у кочевых и полукочевых в прошлом узбеков, аналогии которым находим в обрядах казахов, каракалпаков и частично туркмен<sup>35</sup>. Это дает возможность говорить об этих обрядах как о комплексе, свойственном, предположительно, тюркским степным элементам в этническом составе узбеков. Этот комплекс характеризуется пережитками архаических форм семейно-брачных отношений. К нему относятся: активная роль матери жениха в свадебных церемониях и во время сватовства; посаженные отец и мать; свадебная юрта молодых; очистительный огонь; прощение невесты с родными; поклонение очагу в доме жениха; многочисленные выкупы; угощение жениха бараньей грудинкой, молоком, обязательные тўққиз, встречающиеся в различные моменты свадьбы (девять достарханов, которые несут сваты к невесте, девять комплектов одежды в качестве подарка невесте, девять названий предметов, включающихся в состав калыма, и т. д.).

Другой комплекс, связанный генетически с древним земледельческим населением Средней Азии, включает следующие обряды и обычаи: очистительный огонь и окуривание дымом особых трав; белый материал, подстилаемый невесте под ноги; смотрение в зеркало; угощение яйцами, гранатами; преподнесение в качестве подарка жениху пророщенной пшеницы; фа-

кельное шествие; зажженная лампа в руках невесты во время переезда в дом мужа; окрашивание ногтей рук невесты хной и т. д. Эта группа обычаев и обрядов находит аналогии в таджикской, частично в персидской свадьбе и, что особенно интересно, в древнеиндийской, описание которой находим в ведической религиозной литературе<sup>36</sup>. Этот комплекс характерен тем, что все свадебные церемонии проводятся с обязательным участием влиятельных лиц общины.

Таковы самые общие черты тех комплексов свадебных обрядов, которые соответствуют различным традициям в культуре узбекского народа и в известной мере отражают этнические пласты, вошедшие в его состав<sup>37</sup>.

#### *Особенности современного традиционного свадебного обряда*

Трансформированный традиционный свадебный обряд еще имеет распространение и в наши дни. Современная свадьба в традиционном варианте сохранила почти весь цикл обычаев и обрядов, сопровождавших старинную узбекскую свадьбу, начиная от сватовства и кончая посещением дома родителей жены молодым мужем, т. е. она сохранила почти в неизменном виде прежнюю свою форму. Этого никак нельзя сказать о ее содержании. Так, церемония сватовства в настоящее время носит формальный характер и в действительности является актом знакомства родственников жениха и невесты, поскольку молодые люди, как правило, сами решают свою судьбу, сами выбирают себе друга или подругу по сердцу. Родители девушки не дают окончательного ответа сватам, пока сами не услышат согласия своей дочери.

Для решения вопросов предстоящей свадьбы обращаются к уважаемым лицам, но определяющим принципом при их выборе стали не родство или принадлежность к одной общине — обращаются к уважаемым людям производства, колхоза, махалли (квартала), где работают или живут представители данной семьи. Изменился и состав людей, приглашаемых на свадьбу и на церемонии, предшествующие ей; теперь обязательно приглашают лиц, с которыми работают или учатся жених и невеста, а также соседей по месту жительства. Это наблюдается и на других торжествах, связанных с семейными событиями. Учиты-

<sup>35</sup> О каракалпакской свадьбе см.: А. Бекмуратова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970, стр. 54—80. О казахской свадьбе существует большая литература, особенно дореволюционных авторов. Сводные данные о ней и библиографию см.: Н. А. Қисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 99—114. О туркменской свадьбе также есть сведения в работах дореволюционных и советских авторов. Сводные данные о ней и библиографию см. в работе Н. А. Қислякова (стр. 124—139).

<sup>36</sup> Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков, стр. 45—47.

<sup>37</sup> Первую попытку выделения таких комплексов на примере свадебного обряда хорезмских узбеков см.: Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков; она же. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана. «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975.

вая, что общинный и родовой принципы расселения давно нарушены, соседи, а тем более коллеги по работе или учебе не связаны с брачущимися никакими родственными отношениями. В этом — новизна церемониала, так как в прежние времена именно принадлежность к одной общине или роду связывала членов этих коллективов определенными обязательствами, в частности обязанностью приглашать на семейные торжества.

Таким образом, в данном случае можно говорить о сохранении старой формы, старой традиции проводить семейные торжества в больших коллективах, но состав этих коллективов стал иным. Кроме того, существенно изменился принцип, которым руководствуются, приглашая членов этих коллективов на семейные торжества. Раньше это было непререкаемой обязанностью, теперь зависит от личного желания хозяев торжества.

Иначе протекают девичник и собрание сверстников жениха. Теперь это веселое собрание девушек, пришедших провести время со своей подругой, помочь ей в свадебных приготовлениях. Так же и у жениха.

Выкуп за невесту — калым запрещен советским законодательством. В видоизмененной, пережиточной форме он в ряде мест еще бытует. Устроители свадьбы соблюдение всех традиционных обычаев — получение от жениха денег, вещей и продуктов — объясняют тем, что это все расходуется на приобретение обстановки для квартиры молодых, на покупку одежды невесте и на свадебный пир. Таким образом, вся сумма денег, за исключением части, идущей на свадебный пир, идет молодой семье. Но такое объяснение, безусловно, не должно успокаивать. Эта сумма денег часто служит непременным условием брака и поэтому может стать препятствием к нему, разрушить счастье молодых людей.

Изжит обряд избегания в традиционном виде, а в тех случаях, когда пытаются его выполнять, он сильно изменен: например, сокращаются сроки соблюдения избегания женихом и невестой друг друга и родни противоположной стороны. Нарушение обряда избегания повлекло изменения и в таком обряде, как смотрение жениха. Оно стало совершаться не после свадебного тоя, а перед ним, вслед за патия-тоем, после которого или несколько раньше обычно начиналось избегание<sup>38</sup>. Таким образом, период избегания сводится до минимума.

Теперь молодые люди по своему желанию вообще отказываются выполнять тот или иной обычай или обряд<sup>39</sup>, что приводит к сокращению числа звеньев свадебного церемониала. Это другая линия, по которой шло изменение традиционного обряда. Сокращение, упрощение, модернизация или вовсе отказ от традиции не только в различных местностях, но и в различных семьях одного селения происходит неодинаково, так как это обусловлено теперь желаниями и настроениями непосредственных участников данной церемонии. Таким образом, если в прошлом все детали обряда были обязательны и требовалось неукоснительное их соблюдение, то сейчас эта обязательность исчезает и все зависит от желания вступающих в брак.

Многие обычаи и обряды, связанные в прошлом с древними религиозными представлениями, давно утратили культовое, религиозное значение и воспринимаются теперь как игровой момент церемониала. Такое ритуальное значение имело, например, гарцевание джигитов, сопровождавших свадебный поезд, перевозка невесты в дом жениха, в свадьбе хорезмских узбеков или факельное шествие с пением и танцами во время церемонии переезда невесты в дом жениха в узбекской и таджикской свадьбе г. Самарканда, в ферганской свадьбе и др. Прежде эти действия связывались с охранительной магией, впоследствии превратились в развлекательный момент.

Таким образом, традиционный свадебный церемониал значительно изменился за счет переосмысления содержания и утери некоторых своих звеньев.

Чтобы закончить общую характеристику традиционной свадебной обрядности сегодняшних дней, надо сказать, что в этот цикл включился новый ритуал, сопутствующий и свадьбам нового типа. Это ритуал торжественной регистрации брака, который обычно отделен от самой свадьбы двумя-тремя днями, а иногда и более. Этот новый элемент традиционной свадьбы — очень положительное явление, свидетельствующее о том, что теперь важное значение имеет гражданская регистрация брака. А ведь было время, когда по мнению общества только религиозный обряд признавался законным.

Нашел место в традиционной свадьбе и новый обычай приглашать гостей на свадьбу вручением пригласительных билетов, что является, безусловно, следствием развития общей культуры населения.

месте и невольно ежедневно сталкиваются друг с другом. Поэтому стали устраивать *домод бинон* («смотрины жениха») вскоре после фотиха.

<sup>39</sup> См. об этом в кн. «Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 236—238.

<sup>38</sup> О подобном перемещении обряда «смотрения жениха» у таджиков любезно сообщила нам Р. Л. Неменова, которая наблюдала его в Варзобе, в Такобском ущелье. Такое перемещение вызвано здесь тем обстоятельством, что вся округа работает на расположенном в этом районе большом комбинате. Родственники обеих сторон, жених, а часто и невеста, работают в одном

При исполнении свадебной обрядности в ее традиционном варианте наблюдаются значительные изменения и за счет включения в само свадебное пиршество нового звена — угощение за столом с современной сервировкой, на которое приглашают друзей и знакомых из своего производственного коллектива; приглашаются преимущественно молодые мужчины. К столу на короткое время выходит невеста, но обычно закрыв голову белым платком. Это звено свадебного тоя является свидетельством больших перемен в традиционном обряде, «перекидным мостиком» к свадьбе нового типа, именуемой в народе кызыл-тоем.

Таким образом, в современном варианте традиционного свадебного обряда сосуществуют, дублируя друг друга<sup>40</sup>, старые и новые церемониалы, но тенденция явно в пользу укрепления всего нового, к изживанию старых форм, сохранению из старой традиции только того, что прогрессивно. Например, вошли в быт и сосуществуют традиционный свадебный пир и праздничное застолье городского типа, распространенное у всех народов нашей страны.

Особенности современного традиционного свадебного обряда свидетельствуют о значительных изменениях в обряде по сравнению с церемониями начала XX в. Эти коррективы внесены самим народом. Изменения в строе жизни общества, семейном укладе, общей культуре вызвали постепенное перерождение психологии человека, его взглядов на окружающий мир, что не замедлило сказаться на семейно-брачных отношениях, положении женщины, отношении к религии, к старым обычаям и обрядам. Эти изменения и послужили импульсом к «редактированию» старого обряда с тем, чтобы приблизить его к современности.

Такова тенденция его развития на современном этапе. Но тем не менее старый обряд, построенный на иной социальной основе и отражающий явления общественного устройства предшествую-

<sup>40</sup> Л. Ф. Моногарова первая из исследователей узбекской свадьбы обратила внимание на такое сосуществование старых и новых форм в свадебном обряде узбеков («Этнографические очерки узбекского сельского населения», стр. 240). Однако ее слова, что «свадьба устраивается в двух видах — в традиционной (для старшего поколения родственников и односельчан) и в новой форме — кызыл-той» (для молодежи), требуют разъяснения. Традиционная свадьба включает калым (пусть в преобразованном виде), никох и другие религиозно-магические действия. В новой свадьбе эти моменты отсутствуют. Таким образом, старая и новая свадьбы в полных своих объемах не могут повторяться при бракосочетании одной и той же пары. Речь может идти лишь о совмещении, повторении отдельных звеньев свадебного церемониала, в данном случае, видимо, свадебного застолья, справляемого и по-старому и по-новому.

щей эпохи с ее характерными религиозно-правовыми установками, в наши дни является архаизмом. Этим объясняется коррективировка в его соблюдении в тех случаях, когда свадебный обряд выполняется в старом, традиционном варианте. Современная молодежь сама решает свою судьбу и хочет, чтобы свадьба была веселым торжеством в честь молодых. Молодые девушки, выходящие замуж, хотят на свадьбе быть вместе с женихом в окружении родных и знакомых. Их не устраивает одинокое сидение за обрядовой занавеской и под обрядовым покрывалом, когда кругом пируют и веселятся. Женщины желают праздновать радостный семейный праздник вместе со своими мужьями, братьями, отцами. Молодежь против традиционных бессмысленных, нерациональных затрат. Поэтому она отказывается от свадебной обрядности в старом варианте, поэтому распространяется свадебный церемониал нового типа.

### Новая свадьба

В отличие от традиционной новая свадьба характеризуется отсутствием никоха (его место прочно занял новый торжественный ритуал, законодательно закрепляющий брак), отсутствием калыма даже в модернизированном виде, упразднением старых обычаев, запрещавших невесте присутствовать за праздничным столом, а женщинам веселиться совместно с мужчинами; она лишена всякого религиозного момента (обычаев, связанных с верованиями, истоки которых коренятся в первобытных магическо-анимистических или исламских религиозных представлениях). Да и само свадебное торжество проходит иначе. В проведении таких свадеб значительна роль советской общественности — женсоветов, махаллинских комитетов, комсомольской организации и т. д., особенно в новых свадьбах, справляемых во дворцах культуры, клубах.

Новые свадьбы, как и другие ритуалы и праздники, — свидетельство глубокого перелома в сознании советского человека, отказавшегося от порабоцавшей его религиозной идеологии, от скovskyвавших старых семейно-бытовых традиций. Изживание старого в Средней Азии тормозилось пережитками феодально-байской психологии и националистическими настроениями части населения, реликтами общинно-родовой организации, сохранившимися наиболее устойчиво в обрядовой жизни населения<sup>41</sup>. Область семейной обрядности представляла наибольшие трудности для различных преобразовательных процессов, что опре-

<sup>41</sup> Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма; И. Джаббаров. Указ. соч., стр. 181 и др.



делялось историческим развитием узбекской семьи с ее замкнутым бытом и пережитками патриархальных отношений, оставшимися от прошлого. Но и эта сфера семейной жизни подверглась коренным изменениям, в ней складываются новые традиции проведения праздников семейного цикла.

Такой перелом стал возможным лишь в результате огромных усилий Советского государства по изменению условий жизни узбекского народа, повышению его материального благосостояния, образовательного и культурного уровня, осуществлявшихся и посредством законодательных актов, и организацией политико-воспитательной работы среди широких масс населения.

Политико-воспитательная работа имеет разнообразные формы. Одной из них является пропаганда научных и атеистических знаний. С ней непосредственно связана деятельность по созданию новых ритуалов, праздников и традиций в общественной, производственной и семейной жизни. В 50—60-х годах эта работа особенно активно проводилась комсомольцами, молодежью и выражалась в разъяснительных беседах среди населения о несостоятельности (и даже вреде) многих старых обычаев и обрядов, в разработке программ новых праздников и торжественных ритуалов. Это был период активного возрождения на новом, социалистическом уровне, в новых формах и масштабах «красных свадеб» и других торжеств семейного характера, появившихся впервые в Средней Азии в 20-х годах. Новые торжества, особенно свадебные, имели живой отклик у населения и широкий резонанс по республике. В 1957 г. в г. Андижане была проведена первая комсомольская свадьба по новому образцу по сравнению с 20-ми годами. Праздновалась она в театре им. Ахунбабаева. Сочетались браком четыре пары. Организовал церемонию андижанский горком комсомола. На этой свадьбе присутствовали все руководящие работники города, о ней писали в прессе, говорили по радио. У андижанцев появились последователи. Первым подхватил это начинание колхоз «Коммунизм» Ленинского района, затем Ходжаабадский район Андижанской области<sup>42</sup>. Мы столкнулись с этим обрядом во время полевых работ 1961 г. на Кырк-кызе (Турткульский район ККАССР), участке вновь освоенных земель древнего орошения пустыни Кызылкум. Вот что рассказали нам о первых комсомольских свадьбах. Первую комсомольскую свадьбу на Кырк-кызе отпраздновали в поселке районной тракторной станции в 1959 г. Невеста — воспитательница детского сада этого поселка, уроженка г. Турткуля, немка по национальности, жених — слесарь РТС, узбек. Свадьба происходила на РТС, главным ее распорядителем был директор станции.

<sup>42</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

Среди гостей, кроме работников РТС, присутствовали: секретари райкома, председатели кырк-кызских колхозов, преподаватели школ, весь состав сотрудников детского сада и слесарной мастерской. Мужчины пришли на свадьбу с женами. Было много молодежи. Состав гостей был интернациональным. Молодоженов торжественно поздравляли, преподнесли много подарков. РТС предоставила им отдельную квартиру в типовом домике<sup>43</sup>.

Вскоре комсомольские свадьбы стали праздновать в расположенном на Кырк-кызе колхозе им. XXI Партсъезда. Первая свадьба состоялась 2 августа 1960 г. Наш информатор подчеркнул, что она явилась результатом воздействия примера андижанцев. В брак вступали колхозный агроном и студентка педагогического института, прежде работавшая школьной пионервожатой. В организации этой свадьбы приняли участие правление колхоза, партийные и комсомольские активисты. Свадьбу праздновали в колхозном саду. Оформлено все было очень красиво: на террасе установили столы, накрыли их белыми скатертями. В центре сидели жених и невеста, с одной стороны столов разместились подружки новобрачной и женщины, с другой — мужчины. Старики расположились отдельно — на суфе, причем и мужчины и женщины вместе. На свадьбу был приглашен городской (г. Турткуля) и колхозный актив. Сад был празднично украшен; торжество сопровождалось музыкой. Сначала девушки — подружки невесты явились к ней домой, а друзья жениха собрались у него дома. Когда в колхозный сад начали собираться гости, была отправлена машина «Волга» сначала за женихом, потом за невестой.

В ожидании приезда жениха и невесты гости расположились в саду и слушали музыку. Как только молодая пара приехала, музыка смолкла, наступила волнующая тишина. Жених и невеста вышли из машины. Музыканты заиграли национальную мелодию. Жених взял невесту под руку и повел по аллее сада. По мере продвижения жениха и невесты толпа гостей расступалась перед ними, давая дорогу. Так они дошли до праздничного стола и сели на предназначенные для них места. За родственниками обеих сторон были посланы другие машины. На свадьбе присутствовали сотрудники аулсовета во главе с председателем, на них была возложена миссия вручения брачного свидетельства.

Свадебное торжество открыл первый секретарь райкома партии, после чего приступили к регистрации брака. Невеста, вопреки обычаю, согласно которому жена носит фамилию своего

<sup>43</sup> Полевые записи, 1961 г. Кырк-кыз.

отца, приняла фамилию мужа. Молодоженам вручили брачное свидетельство. Потом начались приветствия, поздравления и подношение подарков. Среди подарков было все необходимое для дома. Выступали артисты художественной самодеятельности колхозного дома культуры. Торжество окончилось в 12 часов ночи<sup>44</sup>.

На следующей свадьбе, когда было устроено торжество для трех пар одновременно, девушки и парни сидели за столом не отдельно, а вперемежку.

Первые свадьбы (сначала их было немного, на этом этапе они назывались комсомольскими) дали толчок к появлению тех разновидностей новых свадеб, которые справляются в домашних условиях и называются в народе кызыл-тоями по примеру тех «красных свадеб», которые появились в Средней Азии в начальный период преобразования семейного быта. (В дальнейшем при описании данной разновидности свадеб мы будем пользоваться термином «кызыл-той».) Кызыл-той характеризуются чертами, свойственными свадьбам нового типа, но сохраняют ярко выраженный национальный колорит. В известной мере сохраняется традиционный комплекс свадебных церемоний: сватовство — в новой своей функции знакомства родителей жениха с невестой и ее родственниками, кончающееся сговором, когда определяется день свадьбы и решаются все организационные вопросы; затем свадебный пир — сначала в доме невесты, потом в доме жениха, куда в день свадьбы перевозят и невесту. В «красных свадьбах» сохраняется ряд обычаев и обрядов традиционной свадьбы — таких, которые утратили религиозное значение, но обладают красочностью и выражают национальную специфику. Например, во многих местностях Узбекистана момент ритуала — сговор — заканчивается обрядом нон синдириш. Сохраняется музыкально-танцевальное и игровое оформление народного обряда. Само же свадебное торжество проходит по-иному в сравнении с традиционным. Мы опишем несколько кызыл-тоев, представляющих различные его варианты. Каждый из них, как и традиционная свадьба, имеет свой ареал. Детали нового свадебного церемониала, сложившиеся в разных районах Узбекистана, определяются, во-первых, народными обычаями данной местности и, во-вторых, умелым отбором их для нового обряда. В этом самодеятельно участвует народ, но обычно общественные и культурно-просветительные организации и учреждения руководят этим процессом. Им же принадлежит первая роль в выработке и популяризации новых советских ритуалов и обычаев.

<sup>44</sup> Полевые записи, 1961 г. Кырк-кыз.

### Первая разновидность новой свадьбы

*Свадьба в Ташкенте.* Ташкентский кызыл-той, о котором нам рассказывали его участники — работники ЦК комсомола Узбекистана<sup>45</sup>, представляет собой ту разновидность новой свадьбы, которая празднуется в домашних условиях.

Жених и невеста были знакомы задолго до свадьбы. Получив согласие невесты на брак, юноша с помощью своего друга и его жены познакомился с родителями невесты. Заручившись их согласием на брак, юноша объявил о намерении жениться своей матери. Она, как принято по обычаю, отправилась в сопровождении близких родственниц в дом девушки, взяв с собой достархан со сладостями и обязательными в этом случае лепешками из слоеного теста *патир*. Обоюдное желание родителей поженить дочь и сына было закреплено традиционным преломлением хлеба. По согласованию с молодыми людьми был назначен день свадьбы, разосланы приглашительные билеты. За два дня до свадьбы зарегистрировали брак. Свадьба началась торжеством в доме невесты (*кичик-тўй* — малый той), где собрались родственники и друзья невесты и небольшая группа близких друзей жениха с ним во главе. Это торжество завершилось переездом девушки в дом жениха. Происходило это очень торжественно. Свадебный поезд состоял из нескольких машин, о движении которых возвещали карнай и сурнай; в одной из них жених, невеста и близкий друг жениха (заменивший наставника жениха *куёв-бошлиғи*, выбиравшегося по обычаю из родственников на традиционной свадьбе), в остальных — гости и, вопреки обычаю, родители невесты. У дома жениха свадебному поезду преградила путь протянутая детьми поперек дороги белая лента. «Выкуп», полученный детьми, позволил преодолеть «преграду», и жених с невестой в сопровождении гостей вошли в дом. Вскоре гости разошлись, с тем чтобы на следующий день собраться здесь на *катта-тўй* — «большой той».

На *катта-тоё* жених и невеста, сопровождаемые другом жениха и его женой, вышли к гостям тогда, когда все уже сидели за праздничным столом, и заняли места в центре. Руководил праздником специально назначенный распорядитель — *тўй бошлиғи*. Были поздравления, тосты, выступления артистов, преподнесение подарков молодым, веселые шутки.

Если сравнить церемониал этой свадьбы с традиционным циклом свадебных обрядов ташкентцев, то увидим, что он строится на основе старинной ташкентской свадьбы, но сокращен за счет

<sup>45</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент; см. также статью автора «О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана» («Советская этнография», 1967, № 2).

устранения ряда промежуточных церемоний, содержит только узловые моменты традиционного обряда. Если в традиционном обряде ташкентцев главные торжества происходят в доме невесты, то в данном случае — в доме жениха. Местный колорит создает ряд деталей, характерных и для традиционного обряда. Вместе с тем описанная свадьба свидетельствует о ломке всех традиций, сковывавших инициативу молодежи, и снятии многих запретов, ограничивавших поведение всех участников церемонии.

Кызыл-той, как и старый свадебный обряд, сохраняет торжества в доме невесты и в доме жениха. На главное торжество (катта-той, улы-той) приглашают городской, районный или колхозный актив (в зависимости от того, где играет свадьба — в городе или на селе), производственные коллективы жениха и невесты, из родственников присутствуют только самые близкие. Другой той, менее торжественный, устраивается для родственников, близких знакомых и соседей. Кызыл-той в большинстве своем следует местной традиции в отношении того, где устраивать катта-той — в доме невесты или в доме жениха. Но бывают и отступления от этого правила, как мы видели это на примере ташкентского кызыл-тоя. Отступление от традиции в отношении места проведения главного тоя мы наблюдали и в г. Намангане.

*Свадьба в Намангане.* В наманганской новой свадьбе большей частью основное торжество происходит в доме жениха. Однако на данном кызыл-тое основное торжество устроили в доме невесты<sup>46-47</sup>. Выходила замуж студентка третьего курса факультета русского языка и литературы Андижанского пединститута, узбечка. Ее жених, также узбек, — инструктор автошколы.

В доме отца невесты гостей радушно встречали у входа во двор дома. Сервированные столы были расставлены во дворе. Для невесты и жениха были приготовлены места за столом на айване, стены которого были увешаны коврами и сюзани. На столах — холодные закуски: куриные и мясные салаты, салаты из овощей, различные национальные печенья, фрукты, арбузы и дыни, конфеты, разнообразные вина, минеральная вода; много цветов. Подавались национальные узбекские блюда и в заключение — кавказский шашлык.

Собравшиеся гости со стороны невесты в ожидании прибытия жениха и гостей с его стороны угощались за специально приготовленным столом, вели разговоры на самые разнообразные темы, перемежавшиеся традиционной аския (соревнование в остроловии).

Часов в восемь вечера послышались звуки карная и бубна и пение. Это приехали гости со стороны жениха, их возглавляли

<sup>46-47</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

музыканты и певцы. После музыкального вступления были исполнены излюбленные отрывки из поэмы «Тахир и Зухра». За музыкантами шли нарядно одетые девушки и женщины с букетами цветов. Шествие замыкали мужчины — в основном сверстники жениха. Все были усажены за столы.

Невеста в светлом платье из парчи с короткими рукавами, в белом воздушном шарфе, накинутом на пышную модную прическу, и жених в белой шелковой рубашке, черных брюках и чустской тюбетейке сели за приготовленный для них стол. Рядом с ними — их ближайшие друзья. Около жениха сидела девушка, а около невесты — парень. За этот же стол хозяева посадили девушек и женщин, пришедших с женихом. Среди гостей были узбеки, русские и представители других национальностей. Мужское общество занимало столы в глубине двора. Гости со стороны невесты пиروвали в помещении.

Распорядители тоя объявили о начале праздника. Были подняты бокалы и произнесены тосты с пожеланиями счастья, здоровья, благополучия молодым. С песнями и танцами выступали артисты кружка художественной самодеятельности при дворце культуры г. Намангана. К концу вечера танцевать стали все желающие. Каждый выступающий — и танцор, и певец — по обычаю вознаграждался.

Веселье за праздничным столом продолжалось до полуночи. На этом закончилась первая половина свадебного тоя. Вторая часть его продолжалась уже в доме жениха, куда отправился свадебный поезд с невестой и женихом, их родственниками и близкими под звуки карная и сурная, пением ёр-ёр и танцы, как это положено по традиции. В доме жениха тоже было угощение.

*Свадьба в Хорезмской области.* Другой вариант представляют собой кызыл-той, на которых главное торжество устраивают в соответствии с традицией. Так, у узбеков Хорезмской области по традиции основное торжество по случаю женитьбы происходит в доме жениха<sup>48</sup>, точнее говоря, по месту жительства жениха, так как практически той захватывает все селение, если свадьба бывает в сельской местности, или всю махалля в городе. На кызыл-тоях в названной области основное торжество также происходит в доме жениха<sup>49</sup>. В дом невесты, где устраивается небольшое угощение для родственников и соседей, жених приезжает в сопровождении своих друзей и музыкантов на машинах. В обратный путь свадебный поезд отправляется в следующем

<sup>48</sup> Полевые записи, 1968 г. Ургенч, Турткуль.

<sup>49</sup> Полевые записи, 1968 г. Ургенч и Ургенчский, Хивинский, Хазараспский районы Хорезмской области.

порядке: на первой машине едут музыканты с национальными инструментами — карнаями, сурнаями и сазами; на второй — жених, невеста и ее подруга; верх этой машины накрыт яркой красивой тканью, которую называют *кушаяна* по аналогии с названием старинной обрядовой занавески, закрывавшей прежде невесту на свадьбе; на остальных машинах — гости. К свадьбе жених и невеста обмениваются подарками: теперь принято, чтобы жених подарил невесте что-либо из одежды, часы и шифоньер. Невеста дарит жениху костюм. Этот обычай, безусловно, имеет старую основу. В старинной свадьбе, как говорилось выше, сторона жениха была обязана делать очень много подарков невесте и ее родне. Сторона невесты отвечала тем же, но в значительно меньших размерах. Приглашенные также дарят подарки (это опять-таки находит соответствие в народной традиции, согласно которой приходящие на обряд смотрения лица невесты приносили подарки), часть из них являются коллективными подношениями. Принимает их специально выделенный человек. До начала торжества невеста со своими подругами находится в комнате, отведенной для вступающих в брак. За ней заходит жених. К праздничному столу они выходят вместе. Порядок проведения самого тоя примерно такой же, как и в других местах: невеста и жених сидят во главе праздничного стола. Рядом с невестой — ее подруга, около жениха — его друг. На тое присутствуют родители обеих сторон. Руководит тоем кто-нибудь из друзей жениха, называемый теперь *тамадой* (раньше руководитель тоя здесь именовался *кетхуда*). Первый тост тамада поднимает за жениха и невесту, которым приглашенный работник загса вручает брачное свидетельство. В ходе тоя предоставляют слово и родителям молодоженов, и самим новобрачным, что является совершенно новым моментом в свадебном церемониале, так как по обряду традиционной свадьбы невеста не имела права говорить и отделялась от участников свадьбы обрядовой занавеской. Жениху обычай также запрещал говорить. После каждого тоста следует музыкально-танцевальный номер, исполняемый обычно артистами кружков художественной самодеятельности. На свадьбе обязательно исполняют современную свадебную песню «той муборак», танцуют местные народные танцы «лязги», «нарым-нарым». Иногда первый танец начинают молодые, что является также новым моментом в свадебной церемонии.

В колхозах в летнее время угощение устраивают в садах. Тоем здесь распоряжается председатель колхоза. Для развлечения устраивают национальную спортивную борьбу, выступают канатоходцы — артисты народного цирка. За праздничным столом сидят от 200 до 500 человек. Остальные лишь наблюдают свадьбу. Это не нравится приверженцам традиционной свадьбы, так как рань-

ше все селение участвовало в свадьбе и приглашалось на угощение. Не нравятся пожилым людям и возгласы «горько», обращенные к молодым, так как это противоречит традиционным морально-бытовым представлениям.

В различных районах Хорезма описанный ритуал имеет некоторые отличительные детали, характерные для традиционной свадьбы данной местности. Так, в Турткульском районе ККАССР, относящемся исторически к областям древнего Хорезма, свадебный поезд, увозящий невесту, молодежь не выпускает без выкупа и т. п.

В других областях и районах Узбекистана основное торжество на кызыл-тоях, как и на традиционной свадьбе, происходит в доме невесты. Из обследованных нами областей так бывает в Бухарской, Кашкадарьинской областях и в ряде местностей Ферганы и Самаркандской области, независимо от национальной принадлежности устроителей тоя.

*Свадьба в Бухарской области.* В Бухарской области<sup>50</sup> брак регистрируют за один-два дня до свадьбы. На регистрацию жених и невеста приходят с друзьями. При этом присутствуют и их родители. Как обычно, преподносят цветы, угощают шампанским, обмениваются кольцами. В городе после совершения ритуала жених и невеста вместе с гостями два-три часа гуляют по городу. Иногда до свадьбы устраивают традиционный девичник — *дугонаталбон* (тадж.), или *кызлар-экина* (узб.), на который теперь собираются подруги невесты по учебе или работе. А сама свадьба в Бухаре среди как узбекского, так и таджикского населения начинается так. С утра в дом девушки-невесты идут гости. По традиции невеста с подругами находится в это время у соседней. В доме девушки ждут прибытия жениха с друзьями. Приходят обычно 30—50 человек, в их числе родители и другие родственники жениха. Исполнение приглашенными артистами песни «той муборак» является знаком готовности жениха и невесты к выходу к праздничному столу. Они садятся во главе стола. Родные рассаживаются по сторонам от них. Вечер открывает один из руководящих работников предприятия или учреждения, где работает жених или невеста. Выбирают тамаду, который затем и ведет вечер. Первый тост — за молодых. Последними на тое говорят родители, они поздравляют молодых и благодарят гостей за внимание. Играет музыка, молодые уходят, вслед за ними расходятся и гости.

В селах через некоторое время после окончания тоя приходит машина, на ней невеста уезжает в дом жениха. В городе проводы невесты происходят днем. Если жених из села, а невеста город-

<sup>50</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухара.

ская, то жених дожидается положенного времени и в дом к нему они отправляются вместе.

При общем сходстве кызыл-тоев в разных местностях они всегда имеют свои оригинальные детали, например в свадебном угощении. Так, в Ташкенте на свадьбе гостям подают среди яств похлебку из гороха<sup>51</sup>, в Янгиюльском районе Ташкентской области жениха и его друзей, приехавших в дом невесты, угощают семью блюдами национальной кухни<sup>52</sup>, в Хивинском районе для праздничного стола обязательно готовят *каурдак*<sup>53</sup>, а в Хазараспском для жениха жарят яичницу<sup>54</sup>, в Ургенчском — потчуют пельменями<sup>55</sup> и т. д. Во время церемонии сватовства достарханы наполняют характерными именно для данной местности яствами.

В Коканде кызыл-той сохранил более существенную черту церемониала традиционной свадьбы, отличающую ее от свадеб других ферганских городов. По ритуалу традиционной свадьбы в Коканде не только никох и основное торжество происходили в доме невесты, но и первая брачная ночь. На кызыл-тоях после торжественного угощения жених также остается в доме невесты на традиционный срок в три дня, и только после него молодые переезжают в дом жениха<sup>56</sup>.

*Свадьба в Кашкадарьинской области.* В Кашкадарьинской области мы наблюдали кызыл-той, который полностью повторяет церемониал свадьбы второй разновидности нашей классификации<sup>57</sup> (новая свадьба, справляемая вне дома) и отличается от нее лишь тем, что происходит в домашних условиях — в доме невесты (при традиционной свадьбе здесь главное торжество устраивают в доме отца невесты). Вот описание этой свадьбы.

Вступали в брак молодые медицинские работники. Жених — врач, невеста — студентка медицинского института. Свадебный той происходил в доме невесты, уроженки поселка Бешкент Каршинского района. Жених — сын чабана, уроженец другого района. Оба узбеки. Регистрация брака происходила в день свадьбы в только что открывшемся «доме счастья». После совершения гражданского ритуала бракосочетания и прибытия домой невеста находилась в одной из комнат дома, отведенных для гостей-женщин (мужчины располагались в другом помещении).

Праздничный стол был установлен под специально сооруженным для праздника навесом во дворе дома.

<sup>51</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент.

<sup>52</sup> Полевые записи, 1967 г. Янги-Юль.

<sup>53</sup> Баранина, нарезанная кусочками и жаренная в собственном жиру. Полевые записи, 1968 г. Хива и Хивинский район.

<sup>54</sup> Полевые записи, 1968 г. Хазарасп и Хазараспский район.

<sup>55</sup> Полевые записи, 1968 г. Ургенч и Ургенчский район.

<sup>56</sup> Полевые записи, 1966 г. Коканд.

<sup>57</sup> См. стр. 23.

Жених и невеста вышли к гостям, когда те уже расселись за столами. Приглашенных было 250 человек, преимущественно мужчин. Женщин присутствовало сравнительно немного, и сидели они около невесты, мужчины — около жениха. Среди гостей в основном были представители районного актива и товарищи по работе жениха и невесты, родственников было немного (для них предназначался второй той — в доме жениха).

Жених и невеста вышли к столу вместе. Их сопровождали ближайшие друзья и родители. Замыкали шествие музыканты и певцы, исполнявшие ставшую традиционной песню «тойлар муборак» в сопровождении *рубоба* — самого популярного музыкального инструмента в настоящее время на Кашкадарье. При их появлении все встало. Под аплодисменты жених и невеста проследовали через ряды гостей к своему месту — в центре столов, расставленных в форме буквы П. Около жениха сел его ближайший друг, около невесты — подруга.

Жених в белой рубашке с галстуком, черном костюме и национальном свадебном халате из характерной полосатой материи (широкая зелено-малиново-белая полоса отделяется узкой черной полоской), в чустской тюбетейке; невеста в белом шелковом платье (поверх которого из-за холода было накинута пальто), на голове ее — большой белый шелковый платок. Этот вечер, как называют на Кашкадарье такого типа свадебный пир (причем пользуются русским словом), открыл присутствующий в качестве гостя первый секретарь райкома партии. Он предложил избрать ведущего застолья, который называется здесь *раис* — «председатель». В помощь «председателю» были избраны лица, следившие за угощением, главный из них — *той-баши* (из родственников). Произносилось много тостов за молодоженов, которые в это время вставали и кланялись. После каждого тоста выступали артисты коллективов художественной самодеятельности Каршинского дома народного творчества и поселка Бешкент. Под аккомпанемент *рубоба* исполнялись популярные здесь песни, посвященные Кашкадарье, Узбекистану, «тойлар муборак», «ассалом» и др. Танцовщицы исполняли национальные танцы, *рубобисты* — исполненные национальные мелодии.

Самым оживленным и необычным, отличным от традиционно-го, был конец тоя. Девушки-танцовщицы вызывали на танец гостей. Каждый вызванный проходил в танце между праздничными столами. Заключительный акт тоя начался танцем, его исполнял один из ближайших друзей жениха, потом танцевали родственники молодоженов, затем — их родители. Последней танцевала бабушка жениха. Потом эта группа родственников с налитыми бокалами вина поздравляла новобрачных. Все встало, и молодые под звуки *рубоба* и пение, сопровождаемые аплодисментами, вы-

шли из-за стола и направились к выходу. За ними двинулись и гости<sup>58</sup>.

Церемониал описанного выше свадебного тоя, происходившего в частном доме (у невесты), был полным повторением ритуала студенческих свадеб, распространенных в Каршинском педагогическом институте. Подобные свадьбы, справляемые в значительной мере на общественные средства и организуемые общественной институте, стали уже обычным явлением в его стенах. Первая такая свадьба в пединституте была отпразднована в 1959 г.<sup>59</sup> В настоящее время комсомольская организация факультета выделяет специальную подготовительную комиссию. В ее обязанности входит подготовка всего необходимого для торжественного обеда, обеспечение машиной, организация встречи гостей, художественной самодеятельности, общее руководство тоем. Эта комиссия подразделяется на три группы: одна из них готовит угощение, вторая организует художественную самодеятельность, третья осуществляет общее руководство<sup>60</sup>.

Студенты сами разработали «сценарий» свадьбы, и он принят по всей области за основу, независимо от того, где происходит той — в домашних условиях или в помещении клуба, учреждения и т. п. Если такую свадьбу справляют дома, то «вечер» устраивают, как правило, в доме невесты. Он предназначен, если можно так выразиться, для общественности, родственников на нем бывает очень мало. На следующий день после переезда невесты в дом жениха той продолжается. Здесь собираются в основном родные молодоженов с обеих сторон, опять бывает общий стол, молодые находятся среди гостей<sup>61</sup>.

Все приведенные варианты кызыл-тоя говорят о том, что празднество в таких свадьбах имеет коренные отличия от традиционного церемониала: невеста сидит рядом с женихом за общим столом (а не за занавеской, как принято в традиционной свадьбе), лицо ее открыто (поэтому теряет смысл обряд смотра лица), жених не обязуется давать родителям невесты деньги на приобретение мебели и одежды, поэтому отсутствует обычай осмотра купленных на эти деньги вещей. Гости (родственники, товарищи по работе, знакомые) сидят, вопреки обычаю, все вместе, независимо от возраста и пола, родственных отношений и т. д.; на тое присутствуют родители обеих сторон, что также является новшеством, отступлением от традиции. Бракосочетания по мусульманскому обряду не бывает.

<sup>58</sup> Полевые записи, 1967 г., пос. Бешкент Кашкадарьинской области.

<sup>59</sup> Информация получена в 1967 г. (полевые записи, 1967 г. Карши).

<sup>60</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>61</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

Новым моментом в свадебном церемониале стало и то, что молодожены после свадьбы нередко не остаются жить в доме отца жениха, а сразу отделяются от родителей. Все сказанное свидетельствует о том, что кызыл-той является свадьбой нового типа.

В свадьбах нового типа, сложившихся у народов и различных этнографических групп Средней Азии, в частности в кызыл-тоях, сохраняющих, как говорилось выше, элементы традиционного ритуала, сходства гораздо больше, чем в традиционной свадьбе. Это объясняется тем, что от старого обряда в кызыл-той перешел общий принцип построения, идентичный для всех народов Средней Азии, и включились элементы новой, общесоветской культуры, выражающиеся примерно в одинаковых формах. Отличия в кызыл-тоях у отдельных народов и этнографических групп незначительны, поскольку используется не весь комплекс обычаев и обрядов традиционной свадьбы, а лишь некоторые его детали.

Если особенности традиционной свадьбы давали материал для предположения о происхождении данного населения (поскольку обрядность является одним из этнографических источников для определения этногенеза и воссоздания этнической истории народа), то кызыл-той уже свидетельствует о становлении общих для всех советских народов элементов культуры, характерных и для процесса формирования новой интернациональной культуры коммунистического общества<sup>62</sup>.

Содержание термина «кызыл-той» менялось по мере формирования типа новой свадьбы. Было время, когда кызыл-тоем называли свадебное пиршество, где для мужского застолья к угощению подавали вино. Затем появился общий стол с угощением для мужчин и женщин. За праздничный стол на некоторое время выходили жених и невеста, но родные стремились поскорее увести невесту обратно в отдельное помещение. Постепенно свадьба приобрела формы, описанные выше. Таким образом, новая свадьба, характеризующаяся по сравнению с традиционной новым содержанием и новыми формами при частичном сохранении старых форм обряда, — явление, типичное не только для Узбекистана и Средней Азии, но и для всех народов СССР.

В настоящее время процесс становления новой обрядности продолжается, и можно наблюдать промежуточные формы свадебного ритуала между традиционной и новой. В процессе модернизации обряда большую роль играют вкусы и настроения молодежи.

<sup>62</sup> См. Э. Баграмов. Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. «Коммунист», 1973, № 4, стр. 39.

Тяга молодежи к современным формам быта, образцом которых служит городская культура, настолько сильна, что старики вынуждены уступать молодому поколению. Новые бытовые нормы вытесняют старые даже в тех случаях, когда свадьба справляется в старом традиционном варианте.

Процесс преобразования старого обряда имеет сходные формы у различных народов Средней Азии. Так, в современном свадебном церемониале корейского населения в широко известном колхозе «Политотдел» Верхнечирчикского района Ташкентской области наблюдаются те же тенденции развития обряда, что и в узбекской свадьбе. Традиционная корейская свадьба и связанные с ней обычаи, относящиеся к правовым институтам, имеют много общего с узбекской свадьбой и ее обычаями того же плана, несмотря на различия их религиозной основы: и у тех, и у других свадебный пир происходит в доме невесты и в доме жениха; и там, и здесь налицо обособление мужского и женского обществ; в прошлом жених и невеста не знали друг друга до свадьбы; во время свадьбы жених и невеста сидели отдельно (находились они в одном доме, но в разных помещениях); отсутствие родителей противоположной стороны на свадебном пире (у невесты — родителей жениха, у жениха — родителей невесты); многочисленные взаимные одаривания сторон жениха и невесты — предусматриваются подарки для всех присутствующих родственников на свадьбе; многолюдность — на свадьбу обычно приходило все селение<sup>63</sup> и т. д. И вот в современной корейской свадьбе стало закономерным, что при сохранении ряда моментов традиционного церемониала появилось новое, отвечающее вкусам и требованиям молодежи, а именно в нарушение традиции во время свадебного пира и в доме невесты, и в доме жениха устанавливается праздничный стол, за которым собираются друзья невесты и жениха — и юноши, и девушки вместе. Жених и невеста, вступающие в брак по любви и обоюдному согласию, присутствуют тут же, участвуя в общем веселье. В то же время характерно и соблюдение ряда обычаев, присущих традиционной свадьбе. Например, на стол против жениха и невесты ставят вареного петуха, увитого разноцветными нитями. В клюв ему вставлен перец. Сохраняется традиционный ритуал поздравлений, согласно которому первый тост поднимают за родителей. Соблюдается старинный обычай, по которому должны спеть песню жених, потом невеста, затем каждый из присутствующих, на кого падет

<sup>63</sup> Полевые записи, 1967 г., колхоз «Политотдел» Ташкентской области. Архив Института этнографии АН СССР. См. также статью: Р. Ш. Джарылгасинова. Традиционное и новое в современной обрядности корейцев Средней Азии. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

выбор распорядителя торжества. Влияние традиции на таких свадьбах проявляется и в подборе национальных кушаний, которые обязательно подаются на праздничный стол.

Старшее поколение располагается за отдельными столами, соблюдая старинный этикет.

Таким образом, современная корейская свадьба очень похожа на узбекский кызыл-той, который также характеризуется сохранением ряда традиционных обычаев и обрядов.

#### Вторая разновидность новой свадьбы

Обратимся вновь к современным узбекским свадьбам, но к таким, которые справляются вне дома и именуется комсомольско-молодежными. Для них характерно отсутствие черт традиционного свадебного церемониала, обычаев, связанных с пережитками старого быта. В таких свадьбах большое участие принимает общественность, проводятся они обязательно в помещениях дворцов культуры, клубов, махаллинских комитетов и «домов счастья», на предприятиях и в учреждениях. Оформление зала, где должно происходить торжество, осуществляется на средства учреждения или организации, в которой работает жених или невеста. Иногда общественность помогает материально и в подготовке свадебного угощения. Для иллюстрации приведем описание городской комсомольско-молодежной свадьбы, которая проходила во Дворце культуры им. Хамида Алимджана Кировского района г. Ташкента 24 марта 1965 г.<sup>64</sup> В брак вступали работница-мотористка швейной фабрики «Юлдуз» и рабочий текстильного комбината. Ответственными по проведению свадьбы были работники Дворца культуры совместно с махаллинской комиссией. Программа вечера была согласована с женихом и невестой и их родителями. По просьбе отца жениха были приглашены, кроме тех лиц, которые намечались комиссией, еще гости из махалли, где семья жила прежде. Состав гостей был многонациональным: узбеки, русские, таджики и др. — родные и знакомые, товарищи по работе, представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций.

В шесть часов вечера жених и невеста вместе с друзьями пришли во дворец культуры. Их встретила группа молодежи. Заведующий районным заводом поздравил молодоженов и под аплодисменты вручил им свидетельство о браке. Зазвучала свадебная песня «тойлар муборак» в исполнении ансамбля узбекских народных инструментов. Жениху и невесте преподнесли подарки.

<sup>64</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент. См. также: «Советская этнография», 1967, № 2.

Затем художественный руководитель дворца культуры пригласил всех за праздничный стол; в центре были приготовлены места для молодоженов, а гости расположились за столом как им было угодно, без различия возраста и пола. Произносились поздравительные речи и тосты. Участники художественной самодельности выступили с танцами, песнями и шутками, исполнялись они на узбекском и русском языках. В концерте участвовал находившийся здесь в качестве гостя заслуженный артист Узбекской ССР Бахтиар Ихтиеров. Затем начались традиционная аския, массовые танцы и игры.

В настоящее время фиксируется и другой вариант комсомольско-молодежной свадьбы, когда свадьбу празднуют сразу несколько пар. Так, в Янги-Курганском районе Андижанской области в колхозе «Ленинизм» в 1965 г. была проведена очень интересная свадьба. Праздновали свадьбу сразу 11 пар. Торжество устроили в колхозном клубе. Открылось оно вручением брачных свидетельств. Затем — праздничный обед (устраивали его на средства участников свадьбы, помог и колхоз). На свадебном пире присутствовали родные вступающих в брак, представители партийных, комсомольских организаций и советских учреждений района. Во время торжества поздравляли молодых, преподнесли подарки и т. д.<sup>65</sup> В последнее время число таких свадеб увеличилось. Вступающие в брак — чаще из одной местности. Помощь в проведении объединенных комсомольско-молодежных свадеб оказывают местные комитеты комсомола, специальные комиссии махаллинских комитетов, женсоветы и т. п. Каждая свадьба длится по нескольку дней. Когда совмещают празднование нескольких свадеб, сберегается время у жителей данной махалли, недозволенных не бывает, так как все попадают на той. Как видим, в данном случае удачно используется давняя традиция массового пиршества.

Свадьбы, справляемые вне дома, — пока явление новое. Сначала их было сравнительно немного. Так, например, в городских дворцах культуры Ташкента за первое полугодие 1965 г. было отпраздновано только 15 свадеб, столько же — во второй половине 1964 г. в Ташкентской области<sup>66</sup>. Наиболее часты такие свадьбы в студенческой среде. Так, в Каршинском пединституте в год было до 10 студенческих свадеб<sup>67</sup>.

Но с каждым годом число свадеб и других семейных торжеств, справляемых вне дома, увеличивается. Так, во дворцах культуры и клубах Сырдарьинской области, где очень активно

<sup>65</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

<sup>66</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент. «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 18.

<sup>67</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

внедряются новые бытовые обряды, в 1968—1969 гг. наблюдалась следующая динамика роста новых обычаев и обрядов: количество торжественных регистраций новорожденных возросло с 8000 в 1968 г. до 9560 в 1969 г., молодежных свадеб — с 140 до 210, торжественных вручений паспортов — с 140 до 260<sup>68</sup>.

В настоящее время широко популяризируются комсомольско-молодежные свадьбы. Строятся дома счастья, с тем чтобы там отмечались торжества семейного цикла, в том числе и свадьбы. Следует заметить, что на комсомольско-молодежных свадьбах предусматривается совмещение ритуала торжественной регистрации — точнее вручение брачных свидетельств в торжественной обстановке — и свадебного пиршества. Когда такое совмещение невозможно из-за отсутствия помещения, вступление в брак отмечается торжественным церемониалом гражданской регистрации брака в доме счастья и свадебным пиром в кругу родных, знакомых, товарищей по работе или учебе дома. Число гостей бывает всегда так велико (будь то традиционная, будь то новая свадьба в любой ее разновидности), что дома счастья, самые просторные из которых рассчитаны не более чем на 120—150 человек, не могут всех вместить. Дома счастья в городах и районных центрах создаются на базе дворцов культуры. Для них чаще всего отводятся две-три небольшие комнаты. Колхозные дома счастья обычно еще меньших размеров, в них могут разместиться не более 30—40 человек. Свадьба в силу традиции не осознается как узкосемейное дело. В большинстве семей считают необходимостью пригласить на свадьбу всех жителей махалли или данного селения, весь производственный коллектив; не принято ограничиваться небольшим праздничным угощением в узком кругу близких и знакомых, следующим за выполнением гражданского ритуала бракосочетания. Поэтому после торжества в домах счастья по заведенному порядку празднуют свадьбу в доме невесты и в доме жениха. Даже в очень вместительных, богато и красиво оформленных домах бракосочетания, как, например, в колхозе «Янги Турмуш» Бухарской области или «Полиотдел» Ташкентской области, торжеством только в них не удовлетворяются.

Дом бракосочетания в колхозе «Полиотдел» — это специально выстроенное двухэтажное здание, на втором его этаже помещается гостиница (гостевой дом), а нижний этаж целиком отведен для торжественных церемоний. Здесь есть большой зал для танцев, банкетный зал, рассчитанный на 120 человек, и подсобные помещения, включающие кухню, помещение для хранения посуды и т. д. Убранство помещений отличается большим вкусом. И все-таки в силу традиции свадебный церемониал не

<sup>68</sup> И. Джаббаров. Указ. соч., стр. 199.



ограничивается торжеством только здесь (независимо от национальной принадлежности, будь то пара из узбекской, корейской, казахской или какой-нибудь другой семьи: колхоз «Политотдел» — многонациональный). В большинстве случаев торжество в доме бракосочетания является либо дополнительным этапом в свадебном церемониале (в узбекской свадьбе — начальным периодом, за которым следуют тои в доме невесты и в доме жениха; в корейской свадьбе — промежуточным звеном между торжеством в доме невесты и в доме жениха) — банкетом, сопровождающим ритуал бракосочетания, либо заменяет торжество в доме жениха (в корейской свадьбе).

Дома счастья — хорошее начинание. И настанет время, когда только в них будут проводить свадьбы и другие семейные торжества. Удобные и просторные помещения и соответствующая обстановка наилучшим образом будет соответствовать проведению больших торжеств.

Приведенным выше материалом мы старались показать, что традиции еще играют большую роль в проведении семейных праздников. Это обстоятельство надо учитывать и умело использовать, способствуя сохранению лишь тех из них, которые могут украсить наш современный быт.

Народ ценит в обрядности национальный колорит. В новой же свадьбе при проведении ее вне домашних условий национальный колорит часто исчезает. Здесь мы сталкиваемся с важной задачей развития новой обрядности — с необходимостью сделать новый церемониал не только красивым, эмоциональным и торжественным, но и бережно сохранить те его национальные традиционные формы, которые могут стать органической частью нового советского быта.

Таким образом, в отношении обрядности, в частности свадебной, сложилось такое положение: старый традиционный обряд исчезает, так как перестает удовлетворять население, о чем свидетельствуют изменения, которым он подвергся в последние десятилетия. Новый молодежный обряд требует творческой работы для дальнейшего развития и усовершенствования, для обогащения его художественного облика, церемониал его не имеет установившихся форм.

Естественно, что в этих условиях более других распространена третья форма свадьбы, являющаяся промежуточным звеном между старой и совершенно новой свадьбой. Это кызыл-той. Он сохраняет некоторые традиционные черты и национальные особенности, и в то же время это — свадьба нового типа. Кызыл-той стал обычным явлением, особенно среди интеллигенции и рабочих.

## Торжественная регистрация брака

Новый ритуал торжественной регистрации брака сопровождается все разновидности существующих в Узбекистане свадеб, он прочно занял свое место в ряду свадебных церемоний. В узбекских семьях принято выполнять его, как правило, за один — три дня (иногда больше) до свадьбы. Так бывает и при традиционной свадьбе и на кызыл-тоях.

Однако известны примеры, когда регистрация брака происходила в день свадьбы, предшествуя ей непосредственно. Это касается больше кызыл-тоев. Бывает, что скрепление подписями брачного союза и вручение свидетельств о браке происходит на самом свадебном тое, на который специально выезжают работники загса. Такой порядок характерен для комсомольско-молодежных свадеб в дворцах культуры, клубах и т. п., но иногда встречается и на кызыл-тоях.

Торжественный ритуал регистрации брака распространен по всему Союзу. Его проводят во дворцах бракосочетания либо в загсах, дворцах культуры, домах счастья и клубах. В основных своих чертах этот ритуал повсеместно одинаков.

В Узбекистане в разработке и популяризации нового ритуала торжественной регистрации брака большое участие принимало Министерство культуры Узбекской ССР совместно с республиканским советом профсоюзов. «Сценарии», или «рекоммендации», этого ритуала были разосланы на места, где создавались свои варианты ритуала.

В Самарканде пользуется известностью церемония торжественной регистрации брака, которую проводит Дворец культуры «Химик» Самаркандского суперфосфатного завода.

Для подготовки торжества обычно создается группа из пяти — семи человек — активистов дворца культуры и комсомольцев завода. Она договаривается с поселковым советом об оформлении документов, с заводом — о предоставлении транспорта, согласовывает с женихом и невестой порядок проведения церемонии и т. д. Торжество устраивается на средства общественности. За два-три дня до свадьбы начинают готовить помещение дворца, рассылают приглашительные билеты.

Население поселка суперфосфатного завода неоднородно в национальном отношении. Здесь живут узбеки, татары, русские, корейцы и др. Браки бывают однонациональными и смешанными.

При подготовке торжества по случаю регистрации брака учтываются пожелания жениха и невесты, их близких, и это придает ритуалу определенный национальный колорит. Такие торжества во дворце культуры «Химик» проводятся с 1958 г.

Вечером в день свадьбы<sup>69</sup> нарядно одетые девушки собирались во дворец культуры и оттуда на украшенных цветами машинах и автобусе ехали за невестой. С невестой, ее родителями и близкими они веселым кортежем, под музыку проезжали по поселку, на улицах которого собиралось много людей, чтобы полюбоваться свадебной церемонией, а затем возвращались во дворец. Невеста направлялась в «комнату невесты», где подруги еще раз осматривали ее наряд. Потом также торжественно и весело ехали за женихом его друзья. У входа во дворец культуры жениха встречали и требовали «выкупа». Происходила шуточная борьба: жених и его друзья пытались пройти в вестибюль, девушки не пускали. Только после того, как жених одаривал девушек конфетами, его пропускали и он со своими друзьями проходил в «комнату жениха», где оставался до начала регистрации брака. Когда распорядитель объявлял о начале церемонии, невеста и жених выходили из своих комнат и шли в фойе. Здесь их ждали сотрудник поселкового совета, родители и друзья. После оформления брака, вручения брачного свидетельства и обмена обручальными кольцами начинались торжественные поздравления. Первыми молодоженов поздравляли председатель поселкового совета, знатные люди поселка, затем товарищи. По окончании официальной части все присутствующие рассаживались за столиками в фойе, начиналось пиршество, во время которого молодых поздравляли, подносили подарки, цветы. Приходили с приветствиями пионеры. Оркестр народных инструментов исполнял популярные мелодии. Завершалась церемония концертом артистов народного театра при дворце культуры.<sup>70</sup> Весь ритуал занимал не более трех часов, и к девяти часам вечера торжество заканчивалось, чтобы осталось время на продолжение празднования в домашних условиях.

Наиболее распространена в Узбекистане торжественная регистрация брака нескольких пар одновременно. Вот как, например, проходили торжества по поводу регистрации брака во вновь открытом дворце культуры г. Намангана, при котором организован «дом счастья» — большое помещение из трех комнат, фойе — на галерее второго этажа. Дом счастья оформлен современно и со вкусом, здесь же «подготовительные» помещения и зал для торжественных церемоний. На галерее расставлены праздничные столики.

Первая торжественная регистрация брака была здесь

<sup>69</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд. Здесь описывается тот случай, когда ритуал бракосочетания совершается в день самой свадьбы.

<sup>70</sup> 24 пары, праздновавшие здесь регистрацию брака (с 1958 по сентябрь 1965 г.), получили от завода новые квартиры.

23 июня 1966 г. Празднество проводилось по заранее разработанной программе. В день торжества на фасаде дворца культуры были вывешены специальная эмблема — два сплетенных кольца: одно — красного, другое зеленого цвета (обручальные кольца как символ брака) и надпись: «Сегодня день бракосочетания». От входа были разостланы ковровые дорожки. Все говорило о праздничном дне во дворце культуры.

На церемонии торжественной регистрации брака пяти пар присутствовали руководящие работники горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, работники загса. Они встречали вступающих в брак. Здесь же находились родные, знакомые и друзья (по 10—25 человек от каждой пары).

Молодые пары медленно направились по ковровой дорожке через вестибюль и лестницу, ведущую на второй этаж. Вдоль лестницы стояли дети и бросали под ноги идущим цветы и лепестки роз. В зале звучала музыка, вступающих в брак приветствовали дети. Руководители церемонии поочередно приглашали пары молодоженов в зал регистрации. Были назначены два распорядителя, один из них говорил на узбекском, другой — на русском языках, поскольку в брак вступали молодые люди разных национальностей. У распорядителей через плечо была перекинута церемониальная лента, повторяющая цвета флага Уз.ССР. Заведующая загсом вручила молодым свидетельство о браке и памятные книжки, содержащие пожелания новой семье. Молодых поздравили все присутствующие, затем все перешли в другой зал, где продолжались поздравления за праздничным столом.

По окончании церемонии каждая пара в сопровождении своих родных и знакомых на машинах «Волга», украшенных цветами и лентами (машины предоставил горисполком), совершила торжественный круг по городу.

Во время церемонии играл оркестр узбекских народных музыкальных инструментов, исполнялись народные песни, в том числе свадебная песня «тойлар муборак», произведения классической музыки, например марш из оперы «Аида» и др. Таких торжественных церемоний Наманганский дворец культуры лишь в течение полутора месяцев летом 1966 г. провел три (первый раз регистрировалось 5 пар, второй — 4 пары, третий — 8 пар)<sup>71</sup>.

Как уже говорилось, новый ритуал торжественной регистрации брака вошел в быт народов Узбекистана. Любая форма свадьбы обязательно его включает. Но он еще не утвердил за собой постоянного места в цепи свадебных церемоний, даже в

<sup>71</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

торжествах нового типа (выполняется или за два-три дня до свадьбы, или непосредственно перед свадебным торжеством, или в ходе свадебного пира). Новый ритуал, рассчитанный на то, чтобы вытеснить, заменить старый, оторван от свадьбы сроком в два-три дня, а то и более. Поэтому он часто воспринимается как дополнительный новый обряд, который принят населением. Задача же заключается в том, чтобы он влиял на свадьбу, менял ее, чтобы совершенно вытеснил никох.

На наш взгляд, в разработках церемониала новых свадеб, проводимых дворцами культуры, домами счастья и т. д., имело бы смысл торжественную регистрацию брака включать в сам свадебный церемониал (это больше бы соответствовало традиционному построению свадебных торжеств), ставить этот ритуал на место, предназначавшееся прежде никоху.

Новый обычай обмениваться обручальными кольцами в Узбекистане также положительно воспринят населением. В прошлом это был символ соединения узами брака в христианской религии. В настоящее время он потерял свое религиозное значение и широко распространен в новых брачных ритуалах повсеместно в СССР. На основе этого нового обычая в соединении с местной традицией дарить невесте на свадьбу украшения (кольца, браслеты и др.) родился новый ритуал: в день торжественной регистрации брака жених дарит невесте часы на браслете, которые по окончании церемонии бракосочетания надевает ей на руку заведующий загсом<sup>72</sup>.

Из старого церемониала в новый переносятся обряды, представляющие собой развлекательный, игровой момент. Новый обряд насыщен национальной музыкой, пением, танцами и другими видами местных национальных развлечений.

Нам представляется, что обычаи и обряды старого церемониала должны переноситься лишь в сходный по смыслу новый обряд, чтобы каждый новый обряд имел свой колорит, сохранял свою неповторимость в сравнении с другими обрядами семейного цикла не только по существу, но и в изобразительных средствах.

Свадебная обрядность постепенно «облегчается» по сравнению с традиционной, сокращается число ее звеньев за счет устранения обрядов, связанных с пережитками, — калымом и никохом; исчезли совещания представителей сторон, сопровождавшие сговор, патия-той (фотиха) — помолвку, к которой в ряде мест жених должен был выплатить часть калыма; церемонии, связанные с показом имущества, полученного в качестве калыма, а также

церемонии, сопровождавшие обряд мусульманского бракосочетания. Эти моменты отвергнуты народом и изживаются из церемониала свадьбы. Традиция возлагать почти все расходы по свадьбе на сторону жениха — отголосок патриархальной власти мужа и его семьи над женой — утрачивает свое значение. Затраты на свадьбу очень часто делят между семьями жениха и невесты.

В старой свадьбе жених и невеста были пассивными участниками сложного комплекса поступков и действий, начиная со сватовства. И даже роль их родителей не всегда была активна в процессе свадебных церемоний. Первые роли отводились родственникам вступающих в брак, отдельным выборным лицам, представляющим эти коллективы, которые выступали советчиками в выборе невесты и жениха и главными распорядителями брачного церемониала.

Теперь молодые люди сами решают свою судьбу. Из этого вытекает и их поведение на свадьбе — веселом и торжественном празднике, устраиваемом в честь важного события — женитьбы. Невеста и жених на свадьбе — центр внимания. Порядок проведения свадьбы решается только ими. Они оба присутствуют за праздничным столом в кругу своих друзей — юношей и девушек. Тут же родители и родственники обеих сторон — мужчины и женщины вместе.

От сложного и многоступенчатого цикла свадебных обрядов теперь остаются лишь видоизмененные обряды и обычаи, соответствующие этапу сватовства и собственно свадьбы (не полностью). Да и они входят в новый обряд в большой мере модернизированными: сокращаются до минимума неоднократные в старой свадьбе посещения сватами дома невесты, предшествующие свадебному торжеству девичник и собрание сверстников жениха также модернизированы: у невесты собираются ее друзья, у жениха — его, причем среди гостей могут быть и юноши, и девушки.

Наблюдая тенденции развития свадебной обрядности, можно предположить примерно следующий путь ее дальнейшего видоизменения.

Свадебный той, как нам кажется, будет праздноваться где-нибудь в одном месте, предположим, в доме жениха, где обычно, особенно первое время, живут молодожены. В таком случае в доме невесты большого торжества можно не устраивать. Здесь можно назначать сбор гостей, которые сопровождают жениха и невесту в загс. Гражданская регистрация брака во дворце бракосочетания, в доме счастья или в загсе не отрывается от основного свадебного торжества и является кульминацией свадебной церемонии. Это способствует изживанию никоха, особенно среди тех лиц, которые считают необходимым совершение его

<sup>72</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижанская область.

не в силу убеждения, а в силу сложившейся традиции, ради исполнения желания стариков.

Подобные свадебные торжества, во-первых, сохраняют их традиционное построение, во-вторых, позволяют использовать такие эффектные моменты, как приезд жениха в дом невесты (прежде на никох), увоз невесты из ее дома в дом будущего мужа. Это были очень значительные моменты свадьбы, они проходили в сопровождении музыки, игр, танцев. К настоящему времени эти обряды имеют только игровое значение. В одних местностях свадебный поезд невесты сопровождается факельными шествиями, танцами, в других — конными играми и соревнованиями джигитов и всегда — пением старинной свадебной песни «ер-ер» и игрой на излюбленных национальных инструментах — карнае, сурнае и сазе.

В доме невесты собираются гости, едущие вместе с женихом и невестой на торжественную регистрацию брака. Здесь же родители обеих сторон и другие ближайшие родственники, возможно, посаженные отец и мать, выбранные из почетных лиц производственных коллективов жениха и невесты, роль которых очень ответственна — они являются общественными свидетелями при регистрации брака и попечителями молодой пары в дальнейшей их жизни. В загс отправляются веселым свадебным кортежем, состоящим из нескольких машин: впереди музыканты, танцоры, певцы, потом машины с женихом и невестой, затем остальные.

Наряд невесты соответствует вкусам и моде в данной местности. Очень часто невеста бывает в светлом платье национального покроя с газовым шарфом на голове. На женихе, как правило, белая рубашка, на голове чувская тибетейка, иногда — национальный свадебный халат, нередко — обычный костюм. Свадебные костюмы могут быть взаимными подарками жениха и невесты друг другу.

После церемонии регистрации свадебный кортеж отправляется в дом жениха на свадебный той. Около дома могут совершаться игрового значения обычаи, например выкуп за то, чтобы подъехать к дому, и т. п.

Когда жених и невеста выходят из машины, им под ноги стелят ковер или дорожку, по которой они следуют к дому. На пути к нему молодую пару осыпают сладостями, как это принято в традиционной свадьбе, и цветами. Около дома новобрачных приветствуют гости. Распорядитель тоя проводит молодых к месту за праздничным столом, он же рассаживает гостей. Выбранный тамада руководит тостами и различными *тамоша* (развлечениями) согласно традициям данной местности. Праздничный стол отличается национальными блюдами, характерными для узбек-

ских свадеб. Гости этого праздника — не пассивные зрители тех увеселений, которые предложат им участники художественной самодеятельности, а сами создают это веселье: участвуют в танцах, пении, различных соревнованиях. Новобрачные также обязательно принимают в них участие.

Таким представляется нам новый свадебный узбекский обряд, согласно тенденции его развития в настоящее время.

### Обычаи и обряды, посвященные рождению и воспитанию детей

В Узбекистане любят и всегда любили детей. Отношение к ним прекрасно иллюстрирует широко известная поговорка: «Болалари уй — бозор, боласиз уй — мазор», вольный перевод которой означает: «В доме, где много детей, царит счастье и веселье, а где их нет — уныние и грусть».

Традиционные обряды детского цикла у узбеков, как и у других народов Средней Азии, достаточно многочисленны. Но в отличие от цикла свадебных обрядов они не представляли собой такого взаимосвязанного единого целого, так как поводом к празднованию каждый раз бывало новое событие (рождение ребенка, появление зубов, стрижка первых волос, первый шагок и т. д.). Обряды и праздники детского цикла (исключая суннат-той) существенно отличались своим меньшим размахом по сравнению с другими семейными обрядами. Даже торжество по случаю рождения мальчика-первенца, устраиваемое отцом ребенка, не имело такого общественного резонанса, как свадьба или похоронно-поминальные обряды. Несмотря на то что на это торжество приглашали много гостей, устраивали праздничное угощение и зрелища, все делала только семья новорожденного, без участия представителей общины или рода. Другое дело суннат-той — торжество, связанное с обрядом обрезания. Это один из самых значительных, первый по счету тоев, который должна была устраивать мальчику семья. Этот обряд, как и свадьба, был делом не только данной семьи, но и общины или рода в целом. С этим торжеством были связаны большие затраты и хлопоты.

Обряды детского цикла мы описываем в том же порядке, как и свадебную обрядность: обряды, бытовавшие в начале XX в., традиционные обряды наших дней, новые ритуалы<sup>73</sup>.

<sup>73</sup> Материалами для описания детского цикла обрядов послужили данные до-революционной и советской этнографической литературы, собственные полевые записи автора.

Обряды и обычаи, посвященные рождению ребенка и событиям младенческих и детских лет жизни, в начале XX в. у всех групп узбеков во многом были похожи. Отмечались одни и те же события: так, рождение ребенка отмечалось известным и у других народов Средней Азии периодом сорокаднейя—*чилля*. Он сопровождался соблюдением некоторых обычаев и обрядов. В течение этого периода совершался обряд положения в колыбель и торжество по этому поводу—*бешик-той* (сам той иногда относили на более позднее время в зависимости от разных семейных обстоятельств).

Когда ребенку исполнялся год, ему впервые стригли волосы, затем ногти. Эти обряды завершали период младенчества. Начинаясь детство. Мальчикам в возрасте от трех до семи лет делали обрезание—обряд, генетически связанный с институтом инициаций первобытнообщинного строя, которым знаменовался переход из одной возрастной группы в другую, из детского возраста—в разряд юношей и затем мужчин<sup>74</sup>. Позднее он стал одним из обрядов мусульманской религии.

Период детства у девочки ничем не отмечался (вообще все обряды и торжества детского цикла, устраиваемые в связи с рождением девочки, бывали менее пышными, чем посвященные мальчику). Лишь «завершение» его (9 лет) сопровождалось, особенно в городах, надеванием паранджи (до замужества ее носили без чачвана, лицо закрывали белой кисеей) или другой накидки, что носило характер обрядового действия. С этого времени девочке не полагалось играть в обществе мальчиков, выходить из дому без сопровождения взрослых девушек или женщин и вообще она подчинялась уже нормам поведения женщины-мусульманки.

В обрядах детского цикла у узбеков, живущих в разных районах Узбекистана, было много общего и в смысле обрядовых действий, и в их материальном выражении, что свидетельствует, видимо, об общности их религиозных представлений в прошлом. В обрядности детского цикла гораздо труднее выделить комплексы, связанные с различными традициями (земледельческой и скотоводческой) в культуре узбеков, как это удается сделать в свадебной обрядности. Но тем не менее кое-что все-таки можно проследить. Для обрядности детского цикла было характерно наличие пережитков чрезвычайно архаических явлений социального порядка и религиозных представлений.

<sup>74</sup> Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте. «Занятия и быт народов Средней Азии», Л., 1971, стр. 256—273.

Рождение ребенка все члены семьи ждали с нетерпением и очень опасались за его жизнь и жизнь матери в первое время после появления ребенка на свет. Особенно опасным считался период первых сорока дней—*чилля*. По поверью, матери и ребенку в это время якобы угрожали всевозможные злые силы. Поэтому в течение сорока дней мать никуда не выходила и не выносила ребенка, не показывала его никому, за исключением самых близких, опасаясь «сглаза». В связи с этим же в доме роженицы иногда жила повивальная бабка (там, где она бывала) до момента выполнения обряда положения ребенка в колыбель—*бешик*. В последующие дни до окончания чилля она постоянно навещалась к матери ребенка. В течение первой недели роженицу окружали люди только из числа «проверенных», не могущих нанести «порчу». Считалось, что присутствие людей уменьшает опасность вредного воздействия «дурных сил». Сама мать соблюдала строгую диету—принимала горячительную или прохладительную пищу<sup>75</sup>—в разных районах по-разному. Все сорок дней для «отпугивания злых духов» мать и ребенка окуривали травой *исрык* (*испанд*).

Чилля разделялась на малую и большую (*кичик чилля* и *ката чилля*). Первые 20 дней считались малой чилля—самым опасным для жизни ребенка периодом. Большая чилля—это все 40 дней. Во время чилля почти повсеместно выделялись: первый и третий день, день отпадения пуповины, день положения в колыбель, конец малой чилля и конец большой чилля. Период чилля сопровождался выполнением многочисленных традиционных приемов ухода за младенцем. Кроме рациональных действий, обеспечивающих нормальное развитие ребенка, в них было много от примитивной магии.

В первый день после появления на свет ребенка мыли и одевали. Когда его мыли, в таз с водой опускали деньги или кольцо, которое забирала повитуха. В воду якобы для предохранения от различных сыпей на тельце ребенка добавляли соли. Соль являлась также средством, якобы предохраняющим от «порчи». Для присыпки пользовались толченой землей. Дабы магическим путем сообщить младенцу долголетие, его пеленали в старые тряпки—в одних случаях чистые, в других—грязные, что имело якобы значение и для отпугивания вредоносных сил, и клали рядом

<sup>75</sup> По старым представлениям узбеков (как и других народов Средней Азии), пища подразделяется на горячительную (баранина, конина, черный чай, перец и др.) и прохладительную (козлятина, зеленый чай и др.). Употребление определенного вида пищи имело лечебные цели.

с матерью, накрыв его сверху чачваном. Чачваном накрывали ребенка, как правило, в течение всего чилля (после обряда положения в колыбель чачван обычно накидывали на колыбель).

В некоторых местностях уже в первый день ребенка одевали в одежду, называвшуюся *ит-куйнак* (собачья рубашка) или *чилля-куйнак*. Она представляла собой или обычную, только неподшитую по подолу рубашечку (детскую одежду вообще не принято подшивать, считалось, что в противном случае не будут рождаться дети) или круглую тряпицу, в которой вырезано отверстие для головы. Изготавливали ит-куйнак из старого платья либо матери, либо бабушки или одежды дедушки. В ряде местностей ит-куйнак надевали сначала на собаку, а потом уже на ребенка. Затем эту рубашечку оставляли для последующих детей. В других районах ит-куйнак надевали на собаку после окончания чилля. Бывало, что эту обрядовую одежду надевали в иные сроки.

С пережитками представлений об особой роли собаки связаны и некоторые другие обычаи обрядности детского цикла. Например, по окончании чилля собаке выбрасывалась лепешка, клавшаяся в изголовье колыбели. В обычаях, связанных с собакой, явно угадываются старинные представления, согласно которым на собаку можно «переложить» все невзгоды, могущие встретиться на жизненном пути ребенка<sup>76</sup>.

Эти обычаи в среднеазиатском регионе имеют глубокие исторические корни. Если считать, что это реликты зороастрийских верований, в которых собаке отводится значительная роль, т. е. эти представления относятся к кругу древних земледельческих народов Средней Азии (кстати, подобные обычаи имелись также у таджиков), то не поддается объяснению факт широкого распространения обычая надевания «собачьей рубашки» и других обычаев, связанных с верой в особую роль собаки, у народов, ведущих свое происхождение от кочевых и полукочевых племен степей Приаралья, — казахов, каракалпаков и т. п. К этому надо добавить, что у тюркских народов есть предания о сакральной роли собаки (волка): например, предание о киргизских девушках и собаках или легенда о бегстве туркмен из Туркестана от двух огромных собак и т. п. Очевидно, обычай надевания ит-куйнак, как и «очистительный огонь» в свадебных обрядах, является отражением одного из стадиальных, очень архаических явлений в развитии религиозного мировоззрения, свойственного различным народам.

В первый же день после рождения ребенка к знакомым и родственникам посылали вестника с сообщением о радостном событии. Вестник получал подарок (*суюнчи*) большей или меньшей стоимости в соответствии с местными обычаями. Первыми поздравить мать приходили женщины, приносившие с собой сладости, блюда с пловом, лепешки и *сарпай* (отрез на платье или готовое платье матери и что-либо из туалета для ребенка). При прощании гостей наделяли лепешками, сладостями. Если родившимся ребенком был мальчик, да еще первенец, то соседки приходили поздравлять родителей с музыкой и танцами. Их обязательно угощали и давали ответные подарки.

Обычно на третий день отец ребенка устраивал торжество для мужчин. Кроме праздничного обеда и национальных развлечений приглашенным раздавались богатые подарки. Пишным торжеством было только при рождении сына, особенно первенца. При рождении девочки приглашали лишь нескольких родственников и родственных, близких знакомых и приготавливали очень скромное угощение. Иногда его устраивали не дома, а у ближайшего *мазара* (архитектурное сооружение над могилой местного святого, расположенное обычно на кладбище). Причем издержки часто брал на себя один из младших братьев отца ребенка, что является, видимо, стертой формой архаической системы семейно-брачных отношений — группового брака, при котором все племянники считаются детьми всех братьев действительного отца.

Время отпадения пуповины, что случалось на 3—5-й день в зависимости от времени года и других причин, в некоторых местностях отмечалось надеванием ит-куйнак. На голову ребенку повязывали платочек с перьями филина, считавшимся оберегом, на руки и ноги — *минчак* — скрученные белые и синие нитки, также воспринимавшиеся как обереги. В других местностях это событие отмечалось помазыванием ребенка сажей.

По поверью, первые ночи после рождения считались очень опасными для ребенка и матери. Это якобы относится в особенности к пятой ночи. Этой ночью роженице не позволяли спать. Ночь проводилась в разговорах, пении, угощались принесенными фруктами, лепешками и т. д. Отец ребенка в эту ночь никогда не отлучался из дома. Вечером ребенка смазывали сажей, чтобы его невозможно было узнать. В некоторых местностях разводили костер, подсыпая в него порох, ибо верили, что все это может отпугнуть злых духов. Наконец наступал день обряда положения в колыбель.

<sup>76</sup> Об этом см.: Г. П. Снесарев. О реликтах домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 319—323.

Положение в колыбель (*бешик*) считалось самым значительным событием младенческого периода жизни ребенка. Этот обряд, как правило, сопровождался тоем и обставлялся достаточно торжественно. День для совершения обряда по местным приметам выбирали «легкий», «счастливый». Утром в дом отца ребенка из дома бабушки по линии матери приходила группа женщин с нарядным бешиком и всем приданым для ребенка. По обычаю, это приданое вместе с колыбелью, особенно для первенца, должна была приготовить бабушка со стороны матери, что является, видимо, пережитком тех взаимоотношений, которые характеризовали еще период матриархата, когда род матери был главенствующим и дети принадлежали ему, а не отцовскому роду (Для последующих детей колыбель не покупали, использовали прежнюю, а из приданого готовилось лишь то, что требовало обновления). От бабушки несли также продукты для угощения, достарханы со сладостями, лепешками и другими изделиями из теста, среди которых особое место занимал *баурсак* — жареные в кипящем масле кусочки теста ромбовидной формы, старинное обрядовое печенье, ставшее впоследствии неотъемлемой частью мусульманских церемоний. Несли подарки родителям ребенка, повитухе или женщине, принимавшей роды. Процессия из женщин шла иногда под звуки сурная, служащие своеобразным оберегом, согласно народному поверью. В доме процессию встречали достарханчи, им передавались все подношения. Бешик торжественно несли две женщины, держа его над головой. Во дворе дома его осыпали сладостями.

Пришедшим подавали угощение, одно блюдо сменялось другим. Родители ребенка со своей стороны одаривали отрезами матери бабушку и других родственников матери ребенка, а также почетных гостей. После ухода основной массы гостей (из-за боязни «сглаза» ребенка им не показывали) совершали обряд положения в колыбель. Кроме членов семьи присутствовали еще несколько самых близких друзей — исключительно женщины. Бешик ставили слева от роженицы. Ребенка и мать окуривали дымом испанда. Делали это обычно повитухи (*доя, момо*, как их называли в различных местностях) или женщина, принимавшая роды. Потом она же помещала в изголовье колыбели каменный брусок или каменный пестик от ступки, предварительно трижды положив его неправильно — поперек. Затем туда же складывали зеркало, бритву, гребень и т. п., проделывая те же манипуляции, что и с бруском. Потом добавляли перец, лук, маленькую лепешку из пресного теста. Эти предметы, по поверью, должны были

обезопасить ребенка от «порчи» и сделать его счастливым. Завершалось все это тем, что повитуха брала ребенка и, «примерив» его три раза, как и названные предметы (что делалось, видимо, для того, чтобы «ввести в заблуждение» «враждебные» силы), укладывала в колыбель, привязывая к ней.

После кормления ребенка бабушка вместе с повитухой осыпали бешик сладостями. Все бросались поднимать их. Доя брала две лепешки и давала матери чуть-чуть откусить от них. Потом эти лепешки отдавали детям, те убежали с ними на улицу и вскоре возвращались. Затем эти лепешки крошили и кусочки их раздавали присутствующим. Мать и бешик опять осыпали сладостями, бросали деньги (их брала повитуха) — считалось, что все это должно принести счастье. Повитуха получала подарок и уходила, за ней уходили и остальные. С небольшими вариациями так проводился бешик-той повсеместно.

В день совершения обряда положения в колыбель обычно давали ребенку имя. Делали это отец, дед, бабушка или кто-нибудь из почтенных людей, часто мулла.

По существовавшим представлениям, после окончания кичик чилля ребенку не были уже так опасны колдовские силы. В некоторых местностях конец малой чилля (т. е. через 20 дней после рождения) ознаменовывался вторичным купанием ребенка. Окончание периода сорокадневья или ничем не отмечалось, или созывали женщин, которые снимали с ручек ребенка нитки *минчак*, заменяя их наизычными на нитку бусинами. После этого срока ребенка можно было выносить на улицу, ему уже не угрожали в такой степени «сглаз» и злые духи. По истечении срока чилля роженица с ребенком отправлялись к своей матери, которая обязательно угощала дочь и дарила головной платок, а ребенку — тюбетейку, халат и рубашку. Этим заканчивались обряды и празднества, совершаемые в связи с рождением ребенка.

Стрижка первых волос, первая стрижка ногтей, как и первый шагок, не сопровождалась большими торжествами. Собирался небольшой круг женщин, следовали угощение и обычные взаимные подарки.

#### Суннат-той

Если в торжествах, связанных с младенческим периодом жизни ребенка, в основном участвовали женщины, то пиршество по случаю обрезания являлось заботой отца ребенка, который согласовывал все для этого необходимое с авторитетными лицами общины<sup>77</sup>.

<sup>77</sup> Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении празднества суннат-той в его среднеазиатском варианте.

Суннат-той продолжался обычно три дня. На него съезжались гости издалека. Каждый вновь прибывший гость-мужчина первоначально шел в *михман-хану* (комнату для гостей) передать хозяину свой подарок и поздравить с радостным событием, с предстоящим торжеством, затем направлялся в отведенное ему помещение в доме устроителя тоя или в доме его родственников или знакомых. В первый день гости съезжались; собравшись компаниями по домам, разговаривали, слушали пение, смотрели пляски и т. п. В сельских местностях среди некоторых групп узбеков на второй день устраивали *улак* (скачки с козлодранием), после чего опять следовали угощение и разные увеселения. На третий день бывали скачки на большое расстояние. Победители награждались. Всем течением тоя и раздачей призов распоряжался выбранный *той-баши*.

После скачек гостей угощали традиционным пловом и одаживали. Дальние гости разъезжались, односельчанам раздавали плов и лепешки (местами по 9 лепешек). На суннат-тоях устраивали не только скачки, но и бои петухов, баранов, собак и т. п., это обычно среди городского населения земледельческих оазисов. Все зависело от местных традиций и состоятельности устроителя тоя.

Для женщин также устраивалось угощение, но без торжеств, какими сопровождалась мужские собрания. Само обрезание совершалось после разъезда гостей. Операцию производил цирюльник, мулла читал соответствующие молитвы.

Мы уже отмечали, что обрядность детского цикла среди узбеков различных местностей не имела существенных различий. В ней сильны пережитки архаических верований, чем, очевидно, и объясняется такое единообразие. Тем не менее по аналогии со свадебными обрядами (в которых действия с зеркалом, окуривание, разбрасывание сладостей и т. д. возводятся генетически к пережиткам ранних форм религиозных представлений древних земледельческих народов Средней Азии) зеркало, которое кладут в колыбель, неоднократные окуривания исырьком матери и младенца, постоянные забрасывания сладостями также следует, очевидно, связывать с пережитками верований древнеземледельческих народов Средней Азии. Тем более что в аналогичных церемониях детского цикла у казахов<sup>78</sup> или каракалпаков<sup>79</sup> таких обычаев не наблюдается. Достаточно ясны различия в видах увлечений, сопровождавших суннат-той: конные скачки — это ха-

<sup>78</sup> См.: И. И. Ибрагимов. Этнографические очерки киргизского народа. «Русский Туркестан», вып. 2. М., 1872.

<sup>79</sup> Полевые записи, 1956 г. Каракалпакская АССР. См. также: А. Бекмуратова. Указ соч.

рактерный признак культуры степняков-скотоводов; борьба палванов, бои петухов, собак и т. п. относятся к культурной традиции земледельческого населения. Специальная работа в этом направлении позволит более отчетливо выделить комплексы в обрядности детского цикла узбеков и разобраться в явлениях стадийного порядка.

### Традиционная обрядность детского цикла в наши дни

В семейном быту узбеков за годы Советской власти произошли огромные перемены — и не только во внутрисемейных отношениях, в положении отдельных членов семьи, но и в бытовом укладе вообще и, в частности, в гигиенических условиях жизни семьи. Следствием этого явились изменения в традиционных обрядах и обычаях детского цикла. Так как женщины рожают теперь, как правило, в родильных домах, а если и дома, то под наблюдением медицинских работников, то исчезают те приносившие большой вред ребенку обычаи, которые соблюдались в период чилля. Ребенка содержат в чистоте, часто купают, каждый раз одевая и пеленая в свежее белье, правильно кормят. Все это сказывается на здоровье новорожденных, уменьшилась детская смертность, которая в прошлом была очень велика, особенно среди детей младенческого возраста.

Эти перемены, безусловно, нарушали старинные представления о необходимости ограждать ребенка от действия «вредоносных сил» путем различных манипуляций с окуриванием, смазыванием сажей, надеванием «собачьей рубашки» и т. п. Но поскольку молодые родители заняты на производстве, а дети очень часто остаются на попечение бабушек и дедушек, то над ребенком и без согласия на то родителей иногда производятся те или иные действия согласно старой традиции.

Сохранение традиционных колыбелей — бешик (в сельских местностях), антигигиеничных и вредных для здоровья ребенка<sup>80</sup>, нашивание на детскую одежду разнообразных предметов, которым прежде приписывалась функция оберегов, говорят о том, что старое в быту сельского жителя Узбекистана еще встречается.

<sup>80</sup> Ребенок в колыбели лежал неподвижно, туго привязанный к ней. Сверху колыбель накрывалась тяжелым чехлом с ватной прокладкой. В колыбели делали отверстие для стока испражнений, которые попадали в подставленный к отверстию горшочек через деревянные отводные трубочки, вставленные ребенку между ног. Ребенок лежал в такой колыбели без доступа свежего воздуха, тепло укутанный сверху и открытый снизу. В таких условиях не могло быть нормального развития ребенка. Неподвижное состояние и недостаток свежего воздуха ограничивали дыхание и кислородный обмен,



Бешик-той, как и суннат-той, не исчезли полностью из быта. И тот и другой обряд теперь иногда называют именинами. Но, безусловно, ритуалы этих традиционных торжеств меняются.

На бешик-той дарят обычно не стародавнюю колыбель, а детскую кроватку или коляску (в городе это давно стало правилом). В этом празднике принимают теперь участие и женщины, и мужчины — родственники и знакомые родителей ребенка. Инициатива в наречении имени принадлежит сейчас родителям ребенка. Даже такие торжества, как суннат-той, в тех случаях, когда они соблюдаются, стали насыщаться элементами новых бытовых традиций. Традиционные угощения для молодежи стали проводить на современный городской манер. Как нам рассказывали в г. Шахрисабзе, там устраивают, как принято выражаться на Кашкадарье, «вечер», т. е. угощение, сервированное на столах, с разнообразными видами кушаний. Вместо приглашения народных певцов и танцоров организуют просмотр кинофильма. И за счет устроителя тоя вся махалля смотрит кинофильм<sup>81</sup>. Из церемониала, связанного с обрезанием, также выпадают отдельные звенья<sup>82</sup>.

В настоящее время не только рождение сына приносит счастье и удовлетворение семье. Девочек также любят и торжественно отмечают все даты, установленные традицией.

### *Новые ритуалы и праздники детского цикла*

#### **Торжественная регистрация новорожденных**

Как и другие сферы семейной обрядности, детский цикл пополняется новыми ритуалами и праздниками. В настоящее время как результат советской законности и общесоветских традиций, под влиянием общественности в Узбекистане утверждается новый ритуал торжественной регистрации новорожденных, распространяется новый для Средней Азии обычай отмечать дни рождения детей в семье.

Эти новые праздники не имеют прототипа в традиционных детских праздниках узбеков, но о некоторых контактах между

деформировало черепную коробку — затылок становился плоским. Длительное лежание и редкое пеленание способствовали возникновению кожных заболеваний. Таким образом, неподвижное положение ребенка в колыбели и условия ухода за ним не соответствовали физиологическим особенностям развития детского организма.

<sup>81</sup> Полевые записи, 1967 г. Шахрисабз.

<sup>82</sup> См. Г. П. Снесарева. Духовный облик узбекского крестьянина. «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 288.

старым обрядом положения в колыбель, совмещавшимся с наречением имени ребенку, и новым ритуалом торжественной регистрации новорожденных, в котором имеются попытки использовать старинный обычай укладывания ребенка в колыбель (конечно, в модернизированном виде), говорить можно.

Новый обычай ежегодно праздновать дни рождения детей (особенно дошкольного возраста) имеет опору в старинном обычае торжественно праздновать рождение первенца, отмечать первый шаг ребенка, первую стрижку волос, ногтей. Если празднование дней рождения довольно легко входит в жизнь, то ритуал торжественной регистрации новорожденных прививался медленнее.

В 60-х годах, когда в Узбекистане вопрос о культуре быта неоднократно стоял на повестке дня республиканских партийных совещаний, отчетливо выявилась необходимость в руководстве тем самостоятельным творчеством по созданию и формированию новых обрядов и ритуалов, которое наблюдалось в республике повсеместно. С этой целью сотрудниками Республиканского дома народного творчества Министерства культуры Уз. ССР на основе изучения существовавших вариантов ритуала был разработан, в частности, сценарий торжественной регистрации новорожденных и разослан в различные области и районы Узбекистана: в дома народного творчества и учреждения, проводящие этот ритуал, в загсы, дворцы культуры, дома счастья, клубы. Этот сценарий является методическим пособием для совершенствования местных вариантов данного торжественного ритуала. В пособии определялось место действия (дворец культуры, дом счастья и т. д.), предусматривалась необходимость в особых помещениях для подготовки малышей и родителей к совершению ритуала — комнаты отдыха, комнаты матери и ребенка и т. п., давались рекомендации по музыкальному и литературно-художественному оформлению ритуала<sup>83</sup>. На основе этого сценария местные органы культуры создавали свой церемониал торжественной регистрации новорожденных. С несколькими из них мы познакомились во время полевых исследований тех лет.

В г. Андижане на городской санитарно-эпидемиологической станции торжественная церемония регистрации новорожденных проходила следующим образом<sup>84</sup>. В двух семьях сотрудников этой станции — Таджибаевых и Анашкиных родились дети — мальчик и девочка. Комсомольская организация станции при

<sup>83</sup> «Новые обряды — в быт». Ташкент, 1964.

<sup>84</sup> Во время сбора материалов (1966 г.) дома счастья в Андижане еще не было. Гражданские ритуалы проводились в помещении загса, в клубах, учредениях (Полевые записи, 1966 г. Андижан).

поддержке городского комитета комсомола совместно с загсом и местным управлением культуры организовали проведение торжественной церемонии прямо в стенах горэпидемстанции.

В зале этого учреждения собрались родители, их близкие, коллеги по работе, пионеры, гости. Звучала музыка. Секретарь городского комитета комсомола поздравил молодых отцов и матерей с рождением сына и дочери. «Они начинают жить,— сказал он,— в нашей замечательной стране, в которой человек человеку — друг, товарищ и брат». Секретарь вручил родителям «Памятные свидетельства», подписанные председателем горисполкома и секретарем горкома ЛКСМ Узбекистана. На обложке этих свидетельств — портрет В. И. Ленина. На первой, красиво оформленной странице — пожелания малышу, чтобы он рос, закалялся, а став пионером, галстук хранил, как хранит часовой флаг государства. На второй странице — обращение к родителям: «Вручая Вам это «Памятное свидетельство», мы надеемся, что Вы сделаете все для того, чтобы вырастить человека, идейно убежденного, патриота, строителя коммунизма в нашей великой стране». Затем со словами добрых пожеланий заведующая городским загсом вручила свидетельства о рождении. Сотрудники по работе преподнесли родителям малышей подарки. Раздались звуки песни «Пусть всегда будет солнце». Все подхватили ее. Родители выразили желание в этот день в честь рождения малышей посадить по дереву. Под звуки фанфар родители посадили яблоню и вишню, а в небо в это время выпустили стайку голубей<sup>85</sup>.

Церемония регистрации новорожденных во Дворце культуры «Химик» под Самаркандом<sup>86</sup> имела свои отличия. Готовя очередное торжество в честь новорожденных, этот дворец культуры устанавливал связь с родильным домом и загсом<sup>87</sup>. Оформление соответствующих документов на новорожденных происходило не во дворце культуры, там устраивали только торжественное вручение свидетельств о рождении. Для этого дня особо украшался зал, приносили много цветов. На торжественную церемонию актив дворца культуры приглашал представителей городских и заводских организаций, пионеров, участников кружков художественной самодеятельности, писателей, матерей-героинь, членов общества «Знание», учителей, врачей; здесь же организовывалась продажа вещей детского туалета и художественной и науч-

но-популярной литературы по уходу за детьми и их воспитанию. Выделялась комната для отдыха, комната для консультации врача.

В день торжества перед дворцом культуры играл оркестр. На торжественную церемонию родители приходили с детьми. Вручение свидетельств о рождении совершалось под музыку в исполнении оркестра народных инструментов дворца культуры. Родителей поздравляли представители общественности, матери-героини, им вручались подарки. Затем выступали участники кружка художественной самодеятельности, в частности детской. Читали стихи узбекских и русских поэтов.

Регистрация новорожденных в торжественной обстановке проводилась для всех детей, независимо от того, какой по счету это ребенок в семье — первый или десятый. Подобные церемонии дворец культуры устраивал для детей работников завода, а также других предприятий и учреждений Самарканда, для жителей поселка, где расположен дворец культуры — представителей различных национальностей. С места торжественной церемонии часто велись репортажи по телевидению. Работники дворца культуры «Химик» хорошо популяризировали новые обряды, с этой целью посещали отдельные дома в поселке, разъясняя цели и задачи этой работы<sup>88</sup>.

В совхозе «Нарпай» Самаркандской области, где есть Дом счастья, созданный по решению комиссии по проведению гражданских ритуалов при сельсовете, сложился свой ритуал проведения церемонии торжественной регистрации новорожденных. В местной печати о первой такой церемонии сообщалось так «Первой в Доме счастья регистрировали новорожденную дочку супругов Санам и Махмуда Ачиловых. Девочку назвали Тулган.

— Регистрируется новорожденная — гражданка нашей страны Ачилова Тулган, — громко и торжественно произносил председатель комиссии по гражданским обрядам. За столом сидят депутаты Совета, женщины с орденами «Материнская слава», дети в красных галстуках... — Горячо поздравляем Вас, дорогие родители, с большим событием в жизни — рождением дочери. Желаем семье большого согласия, доброго здоровья и долгих лет жизни, — говорит пенсионер Абдурахим Юнусов. Пионеры преподносят им цветы, звенят бокалы с шампанским и вновь напутствия, сердечные пожелания»<sup>89</sup>.

В этом совхозе утвердилась новая форма проведения тор-

<sup>85</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

<sup>86</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд.

<sup>87</sup> Дворец культуры «Химик» расположен в поселке суперфосфатного завода. Национальный состав поселка разнообразен. Здесь живут узбеки, русские, корейцы, татары.

<sup>88</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд. См. также: А. Азовский. Новые традиции — в быт. «Партийная жизнь» (Уз. ССР), 1966, № 8.

<sup>89</sup> Р. Ибрагимов. Новые ритуалы и традиции — в быт. «Партийная жизнь» (Уз. ССР), 1965, № 4, стр. 47.

жеств, посвященных рождению сына или дочери, появились новые обычаи. В этот день высаживают деревья. Если в махалля Намангана деревья в таких случаях сажают около своего дома<sup>90</sup> (жители Намангана следуют призыву: «Превратим наш город в город-сад»), то в совхозе «Нарпай» заложили новый зеленый массив. На одном из участков центрального отделения этого совхоза уже выросла молодая рощица. Впервые сюда пришли родители новорожденных в праздничный день 7 ноября 1964 г. Каждая супружеская пара в честь новорожденного высадила дерево. Жители совхозного поселка решили чествовать своих новорожденных таким образом каждую весну и осень.

В Бухарской области — зачинательнице традиции проводить семейные ритуалы в специально предназначенных для этой цели «домах счастья», торжественная регистрация новорожденных проходила следующим образом. В день регистрации над домом счастья (они имеются там в каждом районе) укрепляли шест с голубыми и розовыми лентами, число которых соответствовало числу регистрируемых: голубые ленты — число мальчиков, розовые — девочек. Вместе со свидетельством о рождении родителям вручалось «Письмо-заповедь» с текстом, отпечатанным типографским способом, — девочкам — в розовом переплете, мальчикам — в голубом. После торжественной церемонии на одной из бутылок вина присутствующие оставляли свои автографы. И эта бутылка должна была храниться до совершеннолетия или свадьбы сегодняшних младенцев. Все, кто приходил в дом счастья, — родители новорожденных или вступающие в брак — по окончании церемонии сажали около дома счастья «дерево счастья». Почти у каждого дома счастья имеются специальные участки для «парка счастья»<sup>91</sup>.

В городском доме счастья г. Карши (Кашкадарьинская область) церемония торжественной регистрации новорожденных также имела некоторое своеобразие. На церемонии, проходившей 24 апреля 1967 г., регистрировали рождение девяти младенцев. На торжество пришли родители с детьми. Присутствовали представители учреждений, где работают родители новорожденных, представители общественности города и его культурно-просветительных организаций, в частности городского отдела культуры. Родителям кроме свидетельств о рождении вручали письма со словами напутствий. Их поздравили и пригласили встретиться вновь, когда детям исполнится 7 лет — перед поступлением в школу. Представители рабочих коллективов приготовили для родителей подарки, которые и были здесь вручены<sup>92</sup>.

Приведенные описания церемоний торжественной регистрации новорожденных (а их можно значительно увеличить) достаточно ясно свидетельствуют о том, что данный ритуал в 60-х годах еще только складывался, находился в стадии становления и требовал значительной шлифовки. Иногда церемониалы страдали мещанской слащавостью или были лишены национального колорита. На наш взгляд, одной из причин несколько трудного вхождения в жизнь этого обряда являлось несовершенство форм его ритуала.

Каждый обряд или праздник, каждое действие в его прохождении должны вытекать из жизненной потребности, иметь определенный смысл. Этот смысл, содержание обряда, видимо, всегда будут передаваться условным действием, будут иметь символическое выражение. Сложность в том, чтобы подобрать соответствующие ситуации символы, не увлекаясь их количеством в рамках одного ритуала. Такие ритуалы будут и интересны, и эмоциональны, и более эффективны как средство коммунистического воспитания, что является одной из главных задач построения новых обрядов.

Безусловно, играла роль и постановка работы по популяризации новых обрядов среди населения. Там, где эта работа была налажена, результаты были налицо. Так, в Бухарской области в 20 районных домах счастья с момента их открытия с 1964 г. по июль 1966 г. было выдано 5736 свидетельств о рождении<sup>93</sup>, во дворце культуры «Химик» Самаркандской области с января 1964 г. по сентябрь 1965 г. было зарегистрировано в торжественной обстановке 200 новорожденных<sup>94</sup>.

Однако не только активная популяризация новых обрядов среди населения определяла их вживание. Обряд, безусловно, должен удовлетворять культурные и эстетические запросы и быть удобным для населения. Если предлагаемый ритуал не совсем отвечает этим требованиям, народ сам начинает вносить коррективы. Так происходило и с ритуалом торжественной регистрации новорожденных.

В настоящее время как в городе, так и в сельской местности быстро распространяется упрощенная форма этого церемониала, когда свидетельство о рождении получает пришедший в загс или дом счастья один из родителей (обычно это бывает отец). Его поздравляют и вручают изготовленные для этой цели поздравительные открытки (форма, распространенная повсеместно). В сложившейся ситуации важно, чтобы не превратить ритуал в банальную выдачу документов на ребенка.

<sup>90</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

<sup>91</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухара.

<sup>92</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>93</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухара.

<sup>94</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд.

Выше речь шла о новом ритуале торжественной регистрации новорожденных и задачах, стоящих перед работниками культуры и широкой общественностью в плане его совершенствования. Однако, чтобы этот ритуал занял в жизни узбекского населения такое же прочное место, как, например, ритуал торжественной регистрации брака, надо было преодолеть еще одно препятствие, которое относится уже к сфере деятельности работников атеистического фронта и медицины.

По старым представлениям, в первые 40 дней ребенку якобы особенно угрожают всякая нечисть, злые духи, в этот период он особенно подвержен «сглазу». Поэтому ребенка не следует никуда выносить и никому показывать.

Эти представления и запрет показывать ребенка посторонним в период сорокаднейя, несомненно, имели связь с фактом большой смертности детей в прошлом, особенно в первые месяцы жизни. Действительно, в это время организм ребенка еще очень слаб и восприимчив ко всякого рода инфекции, которую легко внести при общении с ним. Видимо, очень давно было подмечено, что общение с ребенком большого числа лиц вредно сказывается на его здоровье. Отсюда, вероятно, появился запрет показывать ребенка посетителям.

Таким образом, боязнь за жизнь ребенка породила серию магических действий, бывших в религиозно-бытовом арсенале человека еще с первобытной эпохи, выполнение которых якобы могло уберечь ребенка от опасности.

Однако, поскольку в этих запретах и действиях иногда сохранилось некое рациональное зерно, население не всегда охотно откликалось на их отмену. Сроки же, в которые по закону должна была проводиться регистрация новорожденных, составляли месяц, т. е. как раз то время, когда, по старым представлениям, с ребенком никуда нельзя выходить. Поэтому широкая пропаганда санитарно-гигиенических правил обращения с новорожденным не утратила своей актуальности. Большую работу по распространению санитарно-гигиенических норм поведения человека, медицинских знаний проводили и проводят сейчас женские консультации, широкая сеть университетов здоровья, радиовещание, общественность в лице женсоветов и махаллинских комитетов. Это помогает разрушить остатки старых суеверий и предрассудков, мешающих вхождению в жизнь нового ритуала.

Процесс сложения и вживания в быт нового ритуала регистрации новорожденного еще не закончен. По нашим представлениям, сроки его проведения и сам ритуал, например, не совсем согласованы с требованиями медицины.

## День рождения

Обычай отмечать дни рождения широко распространяется в городе, а на селе в основном зафиксирован в семьях интеллигенции. Легкое вхождение этого праздника в быт объясняется, видимо, тем, что ему не препятствуют никакие старые традиции, поскольку прежде у узбеков не было такого обычая. Кроме того, он проводится в соответствии со вкусами и традициями семьи.

Вот каким, например, был день рождения в семье председателя райисполкома в г. Турткуле<sup>95</sup>. Виновницей торжества была девочка, ей исполнился год. Она была наряжена в новый костюмчик, который подарили родители. Друзья родителей приходили супружескими парами с детьми. Взрослые располагались в михманхане, меблированной в полувосточном—полуевропейском стиле<sup>96</sup>, дети находились в другой комнате. Стол был накрыт белоснежной скатертью, уставлен холодными закусками. Горячие блюда подавались позже. Традиционного чая, предвещающего трапезу, не было.

Принимали гостей хозяин с хозяйкой. Хозяин оставался с гостями в михманхане. Хозяйка была занята гостями-детьми, расположившимися в соседней комнате. Супружеские пары сначала проходили в михманхану, поздравляли родителей, желали здоровья девочке и матери, потом попеременно заходили в комнату к детям помочь хозяйке веселить и угощать малышей.

Кроме семейных дней рождения в Узбекистане распространилось коллективное празднование дней рождения, проводимое обычно в детских садах, школах, детских домах, интернатах. Очень часто школа поддерживает связь с местными домами культуры, в которых отмечают дни рождения школьников. Во Дворце культуры «Химик» под Самаркандом традиция проведения коллективных дней рождения появилась еще в 60-х годах. Там отмечают их ежемесячно. Для этого школа дает сведения об учениках, родившихся в данном месяце. Одновременно сообщается об отличниках учебы. Намечается день торжества. К этому дню помещению дворца культуры соответственно оформляется. Подготавливаются для всех небольшие подарки (книжки, цветные карандаши и т. п.), рассылаются пригласительные

<sup>95</sup> Полевые записи, 1968 г. Турткуль КК АССР.

<sup>96</sup> Сейчас в домах интеллигенции стало модой устраивать две михманханы: одну — в традиционном стиле, другую — в городском. В этой комнате обычно стоит шифоньер, здесь же — телевизор и другие предметы современного быта. (Полевые записи, 1966 г. Андижанская область; 1968 г. Хорезмская область и г. Турткуль).

билеты. Учеников на праздник приглашают вместе с родителями. Собираются дети разных национальностей. Для них в фойе организуют игры, массовые танцы, играет оркестр, демонстрируют кинофильмы. На праздник приглашают старых большевиков, передовиков производства, комсомольцев и т. д.

Начинается торжественная часть. После прочтения напутствия, что делают комсомольцы, именинникам вручают подарки. Отличники получают еще и грамоты, в которых отмечены их школьные успехи. С рассказом о лучших учениках выступают преподаватели, берут слово и сами ученики. После торжественной части бывает концерт профессиональных актеров либо выступают участники школьного театра—деды. На таких праздниках устраивают также конкурсы на лучший рисунок, лучшее исполнение танца и т. д.<sup>97</sup>

Общественность уделяла и уделяет большое внимание этим праздникам. Они способствуют распространению новой для Узбекистана традиции отмечать дни рождения в семьях. Теперь дети разного возраста празднуют дни рождения и дома, приглашая по этому случаю сверстников. Гости приносят небольшие подарки, следует угощение. Дети веселятся. На дни рождения собираются и взрослые.

В будущем цикл обрядов и праздников, относящихся к детству, нам представляется в следующем виде.

Торжества по случаю рождения ребенка, наречения ему имени и т. п., безусловно, не будут ограничиваться торжественным ритуалом регистрации новорожденного в доме счастья, во дворце культуры, в загсе и т. д. Эти события также будут отмечаться и в домашних условиях. Значит, надо подумать о том, чтобы и эти торжества существенно обновились по сравнению с традиционными. Из жизненной практики видно, что обычаи и обряды, связанные с периодом сорокаднейя, изживут себя окончательно. Современные условия жизни матери и ребенка, санитарно-медицинское обслуживание и просвещение, пропаганда атеистических знаний, популяризация новых детских праздников приведут к изживанию всех пережитков этих верований и связанных с ними обычаев.

Из всех традиционных обычаев, вероятно, сохранится ритуальное укладывание младенца в колыбель (современную кроватку или коляску)—модернизированный ритуал, соответствующий прежнему обряду положения в бешик. Происходить это будет, видимо, так же, как это бывает и теперь<sup>98</sup>, но распро-

странится повсеместно, среди всех слоев населения. В родильном доме небольшая группа родственников, знакомых, товарищей по работе встретит, поздравит и проводит мать с ребенком. По приходе домой ребенка положат в подготовленную заранее кроватку или коляску, подаренную родителями матери ребенка или другими родственниками и знакомыми. Пришедшие поздравят мать и отца, бабушек и дедушек с новорожденным, принесут небольшие подарки для ребенка. Тут же предварительно обсуждается имя ребенка, которое затем будет закреплено при торжественной регистрации в загсе. Встреча может закончиться угощением.

Другое празднество детского цикла будет посвящено торжественной регистрации новорожденного в загсе или в других учреждениях. Домой в этот день, видимо, будут приходить посетители—родственники и знакомые, которые сопровождают родителей и новорожденного на торжественный церемониал.

Таким образом, главное, вероятно, заключается в том, чтобы сделать этот ритуал красивым, непродолжительным и легким для его основных действующих лиц—матери и ребенка.

Традиции отмечать дни рождения детей и другие знаменательные даты в жизни школьника—вступление в пионеры, в комсомол, окончание школы и т. п., украшают жизнь ребенка и подростка, приобщают их к новым формам культуры, воспитывающим моральные качества советского человека; они безусловно будут укрепляться, проникая в каждую семью, церемониалы этих торжеств будут совершенствоваться.

Из детского цикла обрядов, очевидно, окончательно будет изжит обряд обрезания и пиршество по этому поводу. Этот древний обычай, освещенный мусульманской религией, принадлежит прошлому и несовместим с нашей действительностью. Попытки переосмыслить его в качестве национального обычая или увязать с днем рождения или именинами (часто под русским названием) являются откровенной защитой пережитков прошлого<sup>99</sup>.

### Новый бытовой праздник — новоселье

В жизни семьи бывает много разных событий, которые отмечаются торжествами. Одно из них—переселение в новый дом или квартиру. Раньше строительство нового дома и вселение в него сопровождалось соблюдением определенных обрядов и уго-

<sup>99</sup> Там же, стр. 206.

<sup>97</sup> Молевые записи, 1965 г. Самарканд.

<sup>98</sup> И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, стр. 204.

щением тех лиц, которые участвовали в строительстве дома. Теперь надобность в обычаях, сопровождавших строительство дома, в городах по большей части отпадает.

В сельской местности из обрядов и обычаев, связанных со строительством дома, стойко держится обычай *хашара* — коллективной помощи. В хашаре кроме родственников участвуют обычно и соседи. Хозяин строящегося дома обязательно устраивает угощение для участников хашара. Традиция хашара живет и в городе, но здесь заметно изменилась ее суть. Именно эта традиция руководит жителями одного квартала, улицы, когда они выходят на строительство общественного здания — клуба, дворца культуры и т. д., на закладку парка или сквера. Она стала служить не группе людей, а обществу.

На базе старых обычаев в Узбекистане, как и в других среднеазиатских республиках, складывается новая традиция, характерная особенно для города, — устраивать новоселье. Круг приглашенных на такое торжество бывает достаточно широк. В их число всегда входят соседи по месту жительства, среди которых бывают лица разных национальностей<sup>100</sup>. Вот, как, например, проходило новоселье в г. Андижане. Хозяйка тоя, живущая с матерью и тремя детьми, въехала в отдельный домик в квартале индивидуальной застройки г. Андижана. Гости ее были женщины — жительницы данной махалли, родственницы, товарищи по работе в школе и по общественной работе в женсовете, знакомые. Среди гостей — узбечки, татарки и русские. Все приглашенные пришли с подарками, старушки — по традиции с достарханами. Общество разделилось примерно на две равные половины. Одна часть — представители старшего поколения — пришла в национальных костюмах, расположилась в комнате, убранной в национальном стиле, за достарханами согласно обычаю. Здесь гостей занимала мать хозяйки. Другая часть гостей — женщины среднего возраста — собралась в другой комнате, обставленной в современном городском стиле. Гости в ярких шелковых платьях современного общесреднеазиатского покроя, — на кокетках и с короткими рукавами, в модных туфлях, с современными прическами, сели за богато сервированный стол. На столе, покрытом белой скатертью, вазы с фруктами, различные национальные печенья. Сначала на стол подали чючвару (среднеазиатские пельмени) — традиционное блюдо на тоях по такому поводу, затем следовали другие кушанья и, наконец, плов, к которому подавали вина и салат из помидоров. Затем женщины по очереди выходили танцевать.

<sup>100</sup> Полевые записи, 1959 г. Нукус КК АССР.

После праздничного обеда все были приглашены на чай, на столах появились различные торты, изготовленные местными кондитерами, печенье, конфеты, сладости.

После чая продолжалась веселая беседа, рассказы о забавных случаях. Пребывание в гостях затянулось. Одна из гостей сказала: «Разве можно было раньше жене отлучиться из дома, когда муж уже вернулся с работы? А теперь вот, видите, сколько здесь женщин пирует. У большинства из них мужья уже дома».

По окончании тоя все гости по обычаю получили ответный подарок от хозяйки, которая вышла провожать всех на дорогу и в благодарность за посещение сделала всем глубокий поклон<sup>101</sup>.

\* \* \*

Таким образом, в Узбекистане в настоящее время в обрядности, связанной с событиями семейной жизни, наблюдаются обряды и ритуалы, имеющие аналогии в традиционном быту и совершенно новые. Новые (дни рождения, окончание школы и т. д.), возникшие очень часто как результат взаимодействия и взаимовлияния культур советских народов и имеющие тенденцию к превращению в общесоветские интернациональные праздники семейного круга, переживают период поисков устойчивых форм и вживания в быт широких масс населения.

Обряды и семейные праздники, поводы к совершению которых являются очень давними (к ним относятся торжества, связанные с основными моментами жизни человека — вступлением в брак, рождением, смертью), бытуют в двух вариантах: традиционном и новом. Традиционные варианты обрядов переживают существенные изменения. Новые церемониалы наблюдаются двух видов: одни в значительной степени сохраняют традиционные черты в оформлении обряда, в других преобладают новые формы.

Общей для всех народов СССР закономерностью процесса формирования новой семейной обрядности, в том числе и для узбеков, является то, что складывается она на базе, с одной стороны, творчески переработанных традиционных элементов культуры, имеющих национальную окраску, с другой — на базе новых общесоветских черт культуры и быта, отражающих интернациональные тенденции развития.

Интернациональные черты в обрядности складываются из ритуалов, рожденных социалистической эпохой (ритуал торжественной регистрации брака, новорожденных и др.), и инте-

<sup>101</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

грированных элементов обрядности других народов СССР, слагающихся в процессе взаимовлияния, взаимообогащения национальных культур и сближения наций (дни рождения и т. п.). Все это вместе взятое формирует новую обрядность данного народа, которая вливается составной частью в его национальную культуру сегодняшних дней.

Нам представляется, что процесс преобразования старой традиционной и формирования на ее основе новой семейной обрядности у узбеков, как и у других народов СССР<sup>102</sup>, проходил следующим образом: первоначально наблюдается количественное накопление изменений, протекающих часто синхронно и параллельно друг другу. Это находит выражение в изменении содержания отдельных звеньев старого церемониала при сохранении его прежней формы; в утрате некоторых звеньев старого церемониала; во включении в старый церемониал новых звеньев, по смыслу часто дублирующих прежние ритуалы, но имеющих иную идеологическую основу. Это приводит к одновременному существованию в рамках одной церемонии различных по своему идейному содержанию и оформлению ритуалов. Этот этап в процессе преобразования старой и формирования новой обрядности является общераспространенным, и характеризовать его можно следующим образом: прежде чем новое окончательно победит, бывает период параллельного и синхронного существования элементов старых и новых ритуалов. «Когда новое только что родилось,—писал В. И. Ленин,—старое всегда остается, в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни»<sup>103</sup>.

Затем происходит качественный скачок, когда полностью меняется содержание традиционных обрядов: утрачивается связь с религией, забываются или переосмысливаются действия, имевшие прежде религиозно-магическое значение, изживаются или переосмысливаются обычаи и обряды, связанные с пережитками социальных институтов древности. С уходом из жизни тех или иных реально существовавших отношений или представлений человек начинает иначе воспринимать отражавшие их обычаи и обряды. Так, забыто магическо-охранное значение факельного шествия, музыкально-танцевального сопровождения свадебного поезда в самаркандской и ферганской свадьбе или джигитовка друзей жениха у свадебного поезда в свадьбе хорезмских узбеков. Эти обычаи стали игровым моментом свадьбы. Превратилась в веселую свадебную игру и «борь-

<sup>102</sup> Ср. Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР. (Опыт этнографического обобщения). «Советская этнография», 1973, № 4.  
<sup>103</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 131.

ба»—перетягивание сторон жениха и невесты, распространенная в ряде районов Узбекистана и пережиточно отражающая былую борьбу матрилокальных и патрилокальных тенденций брака.

От ряда обычаев человек сознательно отказывается как от устаревших, не соответствующих новому миропониманию и общественно-семейным отношениям или просто непонятным в современных условиях (например, обычай *кампыр-ульды* — «старуха умерла»: на пороге дома ложилась, притворяясь мертвой, старая женщина, преграждая путь жениху к невесте и пропускающая его только за выкуп и т. д.).

На первых этапах жизни нового обряда связь его с традиционными формами еще значительна, как это прекрасно иллюстрирует узбекский кызыл-той.

Следующей ступенью в процессе формирования новой обрядности является рождение обряда, нового и по содержанию, и по форме. В Узбекистане это новые молодежные свадьбы, справляемые во дворцах культуры, домах счастья и т. д.

Общей тенденцией процесса формирования нового обряда на базе традиционного является значительное сокращение и упрощение его в целом.

Качественный скачок в процессе складывания новой семейной обрядности отражает формирование новой личности, сбросившей пути отживших традиций. Советский человек—это творческая личность, включающаяся во все области социалистического переустройства. В сфере семейного быта это выражается в том, что он по своей воле и желанию выбирает друга жизни, выполняет ту форму обряда, которая ему больше импонирует, имеет возможность вообще отказаться от соблюдения какого бы то ни было обряда, сам приглашает круг лиц, с которыми хочет разделить свой праздник, и самое главное—сознательно участвует в формировании новой обрядности.

Процесс формирования новой обрядности на базе традиционной связан с постепенным отбором из старых народных обычаев и обрядов тех элементов, которые вливаются в новый обряд. Иными словами, с отбором прогрессивных элементов народной культуры, входящих составной частью и в национальные культуры народов Советского Союза и в культуру советского народа в целом. В этом отборе активно проявляется творческая инициатива масс, стимулируемая целенаправленной деятельностью партийно-советских органов и общественности по повышению культуры быта и идейно-политического уровня населения.

В складывании новых ритуалов и праздников, вытекающих из норм нашего социалистического общежития, большое значение имеет целенаправленная деятельность общественности и научных кадров, вовлекающих в этот процесс наиболее актив-

ную часть населения, в первую очередь молодежь. Городская и сельская молодежь в каждом населенном пункте, квартале города, в своих производственных коллективах создает варианты новых обрядов в соответствии с нормами современной жизни и национальными вкусами населения.

Эти общие для всех народов СССР черты процесса формирования новой семейной обрядности не исключают индивидуальных характеристик в складывании новых обрядов не только у отдельных народов, но и у различных групп одного и того же народа. Предыдущий материал показывает, что в различных областях, городах, населенных пунктах имеются свои нюансы в формировании нового обряда, поскольку этот процесс базируется на местных традициях. Но эти нюансы носят частный характер.

Индивидуальна и продолжительность формирования новой обрядности как у различных народов, так и у отдельных его групп, что определяется уровнем их социального развития и степенью религиозности в прошлом, а также современной обстановкой, в которой протекает процесс (город это или сельская местность, отличия социально-профессиональной структуры населения, национальный состав — однонациональный или смешанный и т. д.).

Общий обзор современных форм обрядности, связанной с жизнью семьи, позволяет выявить звенья, наиболее подвергшиеся изменениям в отношении отхода от религии и пережитков старого быта. Более всего это коснулось свадебной обрядности. Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, сохраняются более устойчиво. Новые обряды, относящиеся к младенческому периоду жизни ребенка, медленнее входят в жизнь, чем, например, новый свадебный обряд. Причем это характерно не только для узбекского и таджикского населения Узбекистана. У наблюдавшихся нами корейцев, придерживавшихся в прошлом неисламской религиозной системы, наблюдается такая же картина. Если их современный свадебный обряд, сохранив некоторые черты старой свадьбы, впитал много нового, то традиционный праздник, посвященный годовщине ребенка, в обрядовой части сохраняет все его детали до сего времени<sup>104</sup>.

<sup>104</sup> В 1967 г. в колхозе «Политотдел» Ташкентской области мы присутствовали на семейном празднике — годовщине ребенка. По традиционным представлениям корейцев, в жизни человека три главных праздника: первая годовщина ребенка, свадьба и 60-летний юбилей.

Обрядовая часть торжества происходила на *кудури* — поднятой над уровнем пола, обогреваемой снизу части комнаты каждого корейского дома. Здесь сидели несколько пожилых женщин. Мать, держа ребенка на руках, стояла и кланялась приходящим. На *кудури* стоял маленький сто-

Похоронно-поминальный цикл также относится к обрядам, менее подвергшимся изменениям. Это явление, наблюдаемое и у других народов<sup>105</sup>. Из этого следует, что циклы семейной обрядности, в которых меньше участвует молодежь, сохраняют больше старых черт.

Таким образом, процесс преобразования старых и формирования новых обрядов охватил весь цикл традиционной семейной обрядности, однако развивается с неодинаковой интенсивностью в различных его звеньях: быстрее формируется свадебная обрядность, труднее преобразуются похоронно-поминальные обряды.

Особенностью процесса формирования новой обрядности в СССР является то, что он находится под контролем партии и Советского государства, направляющих и стимулирующих творческую активность масс.

Молодежь городов и сел, общественность учреждений, предприятий, колхозов и совхозов каждого района, области, республики участвуют в этом творчестве. Коллективы домов народного творчества, дворцов культуры, домов счастья, клубов в ходе популяризации новых ритуалов и праздников совершенствуют их формы, ищут новые краски<sup>106</sup>.

лик, на нем было 3 чашки с рисовой кашей, 1 чашка с фасолью и 1 чашка с рисом. Их ставят на тот край стола, который удален от ребенка (считается нехорошей приметой, если ребенок схватится за эти чашки). На переднем плане столика лежали катушка ниток с иголкой, ножницы, карандаш, книга и игрушки, принесенные посетителями. Бабушка ребенка положила на стол 10 рублей. За ней стали подходить другие женщины и класть на столик деньги, затем подошли несколько мужчин. Мать и ребенок улыбались, что считалось хорошим признаком. Затем стали следить за тем, что сначала схватит ребенок, поднесенный к столику матерью. По предмету, схваченному им первым, решают, кем станет ребенок в будущем. После этой церемонии последовало угощение: женщинам — на *кудури*, мужчинам были установлены столы во дворе. Во второй комнате дома, убранный в «европейском» стиле, был накрыт стол для гостей.

<sup>105</sup> См. Н. П. Лобачева. Указ. соч., стр. 20.

<sup>106</sup> Некоторые наши наблюдения, касающиеся опыта работы этих учреждений, см.: Н. П. Лобачева. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана. «Советская этнография», 1967, № 2; она же. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана). «Советская этнография», 1972, № 1.



## Становление и тенденции развития новых праздников и обрядов

### Роль общественных организаций и культурно-просветительных учреждений в формировании новых обрядов и традиций

Большие сдвиги в процессе формирования новой обрядности в Узбекистане наблюдаются в послевоенный период, особенно с конца 50-х годов. Страна залечила раны войны, жизнь стабилизировалась, материальные условия жизни народа улучшились. Советский народ стал жить полноценной жизнью во всех ее проявлениях.

В этот период этнографами фиксировалось значительное оживление обрядовой жизни у всех народов Советского Союза. Этот «обрядовый взрыв» особенно ярко показал несоответствие форм и проявлений традиционной обрядности новым условиям жизни, новым общественно-производственным и семейно-бытовым отношениям, сложившимся в ходе социалистического переустройства быта в нашей стране. Этим и объясняется особое внимание партии и правительства в эти и последующие годы к вопросам культуры быта, в частности к вопросам новой обрядности.

В Узбекистане, как и в других республиках, развернулась работа по совершенствованию культуры быта, составной частью которой была пропаганда и внедрение новых традиций, праздников и ритуалов, проводившаяся местными партийными и советскими органами.

К активному участию в решении этих вопросов были привлечены научные и творческие кадры, культурно-просветительные учреждения, широкая общественность, комсомол. Для внедрения новых форм быта и бытовых традиций в работе над формированием передового общественного мнения партийные организации республики в последние годы стали умело использовать традиционный институт старейшин. Ныне почти повсеместно в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, по месту жительства трудящихся созданы советы старейшин (аксакалов), выполняющие регулятивную функцию в проведении семейно-бытовых

обрядов и соблюдении норм социалистического общежития членами жилого квартала.

Большое значение в повышении культуры быта имела и имеет работа по месту жительства. Организующим началом в ней являлись местные культурно-просветительные, учебные и медицинские учреждения. При них, а в сельской местности дополнительно еще при школах и больницах были открыты народные университеты разного профиля, рассчитанные обычно на двухгодичный срок обучения. Народные университеты имели различные факультеты, выбор которых определялся потребностями слушателей и, конечно, наличием местных преподавательских кадров. Так, университет культуры при Шахрисабзском районном дворце культуры (Кашкадарьинская область) имел факультет культурно-массовой работы. В нем занимались заведующие районными читальнями, сельскими и колхозными клубами, работники районного отдела культуры. Университет культуры, открытый в Kitabской зоне Шахрисабзского района, имел даже литературный факультет для любителей художественной литературы<sup>1</sup>. В Хазараспе районный университет культуры имел библиотечный факультет. Работники колхозных библиотек совершенствовались здесь свои знания и обменивались опытом работы<sup>2</sup>. В других университетах культуры имелись атеистические факультеты, факультеты повышения сельскохозяйственных знаний<sup>3</sup> и т. д.

На селе особенно распространились в это время университеты культуры быта и университеты здоровья. Так, в Шахрисабзском районе Кашкадарьинской области университеты культуры быта были созданы в нескольких колхозах. В колхозе им. Энгельса для университета культуры быта выстроили многокомнатный дом. В одной из комнат демонстрировали новые предметы быта и как следует ими пользоваться, в другой комнате — «детской» заведующая детскими яслями рассказывала о том, как надо ухаживать за детьми, как правильно их кормить, одевать, купать и т. д. В следующей комнате — спальне, обставленной по городскому образцу, посетители знакомились с новыми образцами мебели. Здесь же комната, убранная в национальном стиле, а также образцы столовой и кухни. В таком «наглядном университете» можно было познакомиться и со стоимостью каждой из демонстрируемых вещей.

В подобном университете кроме лекционного курса о куль-

<sup>1</sup> Полевые записи автора, 1967 г. Шахрисабз и Шахрисабзский район Кашкадарьинской области. Архив Института этнографии АН СССР.

<sup>2</sup> Полевые записи, 1968 г. Хазарасп.

<sup>3</sup> Полевые записи, 1966 г., различные области Узбекистана.

туре быта велись также занятия кройки и шитья. Один из наших информаторов говорил: «Задача этих университетов — показать, как можно вести современное домашнее хозяйство». В этом колхозе по образцу показательного было заложено 300 домов, которые потом были переданы колхозникам. Они строились на колхозные средства по типовому проекту Узсельстроя межколхозными бригадами<sup>4</sup>. Колхозники, пожелавшие иметь подобный домик, выплачивали его стоимость в рассрочку — в течение 10—15 лет. Желавшие могли купить дом прямо с обстановкой.

Создавались университеты культуры быта с медицинским уклоном, их называли университетами гигиены и быта. С таким типом народных университетов мы познакомились в колхозе им. Энгельса Гиждуванского района Бухарской области. Решением правления колхоза университету было отдано два финских домика, приобретен необходимый инвентарь: спальный и столовый гарнитуры, сервизы — чайный и столовый, телевизор, приемник, швейные машины и т. д. В этих домиках устроили показательные столовую и кухню, детскую комнату, швейную мастерскую. Одна комната предназначалась для детей тех родителей, которые будут посещать занятия в университете (с детьми в эти часы занимались комсомольцы-общественники). Для занятий по кройке и шитью и кулинарии приглашались мастера из комбината быта, по медицине и санитарии — медицинские работники. Лекционные занятия, посвященные профилактике различных заболеваний, вопросам личной гигиены и гигиены жилища, сопровождалась демонстрацией наглядных пособий и показом кинофильмов. Проводились практические занятия. Так, в «дни кулинарии» устраивались конкурсы на лучшее приготовление блюда национальной кухни. При этом учитывались не только вкусовые качества пищи, но и быстрота приготовления. Такие занятия превращались в настоящие праздники.

Заключительные занятия в университете были проведены в форме медицинской викторины. Лучшие ответы отметили подарками. Врачи-специалисты осветили все темы, на которые были заданы вопросы. Наиболее активным слушателям были торжественно вручены удостоверения об окончании двухгодичного университета гигиены и быта<sup>5</sup>.

Полезную работу по воспитанию детей проводят радиоуниверситеты для родителей.

Городские и районные отделы культуры искали новые мето-

ды работы с населением, налаживали тесные контакты с махаллинскими комитетами и женсоветами. Так возникли так называемые выходы на предприятия и учреждения и непосредственно в махалля (кварталы) и селения, а также устные журналы. Большой опыт работы в этом плане имеет Каршинский отдел культуры (Кашкадарьинская область). Его сотрудники стали искать новых возможностей для контактов в первую очередь с населением, не занятым на производстве. В этих поисках участвовали все культурно-просветительные учреждения города.

Из опыта работы Каршинского отдела культуры следует отметить такие мероприятия, как выходы на отдельные предприятия под девизом «Трудом прекрасен человек». Эти мероприятия шире рамок обычного тематического вечера. Они становились встречей по обмену опытом работы различных предприятий города. Очень полезными оказались и выходы сотрудников этого отдела в махалля, обычно приуроченные к какому-нибудь событию государственного значения (например, выборам в Верховный Совет СССР, событиям международного значения и т. п.). В таких случаях организаторы мероприятия не ограничивались подготовкой доклада на тему о событии, ставшем поводом для устройства вечера. Одновременно проводились беседы с родителями и детьми. Семьям, в которых хорошо воспитывались дети, махаллинские комитеты и женсоветы в день вечера в торжественной обстановке вручали вымпелы «За хорошее воспитание детей в семье». Вручение таких вымпелов стало уже традицией в работе культурных учреждений и общественности.

У Каршинского отдела культуры есть опыт и в проведении устных журналов. Устный журнал — это одна из форм тематического вечера на производстве или в махалле. Так, журнал «Медицинские знания — в массы», знакомил население с гигиеной школьника, профилактикой некоторых болезней и т. д. В заключение вечера подводились итоги соревнования между жителями махалли за лучшее содержание дома, двора, улицы. Такие соревнования под руководством Каршинского горисполкома и городского медико-санитарного отдела проводились во всех махалля г. Карши. Семьи, дома которых признали образцовыми, были отмечены голубыми атласными вымпелами с надписью «За образцовое санитарное состояние дома».

В махалля каршинцы устраивали и обычные тематические вечера, посвященные знаменательным датам, например 525-летию со дня рождения Навои<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Полевые записи, 1967 г. Шахрисабзский район Кашкадарьинской области.  
<sup>5</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухарская область. См. также: С. Хасанов. Университет культуры быта. «Партийная жизнь» (Уз. ССР), 1967, № 1.

<sup>6</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

Большую работу в организациях и учреждениях города и его округи, а также в махалля проводил передвижной «клуб женщин» г. Карши. В совет клуба входили врач, учитель и юрист. Члены клуба проводили с населением беседы на разные темы<sup>7</sup>.

«Клуб девушек», организованный при сельском клубе колхоза «Москва» Гиждуванского района, устраивал встречи со знатными людьми, выступления драмколлектива, созданного при клубе, и т. д. При нем были курсы кройки и шитья, здесь проводились дни кулинарии — конкурсы на лучшее приготовление различных блюд. Актив клуба вместе с женсоветом помогал и в учебе, и в трудоустройстве. Например, многие посещавшие его девушки поступили затем в вечернюю школу. Работа клуба имела положительное влияние на все стороны быта — домашнего и производственного<sup>8</sup>.

В сельских местностях культурно-массовой работой занимаются обычно сельские клубы. Здесь устраивают вечера вопросов и ответов, литературные вечера, проводятся встречи с Героями Социалистического Труда, передовиками сельскохозяйственного производства, участниками Великой Отечественной войны и т. д.

Для удобства обслуживания создавались передвижные клубы животноводов, представлявшие собой своеобразные народные университеты, как, например, клуб в Шахрисабзском районе Кашкадарьинской области. Тематика его сельскохозяйственно-животноводческая, программа рассчитана на два года обучения. Состав слушателей — чабаны. Он был создан для повышения квалификации животноводов, ознакомления их с новейшими достижениями зоотехники и ухода за скотом. Каждая лекция сопровождалась кинофильмом по теме. В заключении агитбригада давала концерт<sup>9</sup>.

Одним из видов работы с населением является также создание в колхозах музеев революционной славы, музеев истории колхозов. Музеи собирают материалы о славных людях данной местности. В этой работе принимают деятельное участие школы — преподавательский состав и учащиеся. Местные органы культуры получают консультации у работников краеведческих музеев.

Особенно значительна по своим результатам в области культуры семейного быта работа женских советов и махаллинских комитетов. Круг вопросов, в решении которых они принимают участие, чрезвычайно широк. Их контакты с населением очень

<sup>7</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>8</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухарская область.

<sup>9</sup> Полевые записи, 1967 г. Шахрисабз.

тесны, они имеют с ним непосредственное и постоянное общение. Женсоветы создавались по линии партийных комитетов города, района и т. д. В них выбирали самых лучших, передовых и активных женщин данной местности, предприятия, учреждения. Женсоветы есть в каждом городе, поселке, колхозе, отдельном учреждении. Занимаются они различными организационными вопросами, политико-массовой, санитарной и воспитательной работой среди женщин и детей. Но, пожалуй, главная сфера их деятельности — это семья. Занимаясь вопросами семейных взаимоотношений, в особенности отношением к женщине, девушке, воспитанием детей в семье и т. д., они становились проводниками новых взглядов. К помощи женсоветов иногда прибегали девушки по вопросам бракосочетания, женщины — по вопросам различных семейных взаимоотношений. Ни один новый и даже традиционный праздник в семьях не обходится без их участия.

Махаллинские комитеты, являющиеся органами исполнительных комитетов депутатов трудящихся, занимаются еще более широким кругом вопросов. При махаллинских комитетах были образованы комиссии по благоустройству, народному образованию, здравоохранению, финансово-хозяйственным делам, социальному обеспечению, проведению свадеб и других торжеств, т. е. по вопросам новой обрядности, а также товарищеские суды, народные дружины и женсоветы, редколлегии стенных газет. Агитпропгруппы руководили агитационно-пропагандистской работой в махалля. В состав этих групп входили секции научно-атеистической и педагогической пропаганды (по работе среди молодежи, среди пенсионеров), женсоветы и комиссии содействия органам народного контроля.

Вся эта сумма мероприятий, направленных на совершенствование и утверждение новых форм быта, создавала благоприятную атмосферу для распространения новых традиций и обрядов.

Работой по созданию новых обрядов занимались специальные комиссии. К ним обращались по вопросам предстоящих тоев. Члены комиссии работали в контакте с «советами стариков», «советами старейшин», «советами тоев», созданными во многих местностях. Они оказывали и оказывают благотворное влияние на ход изживания устаревших традиций.

### Общественно-семейные праздники

В Узбекистане, как и повсеместно в нашей стране, появилось много новых праздников, ритуалов и церемоний, которые проводит общественность и которые посвящены знаменательным датам в жизни группы лиц (в центре внимания — отдельная лич-

ность). Это торжественное вручение первого паспорта, день совершеннолетия, проводы в Советскую Армию, окончание школы, вуза, так называемые семейные вечера, различные юбилеи, проводы на пенсию, посвящение в рабочий класс и в хлопкоробы. Значительная часть этих праздников проводится не только в соответствующих культурно-просветительных и других организациях, но и в семье, в кругу родных и знакомых. Эти новые формы семейного праздника свидетельствуют о том, что общественные праздники гармонично вошли в быт семьи.

В условиях социализма значительно усиливается сплочение личных, в том числе и семейных, интересов с интересами определенных социальных групп, производственного коллектива, где работают члены семьи. Тенденция связать важнейшие события личной жизни человека с жизнью более широкой общности людей, подключить общественность к событиям личной жизни через обычаи, обряды и ритуалы содействует обогащению человека опытом нравственного поведения других людей, усвоению принципов и норм коммунистической морали, осознанию своего долга и обязанностей перед коллективом и обществом, т. е. осознанию общественной значимости своих поступков<sup>10</sup>.

Эти празднества отличаются друг от друга. Одни из них, такие, как «посвящение в рабочий класс», «посвящение в хлопкоробы», чествование ветеранов труда, трудовые юбилеи, выход на пенсию, связаны с производственной жизнью человека. Исследователи новых форм обрядности В. И. Брудный назвал их лично-трудовыми обрядами. Другие праздники — вручение первого паспорта, проводы в армию — имеют отношение к гражданским обязанностям человека. Эта категория новых праздников названа В. И. Брудным лично-гражданскими обрядами<sup>11</sup>. Следующие обряды связаны с событиями личной жизни — день совершеннолетия, торжество по случаю окончания школы, вуза; другие — с событиями общественного характера, происходящими в данной конкретной местности — «семейные вечера» и т. д. Некоторые из этих церемоний очень трудно определить в соответствующую группу, так как они могут быть причислены к разным группам, например праздник совершеннолетия: он как будто бы личный, но в то же время им начинается возраст, с которого

<sup>10</sup> И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, стр. 190.

<sup>11</sup> В. И. Брудный. Обрядность как элемент духовной культуры, ее развитие и распространение в СССР. Л., 1967, стр. 10. Автореф. канд. дисс. Терминология В. И. Брудного в отношении данного круга торжеств не охватывает всей их совокупности. Мы считаем возможным называть их термином «общественно-семейные праздники» (хотя сознаем и его условность), выделяя среди них группы в соответствии с их спецификой.

человек становится полноправным гражданином государства, налагающего на него определенные обязанности, т. е. этот праздник входит в круг торжеств, связанных с правами и обязанностями человека перед государством в соответствии с существующими законами. Поэтому изложение материала располагается не по предложенным группам, а в порядке следования таких торжеств в связи с возрастом человека. Исключение составляют лишь праздники, связанные с трудовой деятельностью, так как это специфическая большая группа, к тому же касающаяся лиц различного возраста<sup>12</sup>.

К характерным особенностям этих новых праздников и ритуалов надо отнести то, что они интернациональны. В них участвуют и в качестве виновников торжества, и просто как участники церемонии лица различных национальностей, живущих в Узбекистане. Такие праздники встречаются у различных народов Советского Союза.

#### *Торжественное вручение первого паспорта*

Обычай в торжественной обстановке вручать первый паспорт, в последние десятилетия распространившийся по всей стране, и в Узбекистане воспринимается весьма положительно. Это один из широко вошедших в жизнь новых обычаев.

Торжественное вручение первого паспорта проходит обычно в паспортном столе при участии комсомольской организации района. Эта церемония распространена повсеместно, хотя единых форм проведения не имеет. В Ташкенте паспортные столы районных отделений милиции вручение паспортов проводят совместно с дворцами культуры. На торжественные церемонии приглашают ветеранов труда и других почетных лиц данного района. Старшее поколение — почетные гости. Они делятся своими воспоминаниями. Так, в Ташкенте один из ветеранов труда рассказал о днях своей молодости: «Я знал только, что мой год — год свиньи<sup>13</sup>, а года рождения не знал. Первая регистрация моего возраста была лишь в 1933 г., когда я был уже взрослым человеком. Спросили: «Какие у Вас есть документы?», — а их нет. Стали высчитывать мой возраст»<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> При описании названных праздников используется имеющийся по этому вопросу литература и, преимущественно, лично собранный автором во время полевых исследований материал.

<sup>13</sup> В дореволюционный период в Средней Азии в народных массах был распространен счет времени по 12-годовому животному циклу. «Год свиньи» — название одного из годов этого цикла.

<sup>14</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент.

На церемониях, посвященных вручению первого паспорта, ветераны труда рассказывают об Октябрьской революции, о первых женщинах-комсомолках, о том, каким в первые годы после революции сложным был вопрос об устройстве женщин на работу, как женщины стремились получить паспорт—получение его было в некотором роде символом освобождения от патриархально-феодалных устоев, царивших в семье и не позволявших женщине участвовать в общественной и производственной жизни страны. С рассказами о своих отцах и матерях, прошедших подчас трудный путь борьбы за свое освобождение от гнета старого быта, выступают молодые юноши и девушки, получающие паспорт в обстановке уважения личности и широких возможностей проявить себя в любой сфере деятельности. После выступлений с воспоминаниями и напутствиями вручают паспорт. Каждого юношу или девушку, получающих паспорт, поздравляют. Звучит торжественная музыка. Шестнадцатилетние, взволнованные общим вниманием и торжественностью обстановки, говорят о желании быть достойными старшего поколения.

#### *Праздник совершеннолетия*

Общественность отмечает и другую дату в жизни молодого человека—это восемнадцатилетие, день совершеннолетия. В такие дни родителям вручают памятные грамоты за хорошее воспитание сына или дочери, а восемнадцатилетним—поздравительные адреса-напутствия. На торжества приглашают старых коммунистов, участников гражданской и Отечественной войн, организуют коллективные выезды к могилам комсомольцев, погибших в боях с басмачами; в некоторых местностях вечером молодежь с факелами выходит на берег ближайшей реки и устраивает праздничный костер, у которого долго звучат песни. Ритуал этого праздника, распространяющегося все шире в Узбекистане, еще не сложился. В каждой местности, где он отмечается, в его проведение вносят свои коррективы. Вот как это организовано дворцом культуры «Химик» суперфосфатного завода Самарканда. Каждые три месяца во дворце собирают восемнадцатилетних. Этому событию посвящается целый день. Днем молодые люди посещают памятники революционной славы. В сквере Революции Самарканда есть братская могила комсомольцев—борцов за Советскую власть. Около этой могилы молодежь встречается с участниками борьбы за Советскую власть. Вечером дворец культуры организует «Огонек», в котором участвуют писатели, артисты Самарканда. Демонстрируется кинофильм, проводятся игры. На таких «Огоньках» молодежь знакомят с новыми тан-

цами, новыми моделями одежды, модными прическами. Показывают свое искусство и кулинары. Дворец культуры устраивает соревнования на лучшее приготовление тех или иных блюд, которые подаются участникам «Огонька».

На такие вечера приглашают родственников и друзей восемнадцатилетних. К празднику совершеннолетия приурочивают иногда и вручение комсомольских билетов.

В семье в день получения паспорта или совершеннолетия именинникам преподносят подарки, их друзьям устраивают угощение. Окончание школы, а тем более вуза теперь сопровождается семейным праздником, на который приглашают близких и друзей. В школах и институтах, как обычно, устраивают выпускные вечера, во многих городах—общегородские балы выпускников, за которыми закрепились свои названия. Бал выпускников школ Ташкента, начинающийся на рассвете, с восходом солнца, на Красной площади столицы Узбекистана, называется «Ташкентские зори»<sup>15</sup>.

#### *Проводы в армию*

Большим событием для семьи является призыв сыновей в Советскую Армию. Деятельность общественности по разъяснению положения о воинской обязанности, по информированию населения о жизни, учебе, досуге призванных в армию изменила отношение семьи к этому событию. Лучшим подтверждением слов пропагандистов являются сами возвращающиеся из армии молодые люди, окрепшие, получившие боевую выучку и определенную специальность.

В семье призыв в армию одного из ее членов отмечают небольшим прощальным вечером, сопровождающимся праздничным угощением, на которое приглашают родных и близких знакомых. По возвращении призывавшегося домой также устраивают той.

Общественность уделяет много внимания призывникам. Местные культурно-просветительные учреждения, клубы, дворцы культуры устраивают призывникам торжественные вечера проводов в армию.

Вот как, например, проходят дни проводов в армию в самаркандском дворце культуры «Химик». Заранее составляется план его проведения. Призывников собирают во дворце культуры на «Огонек». На вечере присутствуют родители призывников, их близкие и знакомые. На «Огонек» приглашают Героев Советского Союза, участников Отечественной войны, кавале-

<sup>15</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган; 1965 г. Ташкент.

ров многих орденов. В выступлениях принимают участие артисты кружков художественной самодеятельности дворца культуры.

Вечер начинается приветствиями, обращенными к призывникам. Ведет вечер заслуженный воин. Выступающие рассказывают о революции, о становлении Советской власти в Средней Азии, о В. И. Ленине, о Великой Отечественной войне. В зале звучат песни — «Бухенвальдский набат», «Хотят ли русские войны» и др. Передовики производства, где трудились призывники, произносят дружеские напутствия. Представители предприятий вручают призывникам вымпелы с надписью «Будь верен военной присяге», подарки и цветы. Приходят с приветствиями пионеры. После официальной части бывает небольшое угощение в фойе, после чего начинается концерт, затем танцы<sup>16</sup>.

«Огонек», посвященный призыву молодежи в ряды Советской Армии, во дворце культуры колхоза «Политотдел» Ташкентской области проводится субботними вечерами. Приглашаются призывники, их друзья, родители. На «Огонек» все приходят нарядно одетыми. Один из таких «Огоньков» открыл секретарь комсомольской организации колхоза. Он приветствовал юношей, уходящих в армию. После торжественной части для собравшихся был дан концерт самодеятельных артистов. Затем началось общее веселье, пели песни, танцевали современные танцы<sup>17</sup>.

В Хазараспском районе Хорезмской области в колхозах «Коммуна», им. Нариманова, им. Кирова и колхозах Турткульского района КК АССР проводы отмечают примерно одинаково: в колхозном клубе, в фойе которого устраивают выставки на тему о Советской Армии, готовят угощение, каждому призывнику правление колхоза вручает подарки. Или устраивается вечер с торжественной и концертной частями, на котором присутствуют родственники, друзья и товарищи по работе в колхозе, знакомые<sup>18</sup>.

Так же торжественно проходят проводы в Советскую Армию в Бухаре, в Гиждуванском, Рамитанском, Каракульском и в других районах Бухарской области<sup>19</sup>.

Очень торжественно отмечают проводы в армию в совхозе «Савай» Андижанской области. На здании совхозного клуба

<sup>16</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд. Вечера, посвященные призывникам, этот дворец начал проводить с 1965 г.

<sup>17</sup> Полевые записи, 1967 г., колхоз «Политотдел» Ташкентской области.

<sup>18</sup> Полевые записи, 1968 г. Хазараспский район Хорезмской области; г. Турткуль КК АССР.

<sup>19</sup> «Партийная жизнь» (Уз. ССР), 1967, № 9.

осенью 1965 г. появился лозунг: «Вы были хорошими производственниками, будьте достойными воинами!». Начался вечер. Его открыл секретарь партийной организации совхоза. Он коротко рассказал о почетной обязанности быть воином армии Страны Советов. Выступил директор совхоза, сказавший об успехах колхозников, о вкладе, который внесли призывники в трудовую победу. Будущих воинов напутствовал местный уроженец, Герой Советского Союза Кучкар Турдыев<sup>20</sup>. Закончился вечер концертом участников художественной самодеятельности колхоза.

Таким образом, уже в 60-х годах торжественные проводы в армию наблюдались повсеместно в Узбекистане, стали новой традицией.

### Семейные вечера

К новым семейным праздникам среднего и старшего поколений относятся так называемые семейные вечера — *оилави кечалар*. «Семейные вечера» предполагают совместное времяпрепровождение в общественных местах всех членов семьи и в некотором роде являются возрождением традиции, появившейся в Узбекистане в 20-х годах. Тогда, чтобы вывести женщину на путь общественной деятельности, освободить от гнета старого быта, создавались так называемые семейные кружки — *оилави тугарак*. Они организовались в Ташкенте, Андижане, Ходженте и в других городах, а также в сельских местностях Наманганской области<sup>21</sup>. Семейные кружки встретили большое одобрение и поддержку со стороны местных Советов.

Деятельность оилави тугарак складывалась следующим образом. Группа людей собиралась поочередно в домах друг у друга в определенные дни, чаще по пятницам (тогда — общий выходной день). Приходили семьями — муж, жена, мать, сестра. Мужчины и женщины находились в одном помещении, сидели за одним столом во время угощения. Обсуждались злободневные вопросы жизни кишлака. Члены кружков выступали с докладами на различные темы. Здесь впервые совместно отмечали семейные события по-новому — свадьбу, рождение ребенка. В кружках 20-х годов зарождалась новая обрядность Узбекистана.

Современные семейные вечера, новые по форме и содержанию, имеют широкий общественный характер. Цели и задачи их — окончательное изживание некоторых пережитков в семей-

<sup>20</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижанская область.

<sup>21</sup> М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959, стр. 47.

ных отношениях (например, в отношении к женщине), поднятие культурного уровня населения и т. п.

Такие вечера популярны среди населения. Этому способствует, очевидно, и то, что они в определенной степени увязываются с традицией собираться вечерами, например в чайхане, для обсуждения различных злободневных тем; с традицией мужских собраний — *зиафатов* с их поочередными угощениями. Прежде на такие вечера собиралось только мужское общество.

Современные «оилави кечалар», которые можно назвать так лишь потому, что в них участвует вся семья, называются «на чашку чая», «заходите на огонек»<sup>22</sup>. В махалля семейные вечера устраивают либо в частном большом доме, либо в чайхане, либо в доме счастья. Обычно вечера бывают тематическими: например, проводятся беседы о законодательстве, по медицине, на которых население встречается с представителями законодательных органов, врачами и т. д. Супружеские пары приходят на вечер вместе, что было совершенно исключено в старое время. Подобные вечера часто заканчиваются угощением или концертом<sup>23</sup>.

Вот как проходил один из семейных вечеров в махалля «Бабур» г. Андижана. Во дворе школы № 9 собралось более 400 человек. Вечер был посвящен ученому и политическому деятелю средневековья Бабуру, чье имя носит махалля. Он начался рассказом о жизни и деятельности Бабура — уроженца Андижана. Беседу проводил преподаватель педагогического института города. Председатель женсовета махалли «Бабур», директор средней школы № 9, остановилась на значении семейных вечеров, рассказала о положении женщины в Советском Узбекистане. Затем последовало праздничное угощение.

К этому вечеру тщательно готовились. В махалле «Бабур» совет старейшин (*аксакаллар*, насчитывающий 17 человек) совместно с женсоветом обсудили вопрос об организации вечера для жителей махалли. Объявили конкурс на лучшее изготовление национальных кушаний. Университет домоводства при махалле в течение двух месяцев также готовился к нему. На семейном вечере на праздничном столе были национальные кушанья и печенья: самса, каглама, урама, чакчак, патир, плов, чючвара и др., приготовленные женщинами махалли. Конкурсная комиссия отметила кулинарное искусство участниц вечера. В заключении артисты кружка художественной самодельности — учащиеся школы № 9 дали концерт<sup>24</sup>.

Семейные вечера проводятся и в сельских местностях. Так в колхозе «Ленин учкуни» Яккабагского района Кашкадарьинской области вечер был приурочен к открытию университета культуры. В организации его приняли участие работники областной библиотеки им. Горького. Правление колхоза выделило для университета культуры в колхозном клубе помещение и средства, необходимые для благоустройства показательных жилых комнат. Вечер проходил в торжественной обстановке. В фойе клуба сотрудники областной библиотеки устроили книжные выставки на различные темы. На торжество пришли около ста супружеских пар. Открытие университета культуры явилось началом вечера. Гости слушали информацию о колхозных делах. Беседы на разнообразные темы вызвали ответные выступления участников вечера. Одновременно проходило чаепитие. Праздник закончился пением и танцами, в которых приняли участие все желающие<sup>25</sup>.

В Бухарской области подобные вечера проводят в домах счастья, которые имеются здесь в каждом районе. Тема вечеров разнообразна. Их посвящают и открытию университета культуры, и выходу на пенсию, и проходам в армию. В проведении этих вечеров большое участие принимают члены совета дома счастья.

#### *Праздники и ритуалы, связанные с трудовой деятельностью*

Эти новые ритуалы и праздники, ставшие уже традиционными, носят общественно-производственный характер, в то же время они являются и личными, так как посвящаются отдельным лицам. Они имеют большое воспитательное и эмоциональное воздействие на всех участников этих торжеств. Среди таких празднеств наибольшее распространение получили такие ритуалы, как «посвящение в рабочий класс», «посвящение в колхозники» (или хлопкоробы), чествование ветеранов труда, юбилей трудовой деятельности, проводы на пенсию. Празднества касаются людей разного возраста, разного жизненного и производственного опыта, — это молодые, только что вступающие в жизнь люди и опытные, заслуженные, прошедшие долгую жизнь. Этот тип празднеств уже вошел в трудовую жизнь наших людей и получил свое наименование — вечер «эстафеты поколений».

<sup>25</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>22</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган, Бухара и Бухарская область.

<sup>23</sup> Там же; см. также: «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 211.

<sup>24</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

### Ритуал посвящения в рабочие

Ритуал «посвящения в рабочий класс» в настоящее время переживает период становления, кристаллизации, когда уточняются детали, приобретает четкость и устойчивость форм. Он широко распространен в Узбекистане. Объяснение этому мы видим, с одной стороны, в том, что узбекский рабочий живет одной жизнью с рабочими всего Советского Союза, с другой — в том, что узбекский рабочий психологически подготовлен к такого рода торжествам, поскольку прежде окончание ученического срока оформлялось особым ритуалом согласно уставу ремесленных организаций. Эти ритуалы еще не забыты старшим поколением рабочих, в некоторой своей части выходцев из бывших ремесленников.

Посвящение в рабочий класс проходит по заранее разработанной программе. Коллективы предприятий создают свои варианты этого ритуала. На предприятиях Ташкента торжество обычно устраивают в заводском клубе или во дворце культуры. Кроме рабочих коллективов присутствуют родственники — отцы и матери, братья и сестры. В такие дни дворцы культуры празднично украшены, звучит музыка. В назначенный час гости приглашаются в зрительный зал. Вечер начинает ведущий, он читает стихи. Гаснет свет, на экране — кадры фильмов о рабочей молодежи разных периодов истории нашей страны, начиная с первых пятилеток. Под звуки «Марша энтузиастов» ветераны труда выносят заводское знамя и книгу «Посвящение в рабочий класс», они занимают места в президиуме. Представитель дирекции завода обращается с приветственной речью к молодым рабочим. Выступающие рассказывают о рабочем классе, его славных традициях, о той заботе, которую проявляют партия и правительство о народе, о росте благосостояния рабочих, о его молодом поколении. Затем молодой рабочий или ветеран труда зачитывает текст трудовых путевок, вручая их каждому из посвящаемых в рабочие. Трудовая путевка, подписанная директором, партторгом, председателем завкома и комсоргом завода, гласит: «Выдана товарищу (такому-то). В день посвящения в рабочие коллектив завода (название его) вручает Вам трудовую путевку. Желаем больших творческих успехов в избранной Вами специальности. Надеемся, что Вы с честью будете нести «эстафету трудовых дел». Вместе с трудовой путевкой каждому посвященному вручается текст «Закона рабочей чести»<sup>26</sup>.

Торжественная часть церемонии заканчивается поздравлениями пионеров, которые вручают посвященным цветы. После этого начинается вторая часть церемонии — концерт художественной самодеятельности, в основном по заявкам молодых рабочих.

На заводе «Ташсельмаш» ритуалу посвящения в рабочие предшествует не менее эмоциональный ритуал встречи новичков, впервые пришедших на завод. Она происходит в заводском клубе. Сюда собираются руководители предприятия, ветераны труда, комсомольцы — ударники коммунистического труда. Ветераны рассказывают об истории завода, его коллективе, трудовых традициях. Юношей и девушек приветствуют герои труда, старейшие работники предприятия. Директор завода и секретарь комитета комсомола преподносят будущим рабочим комплекты инструментов. Каждому из них вручается свидетельство-напутствие — краткая история славных дел заводского коллектива и призыв множить эти добрые традиции.

Посвящение в рабочие происходит позднее, после кропотливой работы по обучению, когда новичок готов к сдаче экзамена на рабочий разряд. Сам ритуал проводится в клубе завода или прямо в цехе. Под звуки торжественной музыки молодые рабочие выходят на сцену или цеховую площадку. Представитель дирекции зачитывает приказ о присвоении им разряда по профессии, затем старейший рабочий напутствует их. Юноши и девушки дают клятву добросовестно трудиться, беречь честь советского рабочего, множить славные дела заводского коллектива<sup>27</sup>.

В г. Намангане посвящения в рабочий класс устраиваются на всех крупных промышленных предприятиях города. Здесь имеются отделы кадров на общественных началах, которые, в частности, ведают пополнением кадров и воспитанием молодых рабочих. Они интересуются каждым из вновь поступивших. После прохождения учебного срока молодежь принимают в рабочий класс. Присвоение ученикам квалификационного разряда после соответствующего экзамена происходит на торжественном вечере, на котором обязательно присутствуют члены комитета комсомола, партторганизации, дирекции, квалификационная комиссия. По обычаю, вошедшему здесь в жизнь в 60-х годах, один из членов президиума объявляет о присвоении разряда молодым рабочим. Опытные мастера напутствуют молодых рабочих. Посвящаемые клянутся перед знаменем быть достойными доверия.

— среди товарищей помни: ты — рабочий, не запятнай свое высокое звание. Ты — наследник и продолжатель славных трудовых традиций. Честь коллектива — твоя честь. Ты — в ответе за коллектив, коллектив — в ответе за тебя».

<sup>27</sup> Д. Ганиев. Ш. Яхъяев. Новая жизнь обрядов, праздников, традиций, «Наука и религия», 1972, № 2, стр. 10.

<sup>26</sup> Основные его положения: «Мало быть хорошим исполнителем порученного дела. Трудись творчески, проявляй неустанную заботу о повышении производительности своего труда и труда своих товарищей. Отдавай знания и опыт делу. Внедрение новой техники — забота каждого. На работе, в семье,



Им вручаются свидетельство о посвящении в рабочий класс и памятка традиций завода. Заканчивается вечер концертом коллектива художественной самодеятельности завода<sup>28</sup>.

Подобные церемонии проводятся и в наманганском дворце культуры. Так, в апреле 1966 г. здесь торжественно вручали водительские права шоферам. Их получали 180 человек. Это был вечер «посвящения в шоферы», включавший торжественную и художественную части<sup>29</sup>.

В г. Карши во время церемонии посвящения в рабочие молодым рабочим вручаются свидетельство и памятка о рабочих традициях, а также персональный памятный документ — благодарность родителям молодых рабочих, в котором говорится о присвоении квалификационной комиссией специальности и разряда их сыну или дочери. Родителей поздравляют с большим событием в жизни их сына или дочери и высказывают добрые пожелания<sup>30</sup>.

Торжественный ритуал посвящения в рабочие в процессе формирования пополнялся новыми элементами. Так, в него было введено чтение клятвы молодых рабочих перед заводским знаменем (например, в Намангане). В Бекабаде Ташкентской области посвящение в рабочие, проводившееся среди слесарей, содержало установившиеся моменты этого ритуала (внесение заводского знамени, выступление представителей дирекции и профорганизации, мастеров, молодых рабочих, вручение свидетельства и памятных документов для родителей), но отмечается и новый элемент — посвящаемым вручались личные инструменты<sup>31</sup>.

Вручение личных инструментов являлось новой вполне оправданной и очень символической деталью ритуала, в то же время оно перекликалось со старой традицией вручения инструментов при обряде посвящения в мастера в старых ремесленных организациях, имело свои исторические корни.

На одном из заводов Андижана во время этой церемонии молодым рабочим вручали трудовые книжки<sup>32</sup>.

Иногда этот ритуал проводился на вечере, устроенном по типу «Огонька», как это делали в г. Янги-юле Ташкентской области<sup>33</sup>.

В настоящее время церемониал посвящения в рабочие стал новой распространенной традицией в общественном быту Узбе-

кистана<sup>34</sup>, он имеет уже ясные конструктивные формы: состоит из торжественной части, включающей собственно ритуал посвящения, и художественной. Сам ритуал посвящения в рамках одного предприятия и даже города имеет устоявшиеся черты, но в масштабе всего Узбекистана, несмотря на ряд общих моментов, универсальных форм пока не имеет.

В семьях вступление молодого человека в ряды квалифицированных рабочих часто отмечают праздничным застольем в кругу близких и знакомых — этот момент имеет тенденцию к превращению в третью часть общего церемониала посвящения в рабочие.

#### *Ритуал посвящения в колхозники (хлопкоробы)*

Ритуал посвящения в колхозники (хлопкоробы), пожалуй, менее распространен, чем церемониал посвящения в рабочие. Это также новая традиция общественного быта Узбекистана. Он имеет отчетливые очертания, проводится в сельских клубах, домах счастья. Сюда приходят к определенному часу посвящаемые, молодые девушки и юноши, в сопровождении своих родных. Их встречают друзья и знакомые. Начинается торжественная часть. Распорядитель церемонии приглашает будущих колхозников в президиум. Здесь же председатель колхоза, лучшие производственники, ветераны труда, почетные гости и родители «виновников» торжества.

После вступительного слова с напутственными пожеланиями выступают бригадиры, гости, родители, товарищи. Затем на сцену выходит распорядитель и со словами: «Посвящается в хлопкоробы...» берет специальную ленту с надписью: «Посвящен в земледельцы... число... месяц... год в колхозе (совхозе)...» и опоясывает ею юношу или девушку, давая наказ хранить честь колхозника, ничем не пятнать ее, быть достойным сыном трудового народа. Иногда вводится обряд «рабочей клятвы». На специальном столике (или на столе президиума) — ларец с землей. К нему подходит председатель колхоза. Он обращается к молодым хлопкоробам с наказом от колхоза — по-хозяйски заботиться о земле. Положив руку на ларец, молодые люди дают торжественную клятву любить землю и быть верными ей, по-хозяйски о ней заботиться. Затем всем преподносится «подарок со значением». Это стеклянная пробирка с семенами хлопка (или других культур) из урожая, выращенного отцами, старшими братьями посвященных. На этикетке указаны год и показатели

<sup>34</sup> И. Джаббаров. Указ. соч., стр. 197.

<sup>28</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

<sup>29</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

<sup>30</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>31</sup> Полевые записи, 1967 г. Ташкентская область.

<sup>32</sup> Полевые записи, 1966 г. Андижан.

<sup>33</sup> Полевые записи, 1967 г. Янги-юль.

урожая. Тот, кто вручает эту пробирку, даёт совет каждый год в нее класть столько семян, сколько центнеров данной культуры будет выращено на каждом гектаре. Такими подарками бывают и вымпелы «Будь победителем в соревнованиях хлопкоробов», набор рабочего инструмента (для механизаторов), рабочая одежда (для доярок) и т. п.

Иногда в колхозах (совхозах) заводят памятную «Книгу молодого земледельца». Книга лежит на столе возле ларца с землей. После слов торжественной клятвы юноши и девушки ставят свои подписи в книге под текстом клятвы хлопкороба. Торжественная часть завершается песней («Марш коммунистических бригад», «Марш энтузиастов» и т. д.). Затем — концерт силами коллективов художественной самодеятельности, программа которого составлена по заявкам посвящаемых<sup>35</sup>.

Ритуал посвящения в хлопкоробы также переживает период становления. Если в основе своей он одинаков повсеместно, то в деталях наблюдаются отличия. В Ак-Курганском и Букильинском районах Ташкентской области он проводится в виде колхозного собрания. Выступает председатель колхоза. Посвящаемые сидят в президиуме. Им вручаются колхозная книжка, свидетельство и лента с надписью «Посвящается в хлопкоробы», мешочки с колхозной землей. Каждый посвящаемый произносит торжественные слова. Такие посвящения собирают много народа, приходят старики, которые делятся воспоминаниями о прошлом<sup>36</sup>.

Таким образом, церемония посвящения в хлопкоробы, как и посвящения в рабочие, четко разделяется на две части: торжественную (сам ритуал посвящения) и художественную; вторая часть иногда принимает форму вечера воспоминаний.

#### *Вечера трудовой славы*

Прославлению труда и человека труда посвящаются так называемые вечера трудовой славы. На этих вечерах славят передовиков производства, ветеранов труда. Они часто содержат как часть церемонии и посвятельный ритуал. Передовики производства, делясь своим опытом, передают трудовую эстафету молодым рабочим, уже проявившим себя в труде, учебе, производственной жизни с хорошей стороны. Принимают их в ряды лучших — в ряды ударников коммунистического труда. Такие вечера отмечаются и в городе, и в деревне.

<sup>35</sup> Один из сценариев такого ритуала разработан методическим кабинетом Ташкентской областной библиотеки.

<sup>36</sup> Полевые записи, 1967 г. Ташкентская область.

Очень торжественно эта церемония проводится во дворце культуры «Химик» Самарканда. Труженики завода приходят с семьями. В фойе дворца соответствующие выставки, витрины, диаграммы производственных показателей. Во время торжественной части главный инженер завода рассказывает о работе завода. Передовики производства отчитываются о работе и жизни смен, цехов, бригад. Затем наступает торжественная церемония принятия новых членов в семью ударников коммунистического труда. Под знаменами группа молодых рабочих проходит по фойе под звуки торжественного марша. Один из передовиков производства читает текст клятвы, в которой говорится, что, вступая в ряды ударников коммунистического труда, молодые рабочие клянутся оправдать доверие коллектива, высоко нести знамя трудовой чести завода. Они обещают, что их цех (или смена) будет одним из лучших на заводе. По прочтении этого текста все говорят: «клянемся». Читающий текст клятвы, преклоня колено, целует край знамени завода.

Вручение удостоверений ударника коммунистического труда чередуется с чтением стихов, посвященных рабочему классу, коммунизму, партии. Завершается торжественная часть выступлениями кадровых рабочих, рационализаторов производства. Заканчивается вечер концертом артистов Самаркандского театра оперы и балета или народного театра дворца культуры<sup>37</sup>.

#### *Юбилей и выход на пенсию*

К торжествам цикла «эстафета поколений» относятся и торжества по случаю трудового юбилея, выхода на пенсию, широко распространившиеся в настоящее время и характерные как для города, так и для деревни. Конструктивно юбилейные торжества, как и выход на пенсию, повсеместно идентичны. Некоторые особенности лишь подчеркивают местный колорит. Празднование юбилея сопровождается торжественным собранием, выступлениями товарищей по работе, вручением приветственных адресов и подарков.

Выход на пенсию теперь обязательно отмечают на производстве. В честь группы лиц, уходящих на пенсию, устраивают обычно торжественное собрание. На больших предприятиях это делается по цехам, отделам. На торжественных собраниях вручают адреса и преподносят подарки от учреждения и часто от коллектива сотрудников.

В колхозах и юбилей, и выход на пенсию отмечают в клубах или в домах счастья. Интересна форма этого складываю-

<sup>37</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд.

щегося ритуала в Бухарской области. Их устраивают в домах счастья по типу семейных вечеров «за чашкой чая». К их проведению тщательно готовятся члены «совета содействия». Помещение оформляется плакатами, выставками, рассказывающими о трудовом пути уходящих на отдых колхозников. Им посвящается стенная газета. Труженики-пенсииеры — на почетных местах. Во время приятного чаепития они делятся своими мыслями, своим опытом с молодыми колхозниками. В атмосфере всеобщего уважения им вручают пенсионные книжки, удостоверения и памятные подарки от правления колхоза. Зачитываются приветственные адреса. Заканчивается все выступлением артистов кружков художественной самодеятельности<sup>38</sup>.

Анализируя описанные новые праздники и ритуалы, можно отметить их особый характер, который позволяет применить к ним наименование «общественно-семейные». К особенностям праздников общественно-семейного цикла относится то, что все они являются новыми и по содержанию и по форме, имеют интернациональный характер, находятся в стадии совершенствования, шлифовки. Церемония вручения первого паспорта, например, еще не сложилась в ритуал, а ритуал посвящения в рабочие или колхозники имеет уже довольно ясные очертания<sup>39</sup>. В Средней Азии, и в частности в Узбекистане, новые ритуалы этого цикла имеют много общего с подобными ритуалами в других республиках.

Ввиду того, что эти ритуалы находятся еще в стадии развития возможны всякие коррективы. Нам кажется, что каждый церемониал должен иметь свою, только ему свойственную символику, только тогда он будет вызывать сильные чувства. Следует стремиться к тому, чтобы в различных ритуалах не повторялись одни и те же действия, с чем иногда приходится сталкиваться.

В Узбекистане новые торжества требуют тщательного анализа с учетом не только потребностей в новых праздниках, но и внимательного отношения к местным традициям. Для примера обратимся к празднику совершеннолетия. В настоящее время в Узбекистане в одних местностях его празднуют как день революционной славы, в других — устраивают просто молодежные гуляния. Иными словами, четкого представления об этом празднике еще не сложилось. Другое дело в Прибалтике. Там

день совершеннолетия превратился в очень интересный молодежный праздник со своим ритуалом<sup>40</sup>. И это понятно, там он имеет глубокую традицию в церемониале конфирмации. А народная традиция — это источник, из которого можно и необходимо черпать краски для новых национальных праздников. В Средней Азии подобного церемониала не было. Жизненной потребности в таком новом празднике здесь, пожалуй, также нет, поскольку отмечаются другие даты в жизни молодежи. Поэтому и форма этого совершенно нового для Средней Азии церемониала еще далеко не совершенна.

Часто новые церемониалы в своем оформлении не содержат специфически национальных красок. Между тем наличие интернациональных черт в обрядах предполагает сохранение и национальной специфики, в частности в таких ритуалах, как торжество по случаю получения первого паспорта, посвящения в рабочие или колхозники. Национальная узбекская поэзия, музыка всегда горячо принимаются в Узбекистане и приятны в любых торжествах.

Праздники, названные нами «общественно-семейными», представляют собой новое общественное явление. В них явлена глубокая, принципиальная ответственность общества за семью и забота о ней, забота об отдельной личности и ответственность семьи и человека перед обществом. В прежнее время эта идея уродовалась обстановкой подавления отдельной личности и даже семьи общинно-родовыми институтами и их пережиточными формами; община решала, например, вопросы брака, жених и невеста на свадьбе были пассивными исполнителями «таинственного действия» и т. д. В наших социальных условиях ответственность общества за человека способствует утверждению личности, слиянию интересов общества и человека.

Общественно-семейные церемонии представляются нам новой формой семейных праздников, которая указывает пути развития всех праздников семейного цикла в будущем. Рождаются они из потребностей современного общества в процессе взаимовлияния и взаимообогащения культур народов Страны Советов. В их создании и формировании участвует народ — в первую очередь молодежь различных предприятий и учреждений, колхозов и совхозов. Дальнейшее совершенствование этих праздников и ритуалов — задача самого народа.

Оказывая огромное воздействие на поведение и сознание советского человека, новые традиции и обычаи служат средств-

<sup>38</sup> Полевые записи, 1966 г. Бухарская область.

<sup>39</sup> Примерно к таким же выводам приходит В. И. Брудный, изучавший вопрос на материалах областей с русским и украинским населением. См. В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня. М., 1968, стр. 121.

<sup>40</sup> Г. Геродник. Дорогами новых традиций. М., 1964, стр. 36 и др.

вом управления социальным поведением, формирования научно-материалистического мировоззрения и норм коммунистической нравственности.

### Общественные праздники в Узбекистане

Семья — обязательный участник событий общественного характера, торжеств, праздников, отражающих историю общественной жизни народа, страны, государства. Члены семей участвуют в общественном церемониале праздника. Кроме того, общественный праздник включает и часть ритуалов, которые протекают в рамках семьи. Каждый такой традиционный праздник в прошлом имел даже свой особый ритуал, выполнявшийся в каждом доме, в каждой семье. Выражался он в приготовлении ритуальной пищи, в ритуале ее вкушения, в приглашении или посещении определенных лиц и т. п. Новые общественные праздники также включают торжества, протекающие в семье.

Эти обстоятельства заставляют дать в данной работе описание праздников общественного характера, традиционных и новых. Начнем с общей характеристики традиционных праздников узбеков, не вдаваясь подробно в анализ их генетических корней<sup>41</sup>.

В Узбекистане на вопрос: «Какие большие всенародные праздники были у вас раньше?» — обычно отвечают, что у узбеков, как и у других мусульманских народов Средней Азии, в прошлом было три больших праздника. Самый значительный из них — это *курбан-хайт* (праздник жертвы), следующий по значимости — *руза-хайт*, завершавший тридцатидневный пост, и весенний новогодний праздник *науруз-байрам*. Однако такой ответ не совсем правильный, так как у узбеков существовали и другие праздники, но в начале XX в. они были уже на стадии изживания, праздновались, очевидно, не повсеместно, имели ограниченный ареал, поэтому их не включали в число больших праздников.

Курбан-хайт и руза-хайт — религиозные праздники мусульман<sup>42</sup>. Церемониал их включал и народные гулянья, во время которых народ развлекался традиционными видами зрелищ, распространенными в данной местности, сопровождавшими и другие праздники. Некоторые из развлечений на гуляньях во

время курбан-байрама, например катание крашеных яиц или колядки на размазан, когда по домам ходили дети, пели соответствующие песенки, сопровождавшие и сборы первых весенних цветов — *бой-чечак*, свидетельствуют о том, что религиозные праздники впитали в себя элементы древних домусульманских праздников. Исторически сложившиеся формы зрелищных и прочих развлекательных мероприятий, утративших всякую религиозную значимость, могут быть использованы и в современных праздниках.

Третий большой праздник среднеазиатских народов — науруз-байрам (называемый в некоторых районах также *сайли нау*) имеет длительную традицию празднования и основу в домусульманских культурах Средней Азии и прилегающих стран. Этот праздник, как и ряд других, связанных с календарным циклом обрядов и праздников древнего населения Средней Азии, очень красив. Значительная часть его ритуала давно утратила религиозную значимость и превратилась в действия развлекательного характера. Правда, он был включен в число праздников, праздновавшихся мусульманами.

### Праздники традиционного календаря

#### Весенние праздники

Науруз-байрам известен почти всем народам Средней Азии, но широко праздновался лишь земледельческими народами. Это был праздник весны, нового года, начала земледельческих работ, генетически связанный с культом плодородия, умирающей и воскресающей растительности. В XIX — начале XX в. он был официальным, принятым в качестве государственного праздника, в частности двором хивинских ханов, и был второй, народный науруз. Сроки их празднования не полностью совпадали. Но и тот, и другой не имели точного дня начала празднования. Наступление науруза определялось особыми «знающими людьми» и совпадало с появлением первой зелени.

Весенний праздник Нового года сопровождался большими гуляньями, продолжавшимися в городах до трех недель. В кишлаках праздновали скромнее — до трех дней. Всегда устраивали большой праздничный базар. В Самарканде городские власти давали распоряжение всем купцам выехать за город, где устанавливались торговые ряды: один ряд — торговцы жареной рыбой, другой — халвой, третий — фруктами и т. д. За торговыми рядами располагался ряд чайхан, украшенных шелковыми тканями. На праздник съезжались музыканты, танцоры, острословы, борцы и т. п.

<sup>41</sup> См. Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. Наше описание сделано на основании полевых записей автора и этнографической литературы.

<sup>42</sup> См. О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.

Праздничное утро начиналось на площади состязаниями в танцах и пении. В дни праздника бывали конные состязания, гулянья, борьба — *кураш*, *копкари* (конно-спортивная игра с козлом), цирк. Женщины и девушки проводили гулянья отдельно от мужчин. Они танцевали под бубен, устраивали угощение со сладостями и т. д. Место, где было женское гулянье, называлось *паслик*.

В дни праздника устраивали обычно суннат-тои, женихи посылали невестам подарки. В домах приглашали гостей, родных, устраивали угощение с обязательными *тограма-пловом*<sup>43</sup> и семью видами фруктов<sup>44</sup>, фигурирующими в ритуале новогодних поздравлений и в персидском наурузе.

В окрестностях Хивы<sup>45</sup> новогодние празднества, как и везде в Средней Азии, сосредоточивались вокруг мазаров (могила святого), в большом числе разбросанных здесь. Праздник начинался поднятием на мазаре шеста с белым полотнищем, что происходило часов в 11—12 дня. На мазаре проводили один день. Там варили и ели ритуальное блюдо *гуджу* — род каши, приготавливаемой из семи видов злаков (впоследствии ее стали готовить просто из толченой джугары). Гуджей угощались на общественной трапезе у мазара, где происходило празднество. Ею угощали также каждого проходящего в дом, так как в домах ее тоже обязательно варили.

Около мазара устраивали базарчики с оживленной праздничной торговлей сладостями. Были и развлечения — качели — *сарынжак* для молодежи, катали крашеные яйца и т. п.

В Хиве, куда стекался народ из всех более или менее крупных центров ханства и близлежащих кишлаков, науруз праздновался в соответствии с придворным ритуалом, очень пышно и продолжительно. По некоторым данным, наступление науруза определялось *калонтаром* — главой цеха (*баккал*) мелочных торговцев хивинского базара, обладавших якобы некой чудодейственной силой. Это объяснялось в народе тем, что среди их товаров были якобы особенные — духи, душистые травы и т. п. Накануне праздника за час до захода солнца калонтар отправлялся к хану с известием о наступлении науруза и спрашивал разрешение на его празднование. Он нес большой поднос, наполненный сладостями и фруктами: яблоками, всякими сладостями, *абджушем* (крупный изюм), урюком, грушами, гранатами, дынями, там же был и цветок *назвай-гуль*. После

этого *джарчи* — глашатаи ходили по улицам и криком извещали народ о наступлении науруза и начале его празднования.

В первый день науруза хан одарил своих чиновников халатами.

На базарной площади Хивы устанавливалось до 200 юрт, где располагались съезжавшие гости. В каждой юрте был свой *яшулы* (распорядитель из уважаемых членов общины), следивший за порядком и программой празднования. Кроме того, яшулы различных юрт старались превзойти друг друга в развлечениях и остроловии. Распорядок новогодних дней повторялся изо дня в день в течение всего срока празднования: утром полагалось выступление канатоходцев, затем следовали бой баранов — *кочкар уруштырыш*, затем борьба — *кураш*, бой петухов — *хораз уруштырыш*, иногда бой собак — *ит уруштырыш* и скачки лошадей — *от чапыш*. На базарах танцевали различные танцы. Исполнителями были ученики музыкантов. Выступали *маскарабазы* (скоморохи).

После 15-дневного празднования чиновники обращались к хану с просьбой разрешить дехканам отправиться на полевые работы. Люди расходились по домам и начинали пахоту, а знать оставалась праздновать еще 10 дней.

Когда в Хиве кончался праздник, высокопоставленные лица из других городов испрашивали у хана разрешение отпраздновать науруз в своей местности, где устраивали 10-дневный праздник по образцу хивинского.

Весь период, когда происходили новогодние празднества, также назывался наурузом<sup>46</sup>.

В других местностях Узбекистана праздник нового года имел свои характерные черточки, но везде это был праздник весны.

В кишлаках, где празднование не было таким затяжным, после науруз-байрама начинались весенние земледельческие работы — пахота и затем сев. Начало полевых работ сопровождалось выполнением определенных обрядов и обычаев. В домах обязательно пекли обрядовое печенье *баурсак*. Быков, на которых будет производиться вспашка, откармливали, перед выходом в поле им смазывали рога и шею маслом. Первую борозду проводил самый старый и уважаемый человек кишлака. Считалось, что все это нужно для того, чтобы пахота и сев, во многом определяющие будущий урожай, были удачными.

Цикл весенней обрядности в прошлом, очевидно, не ограничивался одним наурузом. Об этом свидетельствуют отдельные обычаи, обряды, сохранившиеся до наших дней, и воспоминания

<sup>46</sup> Полевые записи, 1947 г. Хива.

<sup>43</sup> *Тограма-плов* отличается обилием лука и моркови. Мясо в нем крошится на мелкие кусочки.

<sup>44</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд.

<sup>45</sup> Полевые записи, 1947 г. Хива.

о праздниках, в недалеком прошлом еще бытовавших в отдельных местностях. Перечень их мы начнем с обычая варить сумалек.

*Сумалек.* Весной (не в какой-нибудь определенный день, но во всяком случае в период появления первой зелени) дехкане варили особое обрядное блюдо *сумалек* — род киселя, приготовляемого из сока пророщенной пшеницы и из муки. Когда-то, видимо, само проращивание этой пшеницы сопровождалось определенным ритуалом. Обычай варки сумалека в последнее время стал праздником небольшой группы населения, объединившейся для приготовления этого блюда. Варили его в течение всей ночи. Непосредственно варкой занималась старая опытная женщина. Праздник считался женским, но на него приглашали и мужчин. В ожидании готовности сумалека собравшиеся беседовали, слушали музыку, пение, смотрели танцы, угощались пловом и баурсаком. Как только сумалек был готов, приступали к его распределению. Есть его полагалось уже дома<sup>47</sup>.

*Чаман.* У узбеков был еще один обычай, который, видимо, имел отношение к циклу весенних праздников, но давно утерял с ними связь и позднее приурочивался к суннат-тою или *зиафату*<sup>48</sup>, — это *чаман* («цветник»). Парни и молодые мужчины селения устраивали торжественное шествие к дому, где происходило празднование. На арбе везли или несли в руках срубленное деревцо джиды, предварительно очищенное от листвы и украшенное сладостями, сушеными фруктами, а летом и цветами. По дороге это деревцо осыпали сладостями. Около дома сладости с деревца расхватывали девушки и молодые женщины, поджигавшие процессию, стоя на крыше<sup>49</sup>.

*Праздник цветов.* Не так давно в Узбекистане были распространены праздники-гулянья, связанные с появлением весенних цветов. Массовые выходы детей и женщин в поля и горы на сбор первого весеннего цветка *бой-чечак*, сопровождавшиеся пением особых песенок<sup>50</sup>, начинали эти гулянья. С порой цветения тюльпанов и маков связывался другой весенний праздник, воспоминания о котором встречаются в некоторых местностях южной части Узбекистана. На сельской площади украшали

принесенными тюльпанами дерево, здесь же происходило гулянье. Ритуал его описан Е. М. Пещеревой, наблюдавшей этот праздник в селении Исфара бывшего Кокандского уезда<sup>51</sup>.

У населения Самарканда сохранились отрывочные воспоминания о празднике под названием *Сайли гули сурх* («праздник красного цветка»), когда молодежь выходила за город собирать красные тюльпаны и маки; центр праздника был у мазара Чупан-ата<sup>52</sup>.

Старики, наши информаторы, помнят еще об одном празднике, который тоже не имел своего определенного дня, но проводился в период цветения роз. Назывался он праздником «красной розы» (узб.—*қизил гул*, тадж.—*гули сурх*). Это был праздник, или завершающий весенний, или начинающий летний цикл праздников (существование в далеком прошлом таких циклов зафиксировано, как увидим ниже, в исторической литературе), так как цветение роз начинается не ранее мая-июня. В некоторых местах гулянья, связанные с этим праздником, продолжались в течение месяца. Обычай дарить розы родным и близким был самым характерным моментом его ритуала. В Хиве праздник «красной розы» проводился около мазара Баварыс-баба. На гулянье выходила преимущественно молодежь. Девушки, просватанные невесты и молодые женщины, все под паранджами, располагались на плоских крышах домов. А внизу, на улице и кладбище, примыкавшем к мазару, стояли мужчины. Около 12 часов дня на мазаре Баварыс-баба опускали шест, что было сигналом к началу праздника. Мужчины бросали женщинам крашеные вареные яйца, яблоки, гранаты. В этот день завязывались любовные интриги и все, что делалось, считалось простительным. Юноши кидали своим избранницам сладости, посылали им через детей кишмиш, халву. Девушки в свою очередь отвечали им такими же подарками. Яблоки, яйца и сладости женщины съедали. И мужчины, и женщины держали в руках и украшали себя красными розами (их не бросали). Во время празднества старики выполняли положенный намаз. В этот день на мазаре готовили рисовую кашу (*шавля*), которую ели все желающие. Праздник оканчивался в 16—17 часов, когда поднимали на мазаре Баварыс-

<sup>47</sup> Полевые записи, 1947 г. Хорезмская область Уз. ССР, Турткульский район КК АССР.

<sup>48</sup> *Зиафат* — периодические преимущественно мужские собрания, на которые собирались лица определенного возрастного состава. Они происходили по очереди у всех участников зиафата, сопровождалась угощением, которое либо устраивал хозяин дома, либо собирали вскладчину.

<sup>49</sup> Полевые записи, 1947 г. Хорезмская область УзССР, Турткульский район КК АССР.

<sup>50</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд.

<sup>51</sup> Согласно информации Е. М. Пещеревой, кроме походов молодежи за красными тюльпанами в горы он содержал элементы праздника майского дерева (этот праздник был распространен у народов Европы). Е. М. Пещерева. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда. «Сб. В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

<sup>52</sup> Полевые записи, 1965 г. Самарканд. Возможно, что название праздника было иным, так как под словом *гул* разумеется обычно роза. В данном случае произошло смешение названий, поскольку известен другой праздник под таким же наименованием, но связанный уже со временем цветения роз.

баба шест с прикрепленными к нему новыми полотнищами — *аллам*, которые висели в течение всего года до нового праздника<sup>53</sup>. Такой же праздник существовал в Бухаре<sup>54</sup>.

Все вышеприведенное свидетельствует о существовании в прошлом в Узбекистане очень большого и разветвленного цикла весенней обрядности, порожденной культом умирающей и воскресающей растительности, наличие которого в Средней Азии на большом материале доказывается в упомянутом труде Г. П. Снесарева<sup>55</sup>, а еще ранее утверждалось С. П. Толстовым в ряде его работ<sup>56</sup>. Нет сомнения в том, что в домусульманский период у предков современных земледельческих народов Средней Азии существовали особые праздничные циклы, сопровождавшие не только весеннюю пору, но и другие времена года, подобные тем, какие отмечались, например, у славянских народов. Приведенные у Бируни в его «Памятниках минувших поколений» данные о шести праздниках хорезмийцев, «которые нужны им в делах их веры»<sup>57</sup> и которые уже в его время (начало XI в.) претерпели значительные изменения, являются свидетельством этого положения. Они сопровождались определенными действиями и открывали различные сезоны года. Характер этих праздников как сезонных определил впервые известный русский исследователь К. Иностранцев<sup>58</sup>. Это его положение не вызывает сомнений. Но его утверждение, что эти праздники отмечались в середине и конце каждого сезона, очевидно, вызвано ошибкой в подсчетах, так как праздники явно не совпадают с этими сроками.

Через мусульманскую эпоху все праздники календарного цикла обрядов древности пройти не смогли. Пробыли себе дорогу лишь те, которые были связаны с особо важными жизненными явлениями, например с весной и надеждой на урожай, без чего невозможно было существование.

#### Летне-осенние праздники

Из древнего цикла календарных обрядов кроме весенних немного сохранилось летне-осенних празднеств и ничего не осталось от зимних. Однако в домусульманскую эпоху, по свидетель-

ству Бируни, указанное время года было насыщено различными знаменательными датами<sup>59</sup>.

Праздники урожая не только у узбеков, но и у других земледельческих народов Средней Азии в мусульманскую эпоху видоизменились, потеряли свой размах, сохранили в лучшем случае локальную значимость и, как правило, переродились в семейные праздники урожая, как *хырман-той*, сопровождающийся угощением в кругу семьи и поминовением умерших. Все это, безусловно, является результатом социальных сдвигов в среднеазиатском обществе, но подробно на этом вопросе мы останавливаться не будем, так как это тема специального исследования.

Из наиболее значительных праздников, связанных со сбором урожая, известны народные гулянья *сайли*, происходившие в сентябре, во время созревания дынь, у мазара Занги-ата под Ташкентом. Здесь же ежегодно осенью собирались пастухи для зиров (радений), так как Занги-ата считался в этих местах покровителем пастухов<sup>60</sup>. *Сайли-кавун* (праздник дынь) отмечался и в других местностях. В Хиве и Астане нечто подобное бывало в период созревания винограда, когда несколько пятниц подряд устраивались особые базары, на которых продавали преимущественно виноград<sup>61</sup>. Может быть, это очень слабый отголосок тех праздников, посвященных созреванию винограда и вкушению первого виноградного суслу, о которых идет речь у Бируни при описании праздников согдийцев<sup>62</sup>.

Были праздники общинно-семейного значения в связи с созреванием и последующим сбором шелковичных коконов. Они начинались весной, в пору оживления шелковичных червей. В окрестностях Турткуля и Хивы в апреле устраивали несколько пятниц подряд базары около святых мест. Основным товаром на них была грена шелковичных червей. А чтобы год был урожайным по сбору коконов, на базаре продавали и сладости, сахар, масло, жареную рыбу. Посетителями таких базаров были дети и женщины, занимавшиеся шелководством. В соответствии с этим и праздник считался женским. В домах в базарные дни иногда устраивали угощение. Логическим продолжением весеннего праздника был летний, когда коконы были готовы. Для сбора их устраивали *хашар* (совместное проведение той или иной работы силами членов одной общины), сопровождавшийся угощением. Затем женщины собирались для размотки коконов. Началу работы также предшествовало угощение. Затем старая опытная

<sup>53</sup> Полевые записи 1946 г. Ю. В. Кнорозова, г. Хива и полевые записи 1947 г. автора, г. Хива. Архив Института этнографии АН СССР.

<sup>54</sup> А. Х. Хамраев. Праздник «красной розы». «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1958, № 6.

<sup>55</sup> Г. П. Снесарев. Указ. соч., стр. 182—265.

<sup>56</sup> С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 204—205; и др.

<sup>57</sup> Абурайхан Бируни. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, стр. 258.

<sup>58</sup> К. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. «Журнал Министерства народного просвещения», февраль 1911 г., стр. 311—312.

<sup>59</sup> Бируни. Указ. соч., т. I, стр. 256—258.

<sup>60</sup> В. А. Шишкин. Мазары в Занги-ата. «Сб. В. В. Бартольд», стр. 165.

<sup>61</sup> Полевые записи, 1947 г. Хива.

<sup>62</sup> Бируни. Указ. соч., т. I, стр. 254.

женщина садилась у очага и начинала размотку коконов над казаном, а следом за ней — и другие. Во время этой работы женщины обращались за помощью к своей покровительнице — Биби-Фатьме<sup>63</sup>.

В нашей работе не нашли освещения праздники тех узбеков, которые занимались скотоводством. У них, кроме общемусульманских, были свои праздники, делившиеся также на циклы по сезонам, связанные с увеличением стада, выходом на летние и зимние пастбища, обработкой молочных продуктов. Особенно торжественными и многолюдными были праздники выхода на летовки. Некоторые праздники носили семейный характер. Однако скотоводческая обрядность еще ждет своего исследователя.

Таким образом, традиционные общественные праздники календарного цикла у узбеков являлись реликтами домусульманских верований и культов с их разветвленной обрядностью, но каждый из них, хотя и в разной степени, был исламизирован. Они характеризовались следующими чертами: 1) праздничное гулянье обычно происходило у святого места или мазара, построенного в честь какого-нибудь мусульманизированного святого, в рассказах о котором почти всегда явственно можно рассмотреть древнюю домусульманскую основу; 2) народное гулянье по тому или иному поводу всегда сопровождалось устройством базара, на котором шла оживленная торговля сладостями и т. п. и где обычно соревновались в своем мастерстве народные таланты; 3) в домах по большей части пекли обрядовые блюда — если не специальные, то общераспространенный баурсак. Ходили друг к другу в гости.

\* \* \*

В послереволюционный период старые праздники под воздействием социалистического переустройства общественного и семейного быта в нашей стране стали претерпевать существенные изменения. Безусловно этот процесс был постепенным.

Масштабы религиозных праздников сужались — из публичных с большими гуляньями они превращались, можно сказать, в семейные, поскольку именно за семьей оставалось частное право на отказ или исполнение религиозных обрядов в местах культа. Затем и эта часть религиозных праздников стала соблюдаться лишь в узком кругу людей старшего возраста.

Сокращались масштабы и старых народных праздников. Большие гулянья народного науруза сначала уменьшились, затем ис-

чезли совершенно. Однако продолжали сохраняться, особенно в кишлаках, приготовление обрядовой гуджи и посещение отдельными семьями близлежащего мазара, где устраивались и общественные трапезы. Приготовление обрядовых кушаний — сумаляка, баурсака сохранялось, хотя, конечно, сужался их ареал. Таким образом, можно говорить об определенной закономерности в эволюции старых общественных праздников — они постепенно теряли свой общественный характер.

### Новые праздники

Новая эпоха способствовала рождению в Средней Азии, как и повсюду в нашей стране, новых праздников. Входили в жизнь они постепенно. Первым породил и воспринимал их, как правило, город. Новые праздники общественного быта можно разделить на следующие группы: общесоветские с постоянным календарем, посвященные революционным событиям и событиям международной солидарности трудящихся, а также повторяющиеся из года в год, но не приурочиваемые к одним и тем же числам праздники общественно-политического значения: интернациональной дружбы народов, молодежные, профессиональные и т. п.; календарно-хозяйственные — «Серпа и молота», «Пахтабайрами», Нового года; и местного значения (праздники городов, улиц и т. д.).

Новые, революционные и советские праздники порождены событиями революционной эпохи, периода строительства коммунистического общества в нашей стране, поэтому они новы и по содержанию, и по форме проведения.

Большинство этих праздников отличается от старых не только поводом, но и ритуалом, и изобразительными средствами. Но есть среди них и такие, которые идею, в известной мере форму, изобразительные средства позаимствовали у старой общественной обрядности. Это, как правило, праздники, названные нами «календарно-хозяйственными».

Те новые праздники, которые позаимствовали повод в традиционной обрядности, рождаются, можно сказать, заново, поскольку старые их формы и содержание ушли из быта; в настоящее время сохраняются лишь их отдельные элементы. Церемониалы многих общественных праздников, за исключением части, протекающей в домашних условиях, создаются культурно-просветительными учреждениями, народ лишь корректирует их в процессе вживания праздника в быт. Надо отметить, что характерной чертой настоящего времени в развитии общественных праздников является тенденция ко все большему насыщению их элементами народной культуры. Это выражается в том, что все больше

<sup>63</sup> Полевые записи, 1947 г. Турткуль, Хива и их районы.



возрождаются формы народных гуляний с характерными видами народно-спортивных развлечений. Но теперь в этих праздниках отражаются и новый семейный быт, и иное отношение к женщине, и иные в сравнении с прошлым взаимоотношения членов семьи и общества. Каждый из этих праздников отмечают в семьях в формах, распространенных повсеместно по стране: посещают друг друга, устраивают праздничные угощения, приглашая на них не только родственников, но друзей и знакомых по работе или месту жительства, состав которых часто бывает разнонациональным и разновозрастным. Женщины при этом не обособляются от мужского общества.

#### Общесоветские праздники

В Узбекистане, как и повсеместно по Союзу, торжественно отмечаются годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Подготовка к празднованию начинается задолго до даты предпраздничным соревнованием на производстве, рожденным трудовым энтузиазмом советского народа; торжества включают торжественное заседание и праздничный концерт. На торжественной части оглашаются итоги года, итоги соревнования. В день праздника всегда бывает торжественная демонстрация и народное гулянье.

В семьях к этому празднику заранее готовятся. Празднично убраный дом, новые одежды, угощение, поздравления родным, друзьям и знакомым — сопутствующие элементы праздника. Обычай рассылать поздравления сопровождает теперь все новые праздники.

Такие же формы имеет праздник Международной солидарности трудящихся — День 1 Мая. В такой атмосфере проходят названные праздники в городах и сельской местности.

Особое место среди общесоветских праздников занимает Международный женский день 8 марта, являющийся одновременно и праздником освобожденной женщины Узбекистана. Он широко отмечается всюду — на производстве и дома. На производстве и в учреждениях на торжественных собраниях отмечают трудовые успехи женщин. Торжественные концерты таких вечеров тоже посвящены женщинам.

Узбекистан вместе со всей страной отмечает все знаменательные дни, посвященные труду, отдельным профессиям или событиям — День железнодорожника, День шахтера, День учителя и т. п. В эти дни в парках и дворцах культуры устраиваются торжественные заседания и праздничные концерты. Как и вся страна, Узбекистан отмечает День конституции, День победы, праздник Советской Армии, День Военно-Морского Флота, День тан-

киста, День физкультурника и другие, проводя их по установившейся общесоюзной форме.

С 60-х годов в Узбекистане на стадионах, куда собирается молодежь, проводится Праздник песни. В этом празднике обязательно участвуют хоровые коллективы, исполняющие любимые молодежные песни, подхватываемые всей аудиторией.

Среди праздников, не имеющих постоянных сроков для празднования, следует отметить ряд молодежных, проходящих в форме различных фестивалей. Подготовка к ним в каждом отдельном случае особая. В группу общесоветских входят и праздники интернациональной дружбы народов — ежегодно проводимая неделя дружбы народов СССР и т. п.

#### Календарно-хозяйственные праздники

В последние годы в Узбекистане утвердился ряд новых праздников, носящих сезонный, календарный характер и увязывающихся с определенными хозяйственными задачами. Такие праздники завоевали себе уже прочное место в быту сельских и городских тружеников. Поводы их частично заимствованы из традиционной обрядности календарного цикла. Некоторые из них, например праздник «Серпа и молота», не находят аналогий в традиционном календаре, другие, как праздник «Пахта-байрами», наоборот, являются развитием на новом этапе народной традиции отмечать окончание сбора урожая. Праздник цветов, распространенный прежде и в городах, и особенно в сельских местностях, сейчас нашел место в жизни горожан, значительно изменив свое содержание. Возродился весенний праздник науруз, летне-осенний кавун-сайли (праздник урожая дынь). Праздник Нового года заимствован у других народов Советского Союза.

#### *Праздник «Серпа и молота»*

Остановимся подробнее на празднике «Серпа и молота». Создан он был на Украине. В Узбекистане восприняли его идею и создали свой праздник, являющийся символом единства тружеников села и города. Отмечается он дважды в году — весной и осенью. Весной берутся обязательства, осенью проверяется их выполнение. Городские организации определенного района берут шефство над колхозами и совхозами какой-нибудь области, выезжают туда. В намеченные сроки представители колхозов и совхозов приезжают в город. В парках городов устраиваются встречи представителей данного района города с колхозниками. Праздник включает торжественную часть и народное гулянье.

Пользуется известностью праздник «Серпа и молота», справляемый в Сырдарьинской области УзССР, над которой шефствует Ташкент. Весной в область выезжают горожане, осенью, наоборот, гости приезжают в Ташкент.

Вот краткое описание одного из таких праздников, зафиксированное в отчете 1965 г. Парка культуры и отдыха им. Ленинского комсомола Чиланзарского района Ташкента.

«...Ранним весенним утром в Чиланзарском районе столицы Узбекистана наблюдалось праздничное оживление, слышались звуки карная и сурная. У здания райкома партии собрались нарядно одетые рабочие, строители, учителя, врачи, комсомолцы, пионеры и школьники, спортсмены, артисты кружков художественной самодеятельности. Колонна автомашин предприятий этого района Ташкента с транспарантами и флагами под звуки марша направляется в колхоз «Коммунизм», совхоз «Баяут-1», «Баяут-3» Янгирского района Сырдарьинской области на праздник «Серпа и молота».

Центральная площадь колхоза «Коммунизм» была украшена символическими изображениями серпа и молота.

Колхозники встречали гостей хлебом-солью. Играли карнай, сурнай, духовой оркестр. Ташкентцев осыпали цветами. После приветствий в клубах проводилась торжественная часть. Колхозники вручали рабочим, а рабочие — колхозникам вымпелы как лучшим трудовым коллективам и подарки. Был заключен договор о социалистическом соревновании между домостроительным комбинатом, кожгалантерейной фабрикой и колхозом «Коммунизм». Представители трудящихся Чиланзарского района Ташкента дали обязательство успешно завершить семилетку и оказать товарищескую помощь подшефным колхозам и совхозам. Колхозники обратились к городским организациям за помощью в подготовке шоферов, водителей хлопкоуборочных машин, просили чаще практиковать выезды врачей для консультаций, проводить обмен опытом учебно-воспитательной работы. После окончания торжественной части всех пригласили пойти в поле на церемонию проведения первой борозды. На тракторы сели горожане и колхозники. Под звуки карная и сурная была проложена первая борозда. После этой церемонии последовало приглашение на концерт художественной самодеятельности горожан и колхозников. Массовики проводили игры и аттракционы. Были организованы встречи по профессиям. Перед началом киносеанса были прочитаны лекции на атеистические и международные темы<sup>64</sup>.

На праздник «Серпа и молота» выезжают представители всех

<sup>64</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент.

районов Ташкента, большинство предприятий, учебных заведений, научно-исследовательских институтов, культурно-просветительных учреждений и театров<sup>65</sup>. Каждый район города имеет на селе своих подшефных — колхозы и совхозы области.

#### Современный науруз

В 1967 г. общественность республики вынесла решение о ежегодном праздновании науруза, были проведены первые опыты по проведению этого имеющего глубокие народные традиции праздника. Устраивались народные гулянья в парках, на стадионах, во время которых демонстрировались национальные виды развлечений. Однако церемониал этого праздника сложился не сразу. Сначала в некоторых местностях он проводился в форме, напоминающей торжественное заседание. Так, в Ургенче, например, в 1967 г. науруз был проведен в областном педагогическом институте, где собралась общественность города, лица, окончившие этот институт. Выступали присутствующие, затем поэты. Был дан концерт. Вечер завершился викториной<sup>66</sup>. Но с каждым годом науруз-байрами совершенствовал свои формы, становясь большим народным праздником, в котором с наибольшей полнотой проявляются народные традиции общественных праздников. В дни науруза (в марте) народ празднует приход весны.

Особенно красочно и радостно отмечают науруз-байрами в Хорезме и Фергане. К этому веселому народному празднику готовятся заранее, привлекая певцов и танцоров, канатоходцев и маскарабазов (острословов), коллективы художественной самодеятельности. Во время праздника проводятся спортивные состязания — кураш, улак и другие развлечения<sup>67</sup>. Певцы и танцоры приезжают на полевые станы и в рабочие клубы, по радио и телевидению звучат народные песни и танцевальные мелодии, у всех приподнятое настроение. Во время науруза старшие по возрасту дети приходят в родной дом, чтобы поздравить мать и отца с праздником, одарить младших сестер и братьев. Все, кто был в ссоре, мирятся, прощают старые обиды. В дни науруза празднуют первые свадьбы года. Все это говорит о том, что традиционный народный праздник обогатился новым содержанием, стал символом счастливой жизни советских людей, праздником, прославляющим человека-труженика, радость свободного труда, плодами которого пользуется сам человек.

<sup>65</sup> Там же.

<sup>66</sup> Полевые записи, 1968 г. Ургенч.

<sup>67</sup> И. Джаббаров. Новые обряды и ритуалы — в быт трудящихся. «Коммунист Узбекистана», 1971, № 6, стр. 64, 198.

В парках культуры и отдыха почти всех городов Узбекистана проводится праздник цветов. Бывает он или весной (в мае — праздник роз), или в конце лета (праздник цветов).

В основе программы праздника цветов — конкурс «Кто вырастит лучшие цветы?» Конкурсы организуют парки культуры и отдыха и проводят их в субботние и воскресные дни. Конкурсы сопровождаются гуляньями в парках.

В Узбекистане пользуются известностью наманганские праздники цветов. Родился этот праздник в г. Намангане так. Цветоводы-любители через местную печать, радио, культурно-просветительные учреждения обратились к населению города с призывом украсить свои дворы и городские улицы красивыми цветами. Этот призыв нашел отклик среди населения и был поддержан партийно-советскими организациями города. Наманганцы теперь живут лозунгом «Превратим Наманган в город-сад». Парк культуры и отдыха им. Пушкина в Намангане объявил конкурс на лучшее выращивание цветов. В 1961 г. в нем приняли участие лишь 16 человек. А теперь этот конкурс входит обязательной составной частью в городской праздник цветов, который здесь стал уже традиционным и имеет постоянную программу.

В дни праздника цветов (проводимого во второй половине августа в течение двух дней — субботы и воскресенья) главный вход в парк оформляется флагами СССР и Уз. ССР. Над входом — плакат «Добро пожаловать». Гирлянды цветов. На аллеях установлены панно, на главной — стенды с фотографиями мастеров-цветоводов. Для консультаций по вопросам цветоводства выделяются дежурные цветоводы.

В парке играет музыка, работают аттракционы, выступают наманганские поэты, проводится викторина: «Знаете ли Вы названия цветов?»

Устраивается выставка цветов (на специальных столах в вазах стоят цветы с указанием, кем они выращены). По окончании праздника жюри подводит итоги конкурса, и лучшие цветоводы премируются. В конкурсе участвуют и организации, и отдельные лица. В дни праздника по народному обычаю устраивают праздничные базары<sup>68</sup>.

Праздники цветов, включающие конкурсы цветоводов, имеют большое значение не только для удовлетворения эстетических потребностей населения, но и для озеленения и украшения города. Преобразился и наманганский парк. При содействии общественников он был разбит на участки, каждый из которых закрепили за цветоводами-любителями, представителями той или иной

<sup>68</sup> Полевые записи, 1966 г. Наманган.

организации. Прошло немного времени, и парк стал цветущим садом. Зазеленели улицы, на красиво распланированных газонах и клумбах растут цветы<sup>69</sup>.

*Кавун-сайли*

В настоящее время в Узбекистане возродился праздник кавун-сайли, сопровождающийся народными гуляньями, во время которых показывают свое мастерство певцы, танцоры, музыканты народных самодеятельных коллективов и представители профессионального искусства, проходят соревнования в национальных видах спорта и т. д. Устраивают его в период созревания дынь, как это делалось и в прежние времена. Сценарий этого праздника первоначально был создан Республиканским домом народного творчества в Ташкенте<sup>70</sup>. В последние годы этот праздник интересно проводился в Мирзачульском, Янгиерском и Ильичевском районах Сырдарьинской области<sup>71</sup>.

На празднике кавун-сайли демонстрируются результаты трудового года, он является также символом сотрудничества города и деревни. Осенью 1971 г. он «прибыл» даже в Москву — узбекские колхозники из 13 бахчеводческих хозяйств Узбекистана привезли в столицу десятки тонн дынь, арбузов, фруктов. На ВДНХ состоялась их дегустация. Праздник открыл знатный бахчевод республики, преподнесший представителям города Москвы на огромном подносе плоды узбекской земли. После этого сорок узбекских девушек угощали гостей праздника. Под звуки карнаев и сурнаев московские девушки вручили узбекским гостям хлеб-соль и сноп пшеницы. Гости из Узбекистана показали москвичам большое театрализованное представление. В дни праздника происходили встречи москвичей с писателями, поэтами и композиторами Узбекистана. Столичные гости познакомились с узбекскими традиционными народными спортивными играми — кураш, скачками, с выступлениями народных циркачей — дарбазов (канатоходцы). В заключение прошел большой бал под девизом «Приглашаем в Узбекистан». Кавун-сайли в Москве, праздник народный и национальный, был в то же время яркой демонстрацией дружбы и братства народов Страны Советов<sup>72</sup>.

<sup>69</sup> Полевые записи, 1966, г. Наманган. См. также: *Т. Рузибаев*. По велению сердца. Ташкент, 1966.

<sup>70</sup> Полевые записи, 1965 г. Ташкент.

<sup>71</sup> *И. Джаббаров*. Новые обряды и ритуалы — в быт трудящихся, стр. 65.

<sup>72</sup> *Д. Ганиев, Ш. Яхьяев*. Новая жизнь обрядов, праздников, традиций. «Наука и религия», 1972, № 2, стр. 12—13.

Большой праздник, отмечающийся уже около 20 лет ежегодно и повсеместно в Средней Азии и, конечно, в Узбекистане, — это пахта-байрами. Этот праздник, зародившийся в народной среде, стал официальным праздником среднеазиатских хлопкоробов. Теперь разработан порядок его проведения. Этот праздник имеет свой прототип в хырман-тоге, справлявшемся по окончании сбора урожая. Но хырман-той скорее семейный праздник, чем общенародный, праздник единоличного хозяйства. Пахта-байрами — это праздник среднеазиатских земледельцев, объединенных в большие социалистические хозяйства. Это праздник хлопкоробов, так как основное направление сельского хозяйства Средней Азии — выращивание хлопка. В пахта-байрами удачно совмещается многое от больших народных праздников, народных гуляний с современными формами проведения праздников.

Постоянного дня он не имеет, но бывает примерно в середине декабря. Сроки его проведения определяются окончанием сбора хлопка повсеместно по Узбекистану. О дне празднования бывает специальное распоряжение, публикуемое в местных газетах и объявляемое по радио.

Праздник начинается в колхозах. Колхоз выделяет продукты по бригадам. Устраивается угощение на полевых станах или чайханах, в бригадных клубах. После угощения бывают концерты силами колхозных кружков художественной самодеятельности. Артисты самодеятельности начинают общее веселье. Народ танцует, поет. В Шахрисабзе, например, любят танцевать новый танец — андижанскую польку и старинный народный танец — джанон. Исполняется танцевальная мелодия «рокат». Здесь очень любят игру на дойре и рубобе, под аккомпанемент которых танцуют и поют.

В районных центрах организаторы праздника (местные партийно-советские органы и отделы культуры) собирают передовиков сельскохозяйственного производства, лучшие из них получают награды. После торжественной части бывает «вечер», по терминологии шахрисабзцев, т. е. банкет для всех приглашенных, сопровождающийся концертом артистов районной художественной самодеятельности<sup>73</sup>.

В рамках района бывает и более широкое празднование пахта-байрами, когда в парке или на стадионе устраивают соревнования по национальным и современным видам спорта, организуют выступления маскарабазов, народных циркачей, проводят бои баранов и т. п. После этого организуют выступления самодеятельных коллективов. Торжественная часть проходит в

форме митинга-демонстрации представителей различных организаций района. Местные писатели комментируют течение праздника по радио<sup>74</sup>. Так проходит пахта-байрами, например, в Хазараспе.

Самым торжественным пахта-байрами бывает в областном центре, куда съезжаются лучшие представители районов, передовики сельского хозяйства.

Каждая область Узбекистана сохраняет известный местный колорит в проведении этого праздника, сценарии которого разрабатываются работниками культуры данной области.

Один из сценариев проведения пахта-байрами был разработан домом народного творчества при управлении культуры Ташкентского облисполкома. В соответствии с этим сценарием пахта-байрами в Ташкентской области проводится следующим образом. Здесь, как и везде в Узбекистане, в праздновании пахта-байрами участвует и город.

Партийные и советские организации данного района, области определяют место для проведения праздника: в парке, саду, на стадионе и т. п. Эти территории украшаются лозунгами, плакатами, яркими транспарантами. Над центральным входом устанавливаются «Серп и молот» как символы дружбы рабочих и крестьян. На всей территории, где будет проводиться гулянье, колхозы и совхозы района оборудуют свои оформленные в национальном стиле павильоны для отдыха колхозников, устанавливают чайханы, столовые, организуют продажу фруктов и овощей, бахчевых, устраивают выставку сельскохозяйственной продукции. Рядом располагается выставка продукции, выпускаемой предприятиями района или города, шефствующего над районом.

На центральной площадке строят открытую эстраду, украшают ее большой белой коробочкой хлопка. На коробочке — цифры: план заготовок республики, области, района. Специально оформленные рекламой о празднике автомашины с музыкантами, у которых карнаи и сурнаи, объезжают колхозы, совхозы, населенные пункты района, области, оповещая о начале и программе праздника.

Сбор гостей начинается с 9 часов утра. Их встречают музыкой. Играют духовые оркестры и оркестры узбекских народных инструментов, раздаются звуки карнаев и сурнаев.

На праздник съезжаются со всего района, области на ярко украшенных машинах, на передних едут артисты коллективов художественной самодеятельности.

По приезде гости отдыхают в оборудованных колхозами павильонах. За традиционным чаем ведут беседы о результатах

<sup>73</sup> Полевые записи, 1967 г. Шахрисабз.

<sup>74</sup> Полевые записи, 1968 г. Хазарасп.

года, смотрят выступления коллективов сельской самодеятельности, развлекаются традиционной аския.

В 11 часов начинается торжественная часть. Всех собравшихся приглашают к эстраде, с которой их приветствуют секретарь районного, городского или областного комитета партии, выступают передовики сельского хозяйства и промышленных предприятий, шефствующих над районом, руководители партийных и советских организаций, водители хлопкоуборочных машин, или, как их называют, водители «голубых кораблей», представители лучших бригад механизированных хозрасчетных звеньев. Тружеников полей приветствуют пионеры.

В заключение передовики хлопковых полей передают секретарю районного или областного комитета партии и председателю райисполкома или облисполкома букет первого хлопка.

С 12 часов начинается театрализованная программа праздника, которую открывает девушка в белом платье с букетом хлопка в руках. Выступают коллективы самодеятельности предприятий города, районных домов культуры, сельских и колхозных клубов. Массовики в разных местах организуют игры и танцы.

С 17 часов начинаются товарищеские встречи по волейболу, шахматам и т. д. На стадионах происходят соревнования в национальных видах спорта.

В 21 час начинается демонстрация кинофильмов. В 22 часа 30 минут зажигается фейерверк, возвещающий об окончании праздника <sup>75</sup>.

#### *Праздник Нового года*

Последний из праздников, который в известной мере можно отнести к календарным, — это праздник Нового года. Для Средней Азии, и в частности для Узбекистана, это совершенно новый праздник. Раньше год в Средней Азии начинался с весны, с праздника науруза. Сейчас принят общесоюзный счет времени.

Сам праздник, как и везде по Союзу, отмечают в ночь на 1 января. Устраивают банкеты во дворцах культуры, в ресторанах, встречают Новый год в семейном кругу. Так бывает в городе. В сельской местности современный праздник Нового года отмечают обычно семьи интеллигенции и молодежь. Праздник Нового года повсеместно сопровождается детскими новогодними елками.

В Узбекистане праздник Нового года и детской новогодней елки стал почти таким же обычным, как в центральных районах России. Под Новый год разукрашенные елки устанавливаются

в дворцах культуры, дворцах пионеров, школах, детских садах и т. д., вокруг которых веселится школьная и дошкольная детвора в период зимних каникул школьников. В последние 10—15 лет в семьях, где есть дети, очень часто также устраивают елку. Елки привозят на базар из пределов РСФСР. Дети с удовольствием украшают их игрушками, ходят друг к другу в гости, обмениваются подарками. В городах и районных центрах почти всегда увидишь капроновую елочку, которая стоит обычно на шифоньере среди красивой посуды, дожидаясь срока, когда она опять станет символом праздника <sup>76</sup>.

Завершая рассказ о календарно-хозяйственных праздниках, надо сказать, что в Узбекистане в послевоенный период начал складываться еще один праздник, имеющий отношение к труду земледельца, — это праздник «Первой коробочки», устраиваемый в период созревания хлопка, но затем он совместился с осенним туром праздника «Серпа и молота».

Узбекские животноводы также имеют свой праздник — День животновода. Установившегося ритуала его еще не существует, но в районах с развитым животноводческим хозяйством местные культурно-просветительные учреждения обязательно организуют такие праздники.

#### *Праздники местного значения*

Эта серия праздников призвана воспитывать патриотическую гордость за город, селение, где ты живешь, с идеей дружбы народов, обмена опытом. Так ежегодно проводятся праздники городов, дни районов, дни махалля, праздник улицы. Эта традиция появилась также в 60-е годы.

Вот, например, как проводился день г. Шахрисабза в г. Карши в сентябре 1967 г. В парке культуры и отдыха им. Ленина жители областного центра ознакомились с достижениями промышленных предприятий г. Шахрисабза. На фабриках и заводах г. Карши прошли вечера дружбы с передовиками производства Шахрисабза. Участники художественной самодеятельности и артисты шахрисабзского народного театра выступили перед жителями г. Карши. Праздник закончился большим народным гуляньем <sup>77</sup>.

День махалли и день улицы проводят либо в клубе, если он есть, либо в городском парке. Эти праздники организовываются так: собирают сведения по истории данной махалли или улицы, выявляют интересных, знаменитых людей, живущих здесь. Все

<sup>76</sup> Г. П. Снесарев. Духовный облик узбекского крестьянина. «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 274; Полевые записи, 1966—1968 гг.

<sup>77</sup> Полевые записи, 1967 г. Карши.

<sup>75</sup> Полевые записи, 1967 г. Ташкент.

Эти сведения в интересной форме (остроумно и художественно оформленные стенные газеты, стенды, фотовитрины) доводятся до жителей, собравшихся на праздник своей улицы. Заключается он всегда концертом артистов коллективов художественной самодеятельности местных дворцов культуры, клубов и т. д. В каждом районе, городе бывают творческие находки в порядке проведения таких праздников.

Нетрудно заметить, что среди названных праздников общественного характера много совершенно новых для Узбекистана. К последним относятся не только все общесоветские праздники, праздники данной местности<sup>78</sup>, а также некоторые из вновь вводимых, связанных с чествованием предприятий, с трудовой деятельностью, например праздник «Серпа и молота» и т. д. Другая категория праздников — такие, как науруз, праздник цветов, в известной степени пахта-байрами и прочие — повторяет идею традиционных праздников узбекского народа, но отличается от них содержанием и формами проведения. Однако в формирующихся новых общественных праздниках также наблюдаются некоторые черты народных праздников, а именно тенденция к возрождению больших народных гуляний, на которых разворачиваются во всю ширь народные таланты, проявляющиеся в музыкальном, танцевальном, театральном искусстве, в соревнованиях по национальным видам спорта. Они сопровождаются различными национальными развлечениями. Эту тенденцию надо всемерно поддерживать, так как процесс формирования современной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, сопровождается такими явлениями, как взаимообогащение современных и традиционных форм культуры. В то же время эта категория праздников, характеризуя новую национальную культуру узбекского народа, во многом складывается из интернациональных черт советской культуры. Показателем того, что эти праздники вошли в быт узбекского народа, стали новой традицией, является обычай отмечать их в кругу семьи.

<sup>78</sup> Для Средней Азии это новая традиция.

## Заключение

Советский Узбекистан, как и вся наша страна, в короткий полувековой срок прошел путь глубоких социально-экономических преобразований, приведших к кардинальным изменениям в жизненном укладе народов, в их материальной и духовной культуре. Говоря об успехах, достигнутых в республиках Средней Азии и Казахстана к пятидесятилетию Союза ССР, Л. И. Брежнев отметил, что в Узбекской ССР «работает сейчас больше специалистов с высшим и средним образованием, чем в народном хозяйстве всего Советского Союза в конце 1920-х годов. Родилась и прочно встала на ноги большая наука — в республиканских академиях плодотворно трудятся многие тысячи ученых»<sup>1</sup>.

Социально-экономические преобразования, громадные успехи культуры и науки отразились на всех сторонах быта. Изменились общественная и производственная жизнь народа, уклад семейной жизни. Это повлекло за собой перемены в общественной, производственной и семейной обрядности. Однако изменения в обрядности наступали значительно позже, чем в семейных и общественных отношениях. Процесс формирования новой обрядности идет по двум направлениям: 1) преобразование традиционной обрядности; общая тенденция его — изменение и формы, и содержания обряда на основе творческой переработки традиционных и включения новых общесоветских элементов культуры; 2) создание новых разнообразных обрядов, связанных с бытом социалистической эпохи.

В формировании новой обрядности в Узбекистане наблюдаются те же закономерности, что и в других республиках нашей страны. Новые для Узбекистана ритуалы содержат больше общих черт с идентичными ритуалами и обычаями, распространившимися и в других республиках Советского Союза, так как все они строятся на базе общесоветских черт культуры, советского обра-

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев. О пятидесятилетию Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 30.

за жизни. Праздники же и особенно обряды, имеющие аналогии в традиционной обрядности, отличаются тенденцией к значительному сохранению элементов национальной культуры, так как складываются на основе старых народных праздников в сочетании с новыми чертами современной культуры и, таким образом, значительно разнятся от подобных праздников у других народов СССР.

Формирование новой безрелигиозной обрядности в Узбекистане в настоящее время идет довольно быстрыми темпами, ликвидируя шаг за шагом обозначившееся, особенно в послевоенный период, расхождение между уровнем развития общественных и семейных отношений и состоянием общественной и семейной обрядности. Темпы этого процесса возросли в последние годы благодаря деятельности общественности, научных и культурно-просветительных учреждений, принимающих активное участие в преобразовании и создании новой обрядности. Значение этой работы очень велико — в ней осуществляется одна из важнейших задач, поставленных XXIV съездом КПСС перед работниками идеологического фронта, — творчески подходить к делу коммунистического воспитания.

Партийные организации республики рассматривают эту работу в органической связи со всеми вопросами переустройства производственного, общественного и домашнего быта, преодоления пережитков старины в сознании, поведении и быте людей, утверждения высоких принципов коммунистической морали во всех сферах общественных и личных отношений<sup>2</sup>.

В результате этой деятельности созданы новые для Узбекистана ритуалы и праздники. Эти новые формы быта стимулируют прогрессивный процесс преобразования традиционной обрядности. Для сферы семейных отношений особо существенно то, что расширяется круг семейных праздников, в число которых вошли дни рождения, даты окончания школы и вуза, получение паспорта, юбилеи и т. д. В этом нашло свое выражение связанное с развитием социалистических общественных отношений возрастание внимания и уважения к личности человека. Это обстоятельство тем более важно для узбеков, как и для других народов Средней Азии, в общественном и бытовом укладе которых до революции было сильно влияние ислама, а у части населения — и пережиточных традиций патриархально-родового быта, подавляющих личность.

Современная гражданская безрелигиозная обрядность узбекского народа, уже утвердившаяся и продолжающая обогащаться

новыми формами и ритуалами, вобрала в себя все лучшее, прогрессивное из духовного наследия прошлого; в ней изжиты элементы косности, рутины, пережитки догм ислама, архаических доисламских верований и ритуалов, а их остатки обречены на исчезновение.

Обрядность отражает у нас запросы и идеи социалистического общества, советских людей; национальные традиции и праздники в ней сочетаются с межнациональными, общесоветскими; она проникнута духом дружбы и братства народов.

К этой форме духовной жизни узбекского народа, как и ко всей его культуре, всецело относятся слова, высказанные Л. И. Брежневым в его речи при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов: «Славные гуманистические традиции древней узбекской культуры получили как бы новую жизнь, обогатившись социалистическими идеалами и устремлениями»<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Ш. Р. Рашидов. Коммунистическое строительство и культура быта. «Коммунист», 1964, № 10, стр. 51, 62.

<sup>3</sup> Л. И. Брежнев. Верность великому Союзу братских республик. (Речь при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов). «Правда», 25 сентября 1973 г.

# Оглавление

Введение . . . . .	3
<b>Глава I. Трансформация традиционных семейных праздников и обрядов</b>	<b>14</b>
Узбекская семья в советский период . . . . .	14
Свадебная обрядность . . . . .	22
Обычаи и обряды, посвященные рождению и воспитанию детей	69
Новый бытовой праздник — новоселье . . . . .	87
<b>Глава II. Становление и тенденции развития новых праздников и обрядов</b>	<b>94</b>
Роль общественных организаций и культурно-просветительных учреждений в формировании новых обрядов и традиций .	94
Общественно-семейные праздники . . . . .	99
Праздники и ритуалы, связанные с трудовой деятельностью	107
Общественные праздники в Узбекистане . . . . .	116
Заключение . . . . .	137

## СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

стр.	строка	напечатано	должно быть
11	21 сверху	XIV пленум ЦК КП Узбекистана	IV пленум ЦК КП Узбекистана
105	6 сверху	колхозников	рабочих совхоза

Зак. 4263.

Нина Петровна Лобачева

### Формирование новой обрядности узбеков

Утверждено к печати  
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая  
Академии наук СССР

Редактор издательства **С. Н. Васильченко**. Художественный редактор **В. И. Тикунов**  
Художник **Н. Михайлов**. Технический редактор **Н. Н. Плохова**

Сдано в набор 26/VIII 1974 г. Подписано к печати 8/I 1975 г.

Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 8,8  
Тираж 3200. Т-02004. Тип. зак. 4263. Цена 54 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21  
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10